Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

В. А. Мазилов

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ

Монография

Ярославль



2020

УДК 159.9
ББК 88
М 13

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Рецензенты:
доктор психологических наук, профессор Института гуманитарных наук
Балтийского федерального университета им. И. Канта,
Г. В. Залевский,
доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии
Академии постдипломного образования, г. Минск, Беларусь
В. А. Янчук,
доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной и политической психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова
В. В. Козлов

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда (проект № 18-18-00157)
и при поддержке РФФИ (грант 18-013-00137)

Мазилов, В. А.
М 13 Предмет психологии : монография / В. А. Мазилов. − Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. − 175 с.
ISBN 978-5-00089-397-5

В монографии дается анализ современного состояния психологической науки. Показано, что важнейшей методологической проблемой является проблема предмета психологии. Предпринят теоретический анализ предмета, выявлены функции предмета науки, и, соответственно, его основные характеристики. Установлено, что предмет должен пониматься целостно как совокупный предмет. В книге предлагается новая трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека, позволяющая разрешить ряд дискуссионных вопросов современной психологии.

Книга адресована профессиональным психологам, может быть использована студентами и аспирантами, изучающими общую психологию в университете, практическими психологами, представляет интерес для всех, интересующихся научной психологией.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-00089-397-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 4

ВВЕДЕНИЕ........ 6

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ........ 10

1.1. Предмет психологии как методологическая проблема психологии 10

1.2. Многообразие подходов к проблеме предмета 21

1.3. Теоретическое исследование предмета........ 26

1.4. Проблема предмета в аналитической психологии 28

1.5. Предмет психологии: целостность и анализ «по единицам» 32

1.6. Внутренний мир человека как предмет психологической науки 48

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ И РЕШЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ........ 66

2.1. Предмет психологии и ответ на вызов глобализма........ 66

2.2. Предмет психологии и кризис психологии........ 77

2.3. Предмет психологии и междисциплинарные исследования 96

2.4. Предмет психологии и коммуникативная методология 106

2.5. Предмет психологии и проблема объяснения в психологии 119

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 152

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК........ 164

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография «Предмет психологии» посвящена анализу современного состояния психологии и содержит результаты методологических исследований, проведенных автором в самое последнее время. Если говорить более точно, то книга посвящена разработке методологических вопросов, поставленных в предыдущей книге автора [Мазилов, 2017]. Таким образом, книга дает представление о некоторых результатах работы за два последние года.

Содержание настоящей работы определяется следующим. Традиционно считается, что психология как самостоятельная наука возникла во второй половине XIX столетия. Соответственно в продолжение полутора веков научная психология развивается как самостоятельная дисциплина. При этом предполагается, что наука развивается по своим собственным законам, управлять или направлять ее развитие невозможно.

Такая точка зрения представляется автору мифом, причем достаточно вредным. В противоположность тому, что было сформулировано в предыдущем абзаце, автор полагает, что процесс формирования психологии как самостоятельной науки еще не завершен, поэтому мы еще не можем считать психологию сложившейся самостоятельной наукой. Более того, автор полагает, что этот процесс становления можно ускорить, если целенаправленно решать определенные методологические вопросы, этим процессом в перспективе можно управлять. Наша позиция состоит в том, что научная психология как фундаментальная дисциплина еще только формируется, завершается этап поиска психологией своего предмета. Поскольку он явно сложнее предмета как естественных, так и гуманитарных наук, предстоит поиск адекватного метода, позволяющего постигать столь сложные явления. Соответственно, для развития психологической науки требуется специальный методологический инструмент. Как нам представляется, обсуждением и планированием перспективных решений этих вопросов должна заниматься философия психологии, которая начинает складываться в самостоятельную область знания в современной отечественной психологии.

В монографии представлены результаты теоретического анализа проблемы предмета. Предмет психологии как централь-

ное понятие методологии психологии должен выполнять определенные функции в структуре психологического знания. Соответственно, формулируются требования к конструкту предмета психологии. Показано, что далеко не каждое широкое психологическое понятие может претендовать на то, чтобы выступать предметом психологической науки. Принципиальной новизной авторского подхода является позиция, согласно которой предмет должен рассматриваться целостно как *совокупный предмет*.

Книга имеет следующую структуру.

Во *введении* обосновывается положение, что процесс становления психологии как полностью самостоятельной фундаментальной еще не завершен. Показано, что первым шагом к завершению становления психологии как фундаментальной науки должен быть пересмотр предмета.

В *первой главе* всесторонне обсуждается проблема предмета психологической науки, формулируются требования к предмету психологии, в частности, главное требование – рассматривать совокупный предмет, предмет в целом, не допуская его редукции до тех или иных единиц психики. Предлагается трактовка предмета психологии человека как его внутреннего мира, прослеживаются позитивные следствия такого подхода.

Во *второй главе* показано, что конструктивное разрешение наиболее актуальных методологических проблем, стоящих перед современной психологией, требует как необходимое условие предварительное решение центральной проблемы – предмета психологической науки (реагирование психологии на вызовы глобализации; обнаружение выхода из ситуации методологического кризиса; организация эффективных междисциплинарных исследований; использование коммуникативной методологии для интеграции психологического знания; разработка проблемы объяснения, соответствующей специфике психологической науки).

В *заключении* прослежены перспективы сформулированного подхода, поставлена задача интеграции психологического знания, реализация которой также в существенной степени зависит от трактовки предмета психологии.

Автор будет признателен за критику, он готов к конструктивному сотрудничеству. Замечания и предложения просьба присылать по e-mail: v.mazilov@yspu.org.

ВВЕДЕНИЕ

Выдающийся отечественный методолог и философ психологии С. Л. Рубинштейн в 1940 году отмечал: «Переход от простой совокупности еще не оформившихся в науку знаний к науке является для каждой области знаний, в том числе и для психологии, крупным событием, подлинные источники и движущие силы которого очень важно уяснить себе для того, чтобы правильно понять ее дальнейшие пути и перспективы» [Рубинштейн, 1973б, с. 70]. Нельзя не согласиться и с другим высказыванием С. Л. Рубинштейна из процитированной работы: «История психологии и формирования ее как самостоятельной науки не получила еще в мировой психологической литературе адекватного освещения» [Рубинштейн, 1973б, с. 68]. Хотя с тех пор прошло много времени, опубликовано огромное количество работ по истории психологической науки, оценка выдающегося отечественного психолога, к сожалению, не утратила ни своей актуальности, ни своей правоты. Многие авторы, исследовавшие этот вопрос, среди которых М. Г. Ярошевский, М. С. Роговин, отмечали, что выделение психологии вряд ли было четко датируемым событием. М. С. Роговин, в частности, отмечал: «Мы полагаем, что неправильным было бы пытаться наметить какую-то определенную дату, начиная с которой могли бы рассматривать психологию как самостоятельную науку. Процесс формирования научной дисциплины длительный, сложный, диалектически противоречивый; поэтому следует стремиться определить лишь исторический отрезок времени, на который приходится сочетание условий, в максимальной степени способствовавших ее становлению» [Роговин, 1969, с. 96]. Переломным периодом в развитии психологии явилась вторая половина XIX века, когда психология вычленяется из философии и постепенно становится экспериментальной наукой. С. Л. Рубинштейн категорически возражал против формального решения вопроса о формировании психологии как самостоятельной науки, когда «дело изображается так, будто психология начала существовать с того времени, как Вундт создал свою лабораторию. Вся предшествующая история философско-психологической мысли представляется лишь малозначительной прелюдией к этому со-

бытию. Те ученые, которые как Фехнер и особенно Вундт, разработали на базе специальных физиологических исследований методику психофизиологического исследования и оформили психологию (физиологическую) как экспериментальную дисциплину, представляются основоположниками психологии, определявшими ее основы в целом. В результате получается необъяснимым парадокс: эклектики и эпигоны в философии, философские концепции которых являются показательным проявлением начинающегося упадка теоретической мысли, представляются не только учеными, которые, опираясь на полученное ими философское наследие и достижения физиологии, оформили психологию как определенную научную дисциплину, но и как ее вдохновители, как основоположники, у которых надо искать ее истоки» [Рубинштейн, 1973б, с. 69–70]. С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку»: «Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI–XVII веку или переломному периоду от XVII к XVIII веку, который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая – ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья – к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» [Рубинштейн, 1973б, с. 77].

Таким образом, согласно С. Л. Рубинштейну, психология на 1940 год не может считаться полностью сложившейся наукой. Причем, хочется обратить внимание на тот факт, что Рубинштейн имеет в виду явно мировую науку. Сам Рубинштейн пытался решить эти задачи. Его «Основы общей психологии» могут быть рассмотрены именно как попытка создания системы мировой психологии. В этом уникальном учебнике предпринимается грандиозная попытка объединить имеющееся в мировой психологии знание. В отличие от своих современников, нацеленных на критику буржуазной психологии, он предпринимает попытку создания позитивной системы. Создание системы предпринимается с позиций методологии, разработанной С. Л. Рубинштейном на основе марксовых идей.

Отметим, что это не последняя попытка. Будет совершенствоваться методология (работы Рубинштейна второй половины 1950-х гг.). Как можно полагать, последний проект подхода к созданию системы Рубинштейн реализовать не успел, он был выполнен (частично) уже после его смерти его последователями [Современная психология, 1963; Основные направления, 1966]. С. Л. Рубинштейн, как было сказано, совершенствовал в своих последних монографиях 1950-х годов методологию психологии, разрабатывал соответствующие методологии методики (на примере исследования мышления).

Итак, для того, чтобы процесс становления психологии наукой был завершен, согласно Рубинштейну, необходимо решить триединую задачу.

1) Создание подлинно научной методологии.

2) Создание системы психологии.

3) Создание совершенных методик.

Можно смело заключить, что в данных направлениях многое делается: во всяком случае, за прошедшие десятилетия пройден весьма значительный путь. В рамках этого текста, конечно нет возможности предпринять обзор достигнутого за последние годы. Тем не менее, можно констатировать, что задача превращения психологии в фундаментальную науку в полном объеме до сих пор *не решена*. И она принципиально не может быть решена, пока не будет достигнуто обязательное предварительное условие. Это условие состоит в том, что в научной психологии – как она себя позиционировала со второй половины XIX столетия – предмет психологии был задан слишком узко. К сожалению, это предварительное условие не мог выполнить С. Л. Рубинштейн. Он придерживался той точки зрения, что предмет психологии допустимо исследовать через единицы: «Для того, чтобы понять многообразные психические явления в их существенных внутренних взаимосвязях, нужно, прежде всего, найти ту «клеточку» или ячейку, в которой можно вскрыть зачатки всех элементов психологии в их единстве» [Рубинштейн, 1946, с. 173].

Иными словами, в психологии по-прежнему представлена неадекватная трактовка предмета. Целью настоящей монографии является демонстрация того, что реализация основного

предварительного условия – пересмотра понятия предмет – позволит психологии существенно продвинуться в решении фундаментальных проблем.

Проблема предмета в нашей психологии явно недооценивается. Между тем это центральная методологическая проблема психологии. Говоря о методологии психологической науки (в рамках данной работы нет возможности дать общую характеристику методологии), необходимо отметить, что сердцевиной методологии является понятие предмета психологической науки. Как об этом хорошо написал известный методолог психологии Г. В. Залевский, «на мой взгляд, недостаточно понимать систему, в том числе и методологическую, только с позиции взаимосвязи составляющих ее элементов, не учитывая того, что каждый элемент играет свою роль в этой взаимосвязи, во-первых, и во-вторых, по мере усложнения живой системы – от клетки до человека и человеческого сообщества – эти взаимосвязи все больше иерархизируются с появлением «командного» элемента, играющего роль интегратора всех элементов системы. С моей точки зрения, в интегративной методологии таковым элементом и является предмет психологии (точнее, понимание предмета, что для нас выступает в качестве предмета психологии)» [Залевский, 2019, с. 198].

Обратим внимание, что предмет психологии – это не просто широкое психологическое понятие. Можно сказать, что история психологии это в первую очередь история поисков ее подлинного предмета. Это совершенно особое психологическое понятие, роль его чрезвычайно велика. Не случайно на последнем Саммите психологов в Петербурге (2–4 июня 2019) А. Г. Асмолов обратился к психологам с призывом: «Мы все время с завидным комплексом неполноценности ищем свой предмет. Мы ищем его уже которую тысячу лет. Но, родные мои, дорогие мои, я еще раз акцентирую внимание: лучше нам с вами быть с комплексом неполноценности, чем с тем комплексом, который я называю комплексом полноценности…» [Асмолов, 2019].

Это самая главная проблема современной психологии.

Настоящая монография посвящена проблеме предмета психологии, так как обсуждение и решение этой проблемы, на наш взгляд, является самой актуальной и важной задачей, стоящей перед современной методологией психологической науки.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ

1.1. Предмет психологии как методологическая проблема психологии

Проблема предмета значима для любой науки, поскольку фиксирование предмета представляет собой одно из ключевых самоопределений науки. Проблема предмета в психологии в действительности являет собой одну из наиболее сложных в методологическом отношении проблем. Есть более «благополучные» научные дисциплины: в них проблема предмета совершенно не актуальна. Разумеется, не в том смысле, что проблема не имеет значения. Будучи когда-то раз определенным, никаких споров или дискуссий предмет до поры до времени не вызывает. И правда: если наука существует и благополучно развивается, то обращаться к обсуждению предмета нет никакого резона. Для обсуждения и дискуссий находится много других вопросов, непосредственно связанных с развитием науки.

Нас интересует психология. Психологию отнести к числу «благополучных» в вышеупомянутом смысле не удастся – в ней проблема предмета явно существует, более того она остроактуальна. Периодически вспыхивают дискуссии, в которых предлагаются новые варианты понимания предмета или новые трактовки. Можно констатировать, что так было не всегда. Для начала попробуем определить хронологические рамки «предметности», то есть понять, когда и, главное, в связи, с чем появляется сама идея «предмета» психологии. Под идеей предмета психологии будем понимать мысль о том, что «предмет» психологии должен быть специально определен и указан.

Наука психология произошла, как мы хорошо знаем, из философии. Можно определенно сказать, что внутри философии существовала философская психология, которая была одной из философских дисциплин. Надо понимать, что до определенной поры использование термина «психология» представляет собой анахронизм: психологией условно обозначают комплекс представлений того или иного автора о душе. Фактически мы используем этот термин, предполагая уже свершившимся то, что в действительности произошло значительно позднее. С возникновением *психологии* определенная тематика стала относиться к

«психологии». Поясним эту мысль. Когда говорят, например, о психологии Аристотеля, имеют в виду то, что он объясняет ощущение или мышление, то есть то, что традиционно относится к сфере психологии. Ясно, что во времена Аристотеля психологии не существовало, самого Великого Стагирита вполне устраивал философский подход, который он именовал рассуждение о душе (logos peri psyche). Надеюсь, никто не усомнится, что Аристотель, не колеблясь, придумал бы этот термин – психология – если бы в нем увидел пользу для его исследований. Он не увидел.

Понятно, что философская психология в собственном смысле слова начинается не ранее, чем с появления и использования термина «психология». Первое упоминание термина психология зафиксировано в начале XVI века. Марко Марулич использовал этот термин (на латыни) в названии своей книги, написанной между 1510 и 1517 годом. Книга Марулича до нас не дошла. К сожалению, во всяком случае, пока не обнаружен текст трактата Марко Марулича, мы не сможем точно ответить на вопрос, зачем понадобился ему этот термин [Мазилов, 2007, 2017]. Второе упоминание относится уже к концу XVI века. Что касается использования этого термина Рудольфом Геккелем, назвавшим так сборник произведений разных авторов о душе, то, очевидно, термин понадобился для обозначения «предметной области» – в книгу включены трактаты на темы души. В 1590 г., как известно, выходит книга Рудольфа Геккеля (Гоклениуса), в названии которой также используется это слово (на греческом языке). Название труда Геккеля: «Психология, т.е. о совершенстве человека, о душе и прежде всего о возникновении ее...» [Брес, 1988, с. 124]. Таким образом, у Гоклениуса использование термина психология означает фиксирование предметной отнесенности, указания на объект, не более того.

Надо полагать, что первым осознанным использованием концепта «предмет психологии» мы обязаны Христиану Вольфу (1679-1754) [Wolff, 1732, 1734]. Дело в том, что Вольф конституирует *психологию именно как философскую дисциплину*. У него психологий две: эмпирическая и рациональная. Важно здесь подчеркнуть, что появление термина «психология» было результатом деятельности философов, занятых систематизацией фило-

софского материала. Появление термина «психология» явилось, таким образом, результатом дифференциации философского знания. Вопрос о выделении психологии из философии в это время даже не ставился, поскольку для этого не было никаких оснований. Рассмотрение вопросов о «душе» ничем (ни методом, ни предметом) не отличалось от рассмотрения других философских вопросов. Появление термина «психология» явно предшествует становлению психологии как науки.

Вольф был первым, кто использовал конструкцию предмет психологии осмысленно [Мазилов, 1998]. По классификации Вольфа, все философское знание делится на «науки рациональные теоретические» (онтология, космология, рациональная психология, естественная теология), «науки рациональные практические» (этика, политика, экономика), «науки эмпирические теоретические» (эмпирическая психология, телеология, догматическая физика) и «науки эмпирические практические» (технология и экспериментальная физика)» [Майоров, 1989, с. 96]. Хочу обратить внимание читателя на то обстоятельство, что эмпирическая психология, по Вольфу, наука именно теоретическая. Не только вольфовская, но и последующая «эмпирическая психология» (вплоть до тридцатых годов XIX столетия) вовсе не была эмпирической наукой в современном смысле слова.

Таким образом, по Вольфу, психология распадается на рациональную и эмпирическую. Как отмечал В. Дильтей, «Христиан Вольф видел в отделении рациональной психологии от эмпирической особую заслугу своей философии» [Дильтей, 1912, с. 31]. Здесь нет возможности рассматривать роль рациональной и эмпирической психологии в структуре философского знания, а также их соотношение. Скажем только, что эмпирическая психология – опытная наука, дающая представление о том, что происходит в человеческой душе. Она не предполагает рациональной психологии, а служит для проверки и подтверждения того, что априорно развивает психология рациональная. В.Дильтей специально подчеркивал, что из «положений Вольфа уцелело ценное ядро в виде различения между описательным и объяснительным методом, а также признание того, что описательная психология является опытной основой и контрольным органом для психологии объяснительной» [Дильтей, 1912, с. 32].

Именно этим объясняется «странный» характер эмпирической психологии Х. Вольфа. И. Брес в этой связи отмечает: «Хотя Вольф и считает, что psychologia rationalis стремится вывести из самого понятия человеческой души, то, что psychologia empirica извлекает из наблюдения и размышления, мы будем разочарованы, если захотим обнаружить во второй работе экспериментальные исследования, которые явились бы предвестниками научной психологии XIX и XX вв. Вопросы, которые в ней рассматриваются, а также метод их исследования (см. например, параграф 651: "Qui alterum amat, is taedium ejus aversatus" («Кто любит другого, становится ему в тягость»)) напоминают больше то, что в наши дни рассматривалось бы как философская или даже рациональная психология, чем настоящую эмпирическую психологию в современном смысле слова. Более того, содержание psychologia empirica Вольфа не отличается коренным образом от исследования классической философией XVII в. вопроса о страстях...» [Брес, 1988, с. 125-126]. Подчеркнем, что по-иному быть просто не могло. Разработка эмпирической психологии в современном смысле слова совершенно не входила в планы Х. Вольфа.

Но важно, что у Вольфа содержалась возможность различения: «теперь уже дело не в двойной душе, а в двояком рассмотрении одной и той же души: различие передвинулось из области содержания в область методологическую» [Дессуар, 1912, с. 106-107]. Именно этот момент создает возможность для выделения психологического предмета, отличного от философского, то есть создание эмпирической психологии в современном смысле этого слова. Принципиальная возможность создания психологии как самостоятельной дисциплины была, вне сомнения, Вольфом продемонстрирована.

Таким образом, можно констатировать, что проблема предмета была оформлена и представлена Хр. Вольфом, который сформулировал методологическое различение между предметом рациональной и эмпирической психологий. Более того, этот опыт дифференциации предметов был использован впоследствии при решении проблемы предмета, когда в рамках философской психологии появились такие направления как эмпирическая психология (в собственном смысле) и психология

душевных явлений, которые вместо изучения души ставили задачу исследования душевных явлений.

Конечно, нельзя не отметить, что принципиально новый этап в истории категории «предмет психологии» начинается с работ В. Вундта [Wundt, 1874]. В. Вундт, поставивший перед собой задачу выделения психологии в самостоятельную науку, не мог обойтись без этой категории. Во-первых, ему понадобилось выделить предмет научной психологии, который бы очевидно отличался от предмета философии. Вундт такой предмет выделяет. Предметом физиологической психологии – именно она позиционируется как научная психология – объявляется непосредственный опыт субъекта. Это существенно ограничивает рамки научной психологии, но позволяет решить поставленные задачи. Во-вторых, Вундт кроме физиологической психологии выделяет еще и психологию народов. Эта психология имеет свой предмет (в отличие от физиологической, она изучает не непосредственный опыт, появляющийся при помощи элементарных психических функций, а сами высшие психические функции). Таким образом, мы можем констатировать, что Вундт (как и ранее Вольф) вводит предмет одновременно для двух дисциплин. Отличием является то, что у Вольфа различение было методологическим – единая душа рассматривалась в разных отношениях, тогда как у Вундта различаются по «структуре», поскольку физиологическая изучает элементарные психические явления, а психология народов – сложные (исследуются различные составляющие души «высшие» и «низшие»).

Начиная с Вундта, каждый новый подход в психологии открыто заявлял о новом, «правильном» понимании предмета. Ф. Брентано, в частности, утверждал, что надо изучать не содержания сознания (как полагал Вундт), а акты сознания. Свои трактовки предлагали И. М. Сеченов и В. Джемс, Э. Титченер и В.Дильтей и мн. др. [Мазилов, 1998]. К сожалению, мы не имеем возможности (в силу ограниченности объема настоящей монографии) рассмотреть эти варианты. Однако, как можно полагать, это достаточно увлекательный и весьма полезный проект.

Отметим лишь важную мысль: множество трактовок предмета, предложенных в истории психологии, привели к ошибочному заключению: предмет «полагается», то есть достаточно

простой декларации, что заявляется новый предмет. Парадигма «задания» предметом: предметом мы «сделаем» (то есть объявим) – душу, сознание, поведение, переживание, деятельность и т. п. Наше мнение состоит в том, что тому или иному решению должен предшествовать теоретический анализ. Методология психологии должна быть не синкретом, комплексом методологических принципов, а научной теорией. И ядром этой теории должна быть теория предмета. Впрочем, к этому вопросу мы очень скоро вернемся.

Давайте перейдем непосредственно к проблеме предмета в современной науке.

Прежде, чем продолжить, сделаем маленькое отступление. В работах русских философов – в данном случае правильнее сказать философских психологов – был определен идеал психологии как науки. Происхождение этих текстов о «психологии с Большой буквы» понятно: современная психология далека от идеала, от финальности. Как им представлялось, этот идеал необходимо постоянно иметь в виду, чтобы не допустить подмены Психологии (с большой буквы) текущим вариантом, далеким от совершенства и весьма ограниченным. Представляется, что в этом заключается недооцененное значение русской психологической традиции изучать душевный мир во всей его сложности.

Приведем две цитаты из труда замечательного русского философа, опубликованного ровно сто лет назад. С. Л. Франк пишет: «Современная так называемая психология есть вообще не психология, а физиология. Она есть не учение о душе как сфере некой внутренней реальности, которая – как бы ее ни понимать – непосредственно, в самом опытном своем содержании, отделяется от чувственно-предметного мира природы и противостоит ему, а именно учение о природе, о внешних, чувственно-предметных условиях и закономерностях сосуществования и смены душевных явлений. Прекрасное обозначение «психология» – учение о душе – было просто незаконно похищено и использовано, как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что, когда теперь размышляешь о природе души, о мире внутренней реальности человеческой жизни как таковой, то занимаешься делом, которому суждено оставаться безымянным или для которого надо придумать какое-

нибудь новое обозначение. И даже если примириться с новейшим, искаженным смыслом этого слова, нужно признать, что, по крайней мере, три четверти, так называемой, эмпирической психологии, и еще большая часть «экспериментальной» психологии есть не чистая психология, а либо психофизика и психофизиология, либо же – что точнее уяснится ниже – исследование явлений хотя и не физических, но вместе с тем и не психических» [Франк, 1995, с. 423]. И «одно лишь несомненно: живой, целостный внутренний мир человека, человеческая личность, то, что мы вне всяких теорий называем нашей «душой», нашим «духовным миром», в них совершенно отсутствует. Они заняты чем-то другим, а никак не им. Кто когда-либо лучше понял себя самого, свой характер, тревоги и страсти, мечты и страдания своей жизни из учебников современной психологии, из трудов психологических лабораторий? Кто научился из них понимать своих ближних, правильнее строить свои отношения к ним?» (Франк, 1995, с.423).

Как понятно из второй приведенной цитаты, мы полагаем, что-то, что презрела психофизиология – живой, целостный внутренний мир человека – на самом деле является подлинным предметом психологической науки в том высоком смысле слова, о котором С. Л. Франк писал в первом приведенном фрагменте.

Такой идеальной позиции противостоит доминирующая в западной науке (главным образом, американской, задающей мейнстрим в мировой психологии) сциентистская, корнями уходящая в позитивизм: изучать надо то, что доступно изучению. В качестве идеала используется «идол»: стандарт современной науки. Развивать эту тему будем во второй главе, когда по говорить о вызове глобализма, адресованном современной российской психологии.

Скажем только себе, зададим вопрос: «Что мы должны делать сегодня, когда поставленные высокие идеалы пока недостижимы?»

Попробуем ответить, хотя прежде стоит понять, что именно мы не знаем или не понимаем? Конечно, это тоже специальная тема. Поэтому здесь в качестве предварительного ответа лишь сошлемся на высказывания авторитетов. Карл Юнг, один из величайших психологов нашего столетия, прямо говорил о том,

что психика является «неизвестным фактором» и «мы еще очень далеки от того, чтобы даже приблизительно понять его сущность» [Jung, 1968, S. 418]. Это очень важный момент. Если мы далеки от понимания сущности психического, то важно не принимать неоправданных ограничений. Можно привести высказывания У. Джемса: «мы должны сознавать, какой мрак облекает область душевных явлений, и никогда не забывать, что принятые нами на веру положения, на которые опирается все естественно-историческое исследование психических явлений, имеют временное, условное значение и требуют критической проверки» [Джемс, 1905, с. 408]. В другом месте Джемс возвращается к этому вопросу и с присущим ему блеском пишет: «Итак, толкуя все время о психологии как естественной науке, мы не должны думать, что речь идет о науке, установленной на прочном, незыблемом основании. Наоборот, называя психологию естественной наукой, мы хотим сказать, что она в настоящее время представляет простую совокупность отрывочных эмпирических данных; что в ее пределы отовсюду неудержимо вторгается философский критицизм и что коренные основы этой психологии, ее первичные данные должны быть обследованы с более широкой точки зрения и представлены в совершенно новом свете. Короче говоря, название естественной науки указывает на то, что психология обладает всеми несовершенствами чисто эмпирической науки, и не должно вызывать в психологах наивной уверенности в цветущем состоянии изучаемой ими научной области» [Джемс, 1905, с. 363]. Обратим внимание на то, что Джемс, рассуждая о будущем психологии, мечтал о появлении Галилея от психологии: «Когда в психологии явится свой Галилей или Лавуазье, то это, наверное, будет величайший гений; можно надеяться, что настанет время, когда такой гений явится и в психологии, если только на основании прошлого науки можно делать догадки о ее будущем. Такой гений по необходимости будет "метафизиком"» [Джемс, 1905, с. 408].

При этом не похоже, чтобы это была псевдопроблема. В недавно опубликованных записных книжках Л. С. Выготского сколько страниц посвящено обсуждению возможных вариантов трактовки предмета! Нынешних психологов, похоже, это интересует куда меньше.

Более того, появились способы, с помощью которых проблема «снимается». Так, утверждают, что проблема предмета существует только в головах психологов, склонных к философствованию. А в реальных исследованиях используется другая конструкция – предмет исследования, связь которого с предметом науки не является столь тесной, поэтому в практике работы без уточнения предмета психологии можно обойтись.

Хочется сделать несколько вступительных замечаний. О предмете психологии автор настоящих строк пишет, начиная с 1997 года. Это более двадцати лет, срок более, чем достаточный. Можно подвести некоторые итоги.

Самое главное, это, пожалуй, то, что ситуация за эти годы почти не изменилась. Большую часть призывов о важности занятий проблемой предмета, можно смело повторить спустя годы. Звучит актуально, но коллеги реагируют довольно вяло.

«Проблема предмета психологии – центральная методологическая проблема всей психологии, проблема, которая требует научного исследования, проблема, актуальность и значимость которой переоценить невозможно. Недостаточная разработанность этой проблемы препятствует успешному продвижению в решении целого ряда принципиальных теоретических вопросов психологической науки, делает практически неосуществимой в сколько-нибудь существенных масштабах работу по реальной интеграции научного психологического знания. Более того, даже сопоставление психологических концепций зачастую затруднено именно вследствие того, что в различных теориях имплицитно заложены существенно различающиеся трактовки психического. При отсутствии общепринятой методологии и технологии сопоставления (а сегодня дело обстоит именно так) куда проще заявить о принципиальной несопоставимости теорий, чем реально что-то осуществить. Без построения концепции предмета психологической науки, по нашему глубокому убеждению, такую технологию сопоставления вообще вряд ли возможно разработать» [Мазилов, 2004].

Эти строки были написаны полтора десятилетия назад, повторяю их сегодня с полным ощущением того, что это попрежнему актуально. В последнее время и об интеграции стали писать меньше, хотя совсем недавно была опубликована чрез-

вычайно интересная статья В. Н. Панферова и А. В. Микляевой [Панферов, Микляева, 2019]. Отметим также, что очень интересные работы по проблеме интеграции психологического знания публикуются в современной Украине [Мединцев, 2019, Балл, 2018], в Беларуси [Янчук, 2018, Yanchuk, 2018] в России [Панферов, 2019, Козлов, 2019].

Однако вернемся к проблеме предмета. Многие психологи, как и прежде, полагают, что проблема предмета важна лишь в дидактическом аспекте: непосредственно с ней сталкиваются лишь авторы учебников и профессора, читающие курс общей психологии (во вводной лекции, в последующих об этом они «систематически» забывают). Причем последующие главы с главой о предмете связаны достаточно слабо: возникает устойчивое впечатление, что речь в конкретных параграфах, посвященных психическим процессам или свойствам, идет не о психике (что называлось в качестве предмета психологии в первой главе), а чем-то существенно ином. Между тем, психология находится на подъеме: число публикаций неуклонно увеличивается, издается огромное количество научных журналов и монографий, в которых психологи-исследователи уверенно считают корреляции, дисперсии, осуществляют факторный и кластерный анализы и т. п., не испытывая никаких сомнений относительно психологического смысла выявленных факторов и кластеров (причем, что важно подчеркнуть, они при этом чрезвычайно редко задумываются о предмете своей науки).

Как хорошо известно, ВАК РФ настаивает на том, чтобы в диссертации четко указывался как объект, так и предмет исследования, и, совершенно очевидно, что диссертанты не испытывают в этом интеллектуальном упражнении никаких проблем (заметим: вопрос о том, что такое психика, их обычно не посещает – впрочем, оно и понятно, так как у диссертанта много других забот). Создается впечатление, что предмет исследования определяется относительно независимо от предмета науки в целом. Отсюда обычно следует вывод: проблема предмета психологии существует в сознании психологов, склонных к философствованию. Обычных исследователей проблема предмета, если перефразировать известное выражение, «волнует, но не тревожит». Отсюда же, кстати, происходит крайне легкомысленное

отношение к процедуре определения того, что выступает в качестве предмета психологии. При такого рода отношении начинает казаться, что про предмет достаточно лишь «приговаривать», а перейти от одного предмета к другому можно очень просто путем соответствующей декларации («Предметом психологии мы сделаем душу (или что-то другое)»).

Очень хорошо, на наш взгляд, эту ситуацию описал еще в 1994 году патриарх отечественной психологии М. Г. Ярошевский: «Когда ныне рушится вся привычная система ценностей, захлестываемая грозной волной бездуховности, возвращение к душе представляется якорем спасения. Но наука, в отличие от мифологии, религии, искусства, имеет свои выстраданные веками критерии знания, которое в основе своей является детерминистским, т.е. знанием причин, знанием закономерной зависимости явлений от порождающих их факторов, доступных рациональному анализу и объективному контролю» [Ярошевский, 1994, с. 96]. Поэтому ошибаются те, кто полагают, что достаточно заменить «психику» на «душу» (или что-то иное), а все остальное разрешится само собой: проблема состоит в том, чтобы обеспечить возможности «рационального анализа» и «объективного контроля» (если, конечно, мы хотим, чтобы психология оставалась наукой). А это куда сложнее, чем декларировать иное понимание предмета» [Ярошевский, 1994]. И в том отношении ничего не изменилось.

История психологии – история поисков предмета психологии. Известный методолог и историк психологии М. Г. Ярошевский цитировал автора статьи в «Британской энциклопедии»: «Бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения» [Ярошевский, 1996, с. 5]. В этой шутке «есть доля шутки» – психологии свойственно драматизировать ситуацию, так как внутренний мир человека значительно богаче «одномерных» психологических теорий, что неизбежно «бросается в глаза» и вызывает тревогу у исследователей психического. Вместе с тем все эти утраты можно рассматривать и как обретения, поскольку движение к более глубокому пониманию психического есть явный прогресс: вместе с каждой утратой очередного предмета становится ясно, что, конечно же, психическое есть только

что «утраченное», но и, несомненно, нечто сверх того. Поэтому правомерен взгляд на историю психологии как на обретение наукой своего подлинного предмета.

Тем не менее, автор настоящих строк не ограничивается повторением выстраданных выводов двадцатилетней давности, а призывает двигаться дальше.

Убеждены, что сегодня проблема предмета остается важнейшим нерешенным вопросом методологии психологической науки. Хочется отметить отношение к проблеме самих психологов. На наш взгляд, его можно определить как легкомысленно-безразличное. К сожалению, несмотря на все старания А. В. Юревича, социологии психологии у нас пока не появилось. Поэтому нет возможности привести точные данные о том, какой процент психологов относится к той или иной проблеме так, а не иначе. Как можно думать, многие по-прежнему полагают, что проблема предмета имеет чисто академическое значение, реальной роли в процессе исследования не играет, реально важно определение предмета конкретного исследования. В данном случае, опять же, распространена точка зрения, согласно которой предмет исследования конструируется актуально в ходе самого исследования.

Еще раз повторим, что предмет – центральная проблема в методологии. Соответственно, понятие предмета центральное понятие в структуре методологии.

1.2. Многообразие подходов к проблеме предмета

Итак, повторим: проблема предмета психологии существует, это (на наш взгляд) важнейшая методологическая проблема, которая и сложна, и запутанна.

Сложность «объективна», так как это сложность самого объекта науки. Вероятно, психика («психе») это самое сложное из того, что должен постичь человек (и, как нам представляется, в очень значительной степени еще только предстоит постичь).

Запутанность, напротив, проистекает из причин «субъективных». Существует множество контекстов, в которых разными субъектами познания употребляется термин предмет психологии. Он используется в разных случаях с разными целями, что порождает множество пониманий и трактовок. Нежелание пси-

хологического сообщества как-то упорядочить и разобраться с этими вопросами только усугубляет серьезность проблемы.

Запутанность, кстати, начинается с того, что предмет науки и ее объект тесно «связаны»: напомним, что сам предмет определяется через объект (лат. objectum – «предо мной»). Тем не менее в ряде языков (в том числе, к примеру, в русском или в немецком) возможность развести предмет и объект существует. Насколько можно судить, понятие «предмет» (разумеется, в интересующем нас гносеологическом смысле) было введено австрийским философом Р. Амезедером в 1904 году) для того, чтобы обозначить некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности и познания. Амезедер разграничивал предмет и объект: единую теорию объекта можно создать путем сложения предметных срезов [Баронене, 2002].

В отечественной методологии науки сложилось разграничение предмета и объекта науки: объект науки – это часть, объективно существующий фрагмент действительности, предмет – это объект, интерпретированный в понятиях той или иной науки. Это разграничение (при всей его условности) представляется полезным для психологии: отсюда, в частности, следует, что человеческая психика является (или может являться) объектом многих наук (психология не обладает монополией на исследование психики), но каждая из наук выделяет в психике свой предмет, соотносимый с системой понятий этой науки. Для психологии это оборачивается парадоксом: фактически, чтобы выделить предмет психологии (а это чаще всего так или иначе трактуемая психика) в объекте психика, его прежде нужно задать. Мы полагаем, вслед за Юнгом, что психология еще не в полной мере осознала этот парадокс: «Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно «души», психического, psyche. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является объектом научного исследования» [Юнг, 1994, с. 12-13]. Здесь лишь заметим, что психика может исследоваться разными науками, поэтому при организации комплексного междисциплинарного исследования важно учитывать различия в

трактовке предмета (этому важнейшему методологическому вопросу современной психологии мы планируем посвятить специальную работу).

Но обратимся собственно к предмету психологической науки, который является темой этой книги.

Прежде всего, отметим, что предметов может быть много. Понимания (трактовки) предмета различаются в зависимости от того, с какими целями выделяется предмет науки. Не претендуя на полноту, выделим несколько целей, в соответствии с которыми может задаваться трактовка предмета психологии.

Предмет задается, чтобы конституировать психологию как науку. Примером может послужить физиологическая психология Вундта как наука о непосредственном опыте. Вундт вводит понятие непосредственного опыта в качестве предмета психологии для того, чтобы провозгласить психологию самостоятельной наукой, отличной от философии.

Предмет задается, чтобы определить область исследований. Это наиболее часто встречающийся случай. Когда в качестве предмета психологии полагают, к примеру, сознание или поведение, используют понятие предмет для того, чтобы указать область исследования (в отличие от подходов других авторов).

Дифференциация предмета с целью уточнения исследовательских позиций (и достижения необходимых идеалов научности). Так, например, Ф. Брентано выделяет в сознании в качестве предмета исследования акты сознания (противопоставляя их содержанию, которое, по его мнению, предметом психологии не является), а Э. Титченер из сознания в качестве предмета психологии оставляет лишь психические процессы, элиминируя предметность, которую он квалифицирует как ошибку стимула.

Предмет науки выступает как средство опредмечивания проблемы. В качестве примера можно привести И. П. Павлова, увидевшего в условном рефлексе все богатство душевной жизни, или М. Вертгеймера, который в стробоскопическом эффекте («фи»-феномене) усмотрел реальность существования феноменального поля.

В данной работе мы не ставили задачи перечислить все возможные варианты: это должно быть темой специального исследования[1].

Другим моментом, осложняющим рассмотрение проблемы предмета психологии, является принципиальная множественность подходов к анализу предмета психологии. На этом стоит остановиться более подробно. Не ставя задачи дать исчерпывающее перечисление, укажем, что возможны различные подходы к анализу предмета психологии.

Возможен теоретический анализ предмета. На наш взгляд, это одна из основных задач методологии психологической науки. Одним из первых в новейшей истории отечественной психологии на необходимость такого анализа указал И. П. Волков [Волков, 1996]. По нашему мнению, теоретический анализ предмета психологии должен дать ответ на вопрос, каковы функции предмета психологии в современной науке, какими должны быть основные характеристики и параметры предмета психологии. Отметим, что этот подход к анализу предмета при всей его актуальности разработан в наименьшей степени. Попытка такого анализа была предпринята нами ранее в ряде работ [Мазилов, 1998, 2001, 2004, 2007, 2007а], и далее мы остановимся на перспективах этого подхода более подробно.

Возможен содержательный анализ предмета психологии. Это наиболее распространенный и наиболее разработанный подход. Каждое оригинальное направление в психологии создает свое понимание предмета (что включается в предмет и как он рассматривается). В истории психологии (с легкой руки Брентано [Brentano, 1874, 1924, 1928]) это определяется выражением «с точки зрения»: «с эмпирической точки зрения», с «точки зрения бихевиориста», с «точки зрения гештальтпсихологии» и т. д.

Возможен анализ с точки зрения философии науки, когда психологические вопросы определения объекта и предмета трактуются исходя из общенаучного подхода. Примером может служить анализ, осуществленный известным методологом науки Э. Г. Юдиным [Юдин, 1978, Зинченко, Смирнов, 1983].

Возможен сравнительно-исторический подход к анализу предмета психологии. Это ретроспективный анализ, который направлен на то, чтобы зафиксировать изменения в понимании и трактовках предмета психологической науки на разных этапах ее развития). Этот подход широко представлен в историко-психологической литературе [Ярошевский, 1985, Ждан, 1997]

В данной работе, повторим, мы не ставим задачи рассмотреть все возможные подходы к анализу предмета психологии. Несомненно, что, обсуждая проблему предмета психологической науки, стоит учитывать многообразие подходов.

Кроме того, хорошо известно, что могут существовать различные способы задания предмета. И. Н. Карицкий выделяет следующие способы экспликации предмета психологии: декларативный; постулирующий; дидактический; описательный; как совокупности предметов исследования и т. п. [Карицкий, 2004].

Специальная работа, посвященная предмету психологии, опубликована В. И. Гинецинским. «Для любой отрасли знания, в том числе психологии, определение собственного предмета, т.е. соотносимого с ней фрагмента действительности, аспектов и уровней его рассмотрения, составляет центральную задачу. Эта задача не имеет раз и навсегда найденного решения, она постоянно уточняется (видоизменяется) по мере развития самой науки» [Гинецинский, 1994, с. 61]. Обсуждая вопрос об определении предмета психологии, автор отмечает: «Для определения предметной области психологии в общем можно воспользоваться пространственным представлением о положении этой области среди предметных областей других наук. Тогда для того чтобы определить предмет психологии, нужно очертить внешние (экстернальные) границы ее предметной области и показать ее внутреннюю (интернальную) расчлененность, поскольку сама психология может быть представлена также как совокупность (система) входящих в нее частных, научных дисциплин. Прочерчивание внешних и внутренних границ предметной области психологии вместе с тем являет собой пример неявного (имплицитного) определения предмета. Поэтому в дополнение к ним следует предложить и вариант явного (эксплицитного) его определения. В качестве такового может выступать характеристика содержания понятий, которые используются для ее наименования в целом. Таким образом, мы приходим к разграничению трех вариантов определения предмета психологии: имплицитное экстернальное, имплицитное интернальное и эксплицитное» [Гинецинский, 1994, с. 61].

Не станем здесь сопоставлять различные способы задания предмета[2]. Для нас важно подчеркнуть, что и сами процедуры задания предмета могут быть существенно различны.

Как можно полагать, одной из важнейших задач дальнейшей разработки проблемы предмета психологии является проведение специального историко-психологического исследования, направленного на выявление вариантов трактовки предмета психологии. Частично такая работа проведена, важные результаты получены в исследованиях [Boring, 1929,1950, 1953; Ярошевский, 1985, 1996; Ждан, 1990]. Правда, в этих исследованиях не всегда четко прослеживаются уровни анализа предмета, в результате чего часто смешиваются декларации, рационализированный и реальный предмет.

Вывод, который следует из вышеизложенного: современная методология психологической науки пока не уделяет необходимого внимания анализу предмета психологии. Практически отсутствует теоретический анализ (поэтому, в частности, вместо классификаций мы вынуждены довольствоваться перечислениями, которые не являются исчерпывающими).

В следующем разделе мы кратко остановимся на причинах такого положения вещей и предложим для обсуждения некоторые предварительные результаты проведенного нами анализа.

1.3. Теоретическое исследование предмета

Теоретический анализ предмета предполагает, что методологические понятия существуют не сами по себе, а представляют собой определенную систему. Это означает, в первую очередь, что каждое понятие выполняет определенные функции в системе методолого-психологического знания. Не будем здесь об этом говорить (в свое время это подробно обсуждалось, так как эти вопросы подробно обсуждались при выстраивании системы когнитивной методологии [Мазилов, 2007].

Теоретический анализ предмета предполагает в первую очередь выявление функций, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основные характеристики. Представляется, что речь может идти о следующих функциях.

Основные функции предмета:

а) Конституирование науки.

б) Обеспечение работы «машины предмета». Это одна из основных функций. Имеется в виду то, что за счет внутрипредметных отношений в рамках предмета возможно построение моделей, увеличивающих объем психологического знания. Поскольку в состав внутреннего мира человека входят психические образования, имеющие разное происхождение и различную обусловленность, возникает перспектива разрабатывать психологию, руководствуясь известным положением Э. Шпрангера объяснять психическое через психическое.

в) Определение предмета исследования (главная роль в конституировании предмета исследования). Эта функция позволяет конструировать предмет конкретного научного психологического исследования.

г) Роль предметного стола. Предметный (операционный) стол (М. Фуко) – необходимый атрибут как предметной дисциплины, так и научного исследования. Сопоставление понятий, их сравнение возможно только в том случае, если они находятся в одной плоскости психологического исследования.

д) Предмет должен определять границы науки, то есть охватывать все пространство дисциплины. Как уже отмечалось, трактуется внутренний мир человека максимально широко, в него включены и сознательные и бессознательные психические явления. Более того, такая широкая трактовка позволяет включить в архитектонику внутреннего мира такие разные механизмы (и показать их роль и значение) как отражение и конструирование.

е) Дидактическая функция.

Основные характеристики предмета.

А) Предмет должен существовать реально, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), то есть он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус).

Б) Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического.

В) Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

Г) Понимание предмета должно быть таким, чтобы обеспечить возможность психологического объяснения (нередуктивного).

Д) Понимание предмета должно быть целостным и не допускать замены целостного предмета на его «замену»: в качестве «подмены» обычно используют единицу, замещающую реальный предмет (почему-то считается, что единицу легче изучить).

Е) Понимание предмета должно быть экологичным, он должен органично вписываться в окружающий мир, гармонировать с биосферой и ноосферой.

Проверку на право быть предметом психологии успешно прошел конструкт «психическая реальность» (К. Юнг), что подтверждает жизнеспособность такого подхода. Кратко на рассмотрении этого вопроса остановимся в следующем параграфе.

И уже самое последнее. Наивно было бы полагать, что психология близка к своему финальному состоянию. В этой работе мы уже приводили слова Юнга, что мы пока далеки, чтобы приблизительно понять сущность психологического фактора: «мы еще очень далеки от того, чтобы даже приблизительно понять его сущность» [Jung, 1968, S. 41]). Представляется, что мы медленно движемся в нужном направлении.

1.4. Проблема предмета в аналитической психологии

Возможна ли такая трактовка психического, о которой речь шла в предыдущем разделе? Мы полагаем, что возможна.

Во всяком случае в истории психологической мысли можно увидеть несколько подходов, которые приблизились к такому пониманию (столь необходимому для сегодняшней науки). Правда, для того, чтобы их «заметить» необходимо: 1) критически отнестись к старому пониманию; 2) увидеть методологическое значение нового понимания. И первое, и второе, как показывает жизнь, вовсе не так просто осуществить.

Одним из наиболее разработанных вариантов нетрадиционного понимания предмета (как уже указывалось выше) является подход, сформулированный в аналитической психологии К. Г. Юнга[3]. Прежде всего, должна быть отмечена попытка Юн-

га вернуть в науку психическое как реальность. «Чтобы правильно понять теорию Юнга, мы должны прежде всего принять его точку зрения, согласно которой все психические явления совершенно реальны. Как ни странно, эта точка зрения относительно нова» [Якоби, 1996, с. 388].

Магия психической реальности оказалась настолько сильной, что переводчик книги И. Якоби (1996) на русский язык интерпретирует юнговский термин Psyche (психе, психика) как психическую субстанцию. Речь у Юнга о психике как субстанции все же не идет. Но трактовка психического как реальности, несомненно существующей и составляющей предмет изучения психологии, очень важна. «Что касается Юнга, то для него психическая субстанция *(психика – В. М.)* так же реальна, как и тело. Будучи неосязаемой, она, тем не менее, непосредственно переживается; ее проявления можно наблюдать. Психическая субстанция – это особый мир со своими законами, структурой и средствами выражения» [Якоби, 1996, с. 388].

К. Г. Юнг отказывается от попыток соотношения психического и физиологического, психического и биологического для того, чтобы сосредоточиться на исследовании психики как таковой: «… я посоветовал бы ограничиться психологической областью без каких либо допущений о природе биологических процессов, лежащих в их основании. Вероятно, придет день, когда биолог и не только он, но и физиолог протянут руку психологу и встретятся с ним в туннеле, который они взялись копать с разных сторон горы неизвестного» [Юнг, 1995, с. 91]. «Психика вполне заслуживает того, чтобы к ней относились как к самостоятельному феномену; нет оснований считать ее эпифеноменом, хотя она может зависеть от работы мозга. Это было бы так же неверно, как считать жизнь эпифеноменом химии углеродных соединений» [Jung, 1968, p. 8]. Психология обретает свой собственный предмет (психика для Юнга не свойство другой вещи!), то, что реально может исследоваться с помощью вполне «рациональных» методов. Другое дело, что эти методы не похожи на традиционные процедуры расчленения содержаний сознания на элементы (достаточно сравнить амплификативный метод Юнга и традиционную интроспекцию). «С помощью своего основного определения психики как «целокупности всех психиче-

ских процессов, сознательных и бессознательных», Юнг намеревался очертить зону интересов аналитической психологии, которая отличалась бы от философии, биологии, теологии и психологии, ограниченных изучением либо инстинкта, либо поведения. Отчасти тавтологический характер определения подчеркивает обособление проблемы психологичностью исследования» [Сэмьюэлз, Шортер, Плот, 1994, с. 116]. Таким образом, психология возвращается к соблюдению знаменитого шпрангеровского «psychologica – psychological» – требования объяснять психическое психическим. Принципиально важно утверждение об объективности психического: психика «феномен, а не произвол». «Психология должна ограничиваться естественной феноменологией, раз уж ей не велено вторгаться в другие области. Констатация психической феноменологии вовсе не такая простая вещь, как о том свидетельствует наш пример этой общераспространенной иллюзии произвольности психического процесса» [Юнг, 1995, с. 100–101]. «Сама психика преэкзистентна и трансцендентна по отношении к сознанию» [Юнг, 1995, с. 101]. Трудно переоценить значение отказа от понимания психического как механизма, состоящего и постоянных элементов. Взгляд на психологию радикально изменится, если мы «постараемся рассматривать душу *(психе – В. М.)* не как твердую и неизменную систему, а как подвижную и текучую деятельность, которая изменяется с калейдоскопической быстротой…» [Юнг, 1997, с. 33–34].

Юнговская психология предпочитает работать с целостностями: «Аналитическая или, как ее еще называют, комплексная психология отличается от экспериментальной психологии тем, что не пытается изолировать отдельные функции (функции восприятия, эмоциональные явления, процессы мышления и т. д.), а также подчинить условия эксперимента исследовательским целям; напротив, она занята естественно происходящим и целостным психическим явлением, то есть максимально комплексным образованием, даже если оно может быть разложено на более простые, частичные комплексы путем критического исследования. Однако эти части все-таки очень сложны и представляют собой в общем и целом темные для познания предметы. Отвага нашей психологии – оперировать такими неизвестными величинами была бы заносчивостью, если бы высшая необходимость не

требовала существования такой психологии и не подавала ей руку помощи» [Юнг, 1995, с. 102]. Обращение к анализу сложнейших психических феноменов требует и изменения методов исследования: «Отличие аналитической психологии от любого прежнего воззрения состоит в том, что она не пренебрегает иметь дело с наисложнейшими и очень запутанными процессами. Другое отличие заключается в методике и способе работы нашей науки. У нас нет лаборатории со сложной аппаратурой. Наша лаборатория – это мир.

Наши опыты – это действительно события каждодневной человеческой жизни, а испытуемые – наши пациенты, ученики, приверженцы и враги и, last not least, мы сами» [Юнг, 1995, с. 102]. Согласно основным положениям юнговской «общей психологии»:

1) психическое – далеко не гомогенное образование; напротив, это кипящий котел противоположных импульсов, запретов, аффектов и т. д.;

2) психическое – чрезвычайно сложное явление, поэтому на современном этапе исчерпывающая теория невозможна;

3) психическое имеет свою структуру, динамику, что позволяет описывать и изучать собственно психологические законы;

4) источник движения психики в самой психике – она сложна – поэтому психология вполне может обойтись без той или иной формы редукции психического;

5) можно говорить о психической энергии;

6) психическое представляет собой целостность;

7) объяснение психического не сводится лишь к причинному объяснению (синхронистичность как акаузальный принцип);

8) разработаны свои, особые методы (например, синтетический, амплификации и т. д.);

9) важная роль отводится построению типологий, позволяющих сохранять «специфику» рассматриваемых явлений;

10) в юнговском подходе по-иному понимается роль теории: она скорее инструмент анализа, чем формализованная система (иными словами, в этом случае достигается единство теории и метода).

Как легко увидеть, понимание предмета у Юнга таково, что позволяет избежать «диссоциаций», неизбежных при «узкой»

трактовке предмета. «Наше намерение – наилучшее постижение жизни, какой она предстает душе человека. Все, чему мы научаемся при таком понимании, не должно – я искренне на это надеюсь – окаменеть в форме интеллектуальной теории, но должно стать инструментом, который будет закаляться (благодаря практическому применению), чтобы, насколько это возможно, достичь своей цели. Его предназначение – как можно лучшее приспособление к управлению человеческой жизнью…» [Юнг, 1995, с. 102].

Хотелось бы специально подчеркнуть, что сам Юнг хорошо понимал, что он создает основы новой психологии, новой общей психологии, а не разрабатывает частные вопросы: «Свои суждения и концепции я рассматриваю как опыт построения новой научной психологии, основанной прежде всего на непосредственном опыте общения с людьми. Мое учение нельзя назвать разновидностью психопатологии; это скорее общая психология с элементами патологии» [Юнг, 1996, с. 387].

Разумеется, дело не в том, чтобы «заменить» традиционное представление о предмете, сформировавшееся в академической науке, парадигмой аналитической психологии. Автор настоящих строк отнюдь не хотел бы «заставить» всю психологию стать аналитической психологией, развивающей идеи К. Г. Юнга. Эти положения приведены лишь для того, чтобы показать принципиальную возможность иного понимания предмета психологической науки. Разрабатывать методологию, в частности, концепцию предмета психологической науки (да и пытаться создавать собственно теорию психического современной психологии предстоит самостоятельно).

1.5. Предмет психологии: целостность и анализ «по единицам»

Теоретические исследования по предмету психологии как науки разворачиваются не так интенсивно, как бы того хотелось и идут не вполне в том направлении, которое представляется перспективным. Впрочем, удивляться не приходится. Из психологии творчества хорошо известно, что трудность решения творческой задачи состоит не столько в сложности обнаружения неочевидного, оригинального решения, сколько в преодолении заблуждения, препятствующего обнаружению. Иными словами, в современной психологии, на наш взгляд, есть трудности, кото-

рые до сих пор не преодолены. В этой области встречаются некоторые препятствия, которые не позволяют двигаться вперед.

Целью настоящего параграфа является выявление одного препятствия, связанного со следованием сложившейся в методологии психологии традиции. Конечно, в рамках одной небольшой статьи невозможно обсудить проблему в деталях, поэтому остановимся лишь на самых принципиальных моментах.

Как нам представляется, в современной психологии возобладала традиция, в соответствии с которой обсуждение проблемы предмета психологии как науки сводится к поиску «единиц» или «клеточек», заменяющих в процессе исследования собственно предмет. Оправданием подобного логического хода является ссылка на авторитеты, которые многократно утверждали, что «клеточку изучать легче, чем целое».

Конечно, для этого есть резон, да и история науки подтверждает продуктивность подобной стратегии исследования. Во избежание возможных недоразумений сразу же заявим нашу позицию: утверждается, что подобная стратегия неперспективна в подходе к трактовке *предмета психологии как науки.* Использование такого подхода при исследовании конкретных вопросов в данном тексте под сомнение не ставится (хотя автор полагает, что при принципиальной нерешенности проблемы предмета научной психологии продуктивность решения того или иного конкретного вопроса заметно снижается, но это мы в рамках настоящей статьи обсуждать не будем).

Была сформулирована трактовка предмета психологии, при которой он характеризуется в его целостности и не допускает редукции до «единицы», замещающей предмет [Шадриков, Мазилов, 2015]. Это положение необходимо прояснить особо. Обратимся к истории вопроса.

Как можно полагать, в нашей отечественной психологии первым этот подход начал использовать Л. С. Выготский. В свое время он стремился создать марксистскую психологию, поэтому обратился к трудам Карла Маркса. Взяв за основу логику марксова «Капитала», позаимствовав у К. Маркса идею «клеточки», он перенес на проблематику психологии этот подход, результатом чего явилась известная концепция «анализа по единицам» (в противоположность анализу по элементам). В 1927 г.

Л. С. Выготский пишет трактат «Исторический смысл психологического кризиса». В нем, как известно, Выготский ставит один из своих диагнозов: «*Существуют две психологии* – естественнонаучная, материалистическая, и спиритуалистическая: этот тезис вернее выражает смысл кризиса...» [Выготский, 1982, с. 381]. Выход из кризиса может быть найден путем построения методологии психологии («диалектики психологии»). Психологии нужен свой «Капитал». «Кризис поставил на очередь разделение двух психологий через создание методологии», «...психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно» [Выготский, 1982, с. 422–423]. Итак, выход из кризиса Выготский видел в создании методологии, «общей психологии». В качестве средства предлагался аналитический метод («Весь «Капитал» написан этим методом...»), предполагающий выделение «клеточки» и исходящий из того, что «развитое тело легче изучить, чем клеточку» [Выготский, 1982, с. 407]. Заметим, что Л. С. Выготский находился в постоянном поиске, поэтому за свою короткую творческую жизнь он успел сформулировать несколько совершенно различных диагнозов методологического кризиса. В данном тесте мы этого вопроса касаться не будем. Об этом подробнее [Мазилов, 1998].

Л. С. Выготский, как известно, писал в «Мышлении и речи» (1934): «Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и которые являются далее неразложимыми живыми частями этого единства… Психологии, желающей изучить сложные единства, необходимо понять это. Она должна заменить методы разложения на элементы методом анализа, расчленяющего на единицы. Она должна найти эти неразложимые, сохраняющие свойства, присущие данному целому как единству, единицы, в которых в противоположном виде представлены эти свойства, и с помощью такого анализа пытаться решить встающие перед ним вопросы» [Выготский, 1934, с. 9]. Как отмечал выдающийся отечественный методолог психологии В. П. Зинченко, «Проблема конструирования единиц анализа, адекватных той или иной предметной области исследования или данному конкретному предмету той или иной науки, решается

как на уровне философской методологии, так и на уровне методологии конкретно-научной» [Зинченко, 1983, с. 81].

Обратимся к подробному рассмотрению двух исследований, которые уже упоминались в данном тексте. Первое принадлежит философу науки Э. Г. Юдину, в котором дается философски-методологическое обоснование анализа по единицам, во втором, предпринятом В. П. Зинченко содержится методологическое исследование применимости этой стратегии к области психологии. Автор настоящей статьи должен принести извинения читателю за многочисленные цитаты из этих работ. Как представляется, обсуждая сложные методологические вопросы психологии, важно передать мысль автора как можно точнее, поэтому обильное цитирование становится неизбежным.

Замечательным отечественным философом науки Э. Г. Юдиным (1978) была сформулирована известная философско-методологическая теория. В 1950–1960 гг. рядом отечественных философов была реконструирована логика построения марксова «Капитала». Результаты исследований Э. Г. Юдина были систематизированы в его монографии, которую нам не раз предстоит процитировать. Основываясь на выводах Э. Г. Юдина, классик отечественной психологии В. П. Зинченко представил методологическое и историко-психологическое обоснование данного подхода *применительно к психологии*. На работе В. П. Зинченко стоит остановиться подробнее, так как это, вероятно, самое глубокое в психологии исследование по интересующему нас вопросу.

«Проблема конструирования единиц анализа, адекватных той или иной предметной области исследования или данному конкретному предмету той или иной науки, решается как на уровне философской методологии, так и на уровне методологии конкретно-научной» [Зинченко, 1983, с. 81]. В. П. Зинченко, который развивает эту идею, опирается, как мы отмечали, на философское исследование Э. Г. Юдина. Согласно Э. Г. Юдину, примерами единиц анализа могут служить «товар» в экономической системе К. Маркса, «биологический вид» в теории Ч. Дарвина, «биоценоз» в экологии. По Э. Г. Юдину, эти примеры позволяют указать то важное обстоятельство, что «единицы анализа не могут непосредственно заимствоваться в самой ре-

альности в качестве вещественных продуктов мысленного конструирования (разумеется, отнюдь не произвольного по отношению к реальности).

Единица анализа, должна быть конструктивной и операциональной, то есть такой, чтобы с ней можно было работать – накладывать на эмпирический материал и получать гомогенное описание объекта, позволяющее двигаться и в формальной плоскости (в плоскости оперирования знанием). Единица анализа должна обеспечивать привязку как к эмпирии, так и к наличным средствам анализа» [Юдин, 1978, с. 307–308].

Согласно мысли Э. Г. Юдина, «Построить предмет изучения означает, во-первых, определенным образом задать, то есть выделить и ограничить на основе некоего объяснительного принципа реальность; во-вторых, структурировать эту реальность, то есть задать ее элементы и связи, повторяющиеся, типологически однородные отношения и узлы отношений; в-третьих, привязать предмет исследования к какому-либо принципу объяснения; в-четвертых, построить единицу анализа, такое минимальное образование, «клеточку», в котором непосредственно представлены существенные связи и параметры объекта (существенные для данной задачи). Само собой разумеется, каждая из этих характеристик является сложным образованием» [Юдин, 1978, с. 307]. «История изучения деятельности как особого предмета показывает, что и здесь построение подобных конструкций играет важную, нередко решающую роль.

Например, в языкознании после выделения в качестве особого предмета речевой деятельности предпринимались попытки построить специфическую единицу этой деятельности, которая включала бы в себя достаточно полную характеристику акта коммуникации как лингвистического явления. Аналогичным образом в социологии было введено понятие социального действия, которое выступило в роли единицы анализа при изучении довольно широкого круга социологических явлений. Понятно, что такая же проблема возникает и перед психологией, хотя здесь ситуация более запутанна» [Юдин, 1978, с. 307–308].

Как комментирует рассуждения Юдина В. П. Зинченко, «единица анализа – это такое минимальное образование, в котором непосредственно представлены существенные связи и суще-

ственные для данной задачи параметры объекта. Характеризуя марксово понятие «клеточка», Э. Г. Юдин пишет, что это, очевидно, не «атом» науки прошлого и вместе с тем не трансцендентное «целое» в его непостижимой сущности, а реальные структурный компонент экономической системы, открытие которого позволяет реализовать новый тип по теоретическому предмету исследования» «В марксовом исследовании результат достигается за счет все более многостороннего воссоздания структуры объекта на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному. При этом методологически роль клеточки определяется тем, что здесь во взаимопереплетении выражены несколько типов существенно разных, специфических для структуры социально экономического организма» [Зинченко, 1983, с. 81]. Согласно Э. Г. Юдину, ««клеточка» содержит не только субстанциональные, но и структурные характеристики изучаемого объекта; именно поэтому к ней неприложимы как таковые определения части или целого» [Юдин, 1978, с. 23–24].

Э. Г. Юдин продолжает: «В данном случае нам важно отметить, что Маркс дал не только первый образец успешного анализа сложной системы, но и специально для этого анализа построил логикометодологические средства. Особенно характерно в этом смысле марксово понятие «клеточки»: это, очевидно, не «атом» науки прошлого и вместе с тем не трансцендентное «целое» в его непостижимой сущности, а реальный структурный компонент экономической системы, открытие которого позволяет реализовать новый тип теоретического движения по предмету исследования. Внутри товара, как клеточки капиталистического способа производства, заключены существенные характеристики определенных форм взаимодействия человека с природой и связанных с ними форм общения самих людей. В марксовом исследовании результат достигается за счет все более многостороннего воссоздания структуры объекта на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному. При этом методологическая роль «клеточки» определяется тем, что здесь во взаимопереплетении выражены несколько типов существенно разных связей, специфических для структуры социально экономического организма. Иными словами, «клеточка» содержит не только субстанциональные, но и структурные характеристики

изучаемого объекта; именно поэтому к ней неприложимы как таковые определения части или целого» [Юдин, 1978, с. 23–24].

В. П. Зинченко комментирует подход Э.Г.Юдина: «Юдин большое внимание уделяет таким требованиям к единицам анализа как их структурность, логическая однородность, операциональность. Последнее означает, что с компонентами исследовательской единицы можно работать, они допускают измерение и количественную обработку. Этого можно достичь при условии, что система в единице будет представлена в логически однородном виде. И хотя по своему содержанию компоненты единицы могут быть достаточно разнородны, но они должны быть выражены на едином языке» [Зинченко, 1983, с. 82].

Остановимся более подробно на работе В.П.Зинченко, которая, как можно полагать, является наиболее последовательной реализацией этого подхода в *методологии психологии*. В. П. Зинченко отмечает, что история поиска единиц анализа психики заслуживает специального теоретико-методологического исследования. Проблема выделения единиц возникала в каждом направлении психологической науки, претендовавшем на создание непротиворечивой теории психических явлений, теории, способной ассимилировать накопленный многообразный эмпирический и экспериментальный материал. Нельзя не согласиться с выводом В.П.Зинченко, что «путь от единицы анализа к теоретической конструкции в целом далеко не прост и не всегда заканчивается успехом» [Зинченко, 1983, с. 83].

«Тем не менее, – отмечает В. П. Зинченко, – осознанное выделение единицы анализа – признак методологической зрелости того или иного направления в науке и начало систематического построения теории. Соответственно, и для оценки той или иной концептуальной системы, описывающей психические явления, полезно представить себе ее исходные посылки, выражающиеся в данных единицах анализа. Противоречия и расхождения между различными концептуальными системами наиболее ярко и выпукло обнаруживаются именно между единицами анализа, положенными в основу той или иной теории» [Зинченко, 1983, с. 83].

Обратим внимание на скрупулезность проведенного историко-методологического исследования. В. П. Зинченко приводит

длинный список единиц анализа психики, которые использовались в психологии. «В истории психологии в качестве единиц анализа психики выступали ощущения, представления, идеи (ассоцианизм); структурные отношения между фигурой и фоном (гештальтпсихология); реакция или рефлекс (соответственно, реактология и рефлексология); поведенческий акт (бихевиоризм). В необихевиоризме, в частности, проблема единиц анализа рассматривалась в качестве центральной Э.Толменом, работы которого оказали большое влияние на современную когнитивную психологию. Он дополнил схему «стимул-реакция» системой промежуточных переменных, организованных в 83 квазипространственные когнитивные карты. В западноевропейской психологии проблему единиц анализа особенно обстоятельно обсуждал Ж.Пиаже, который в качестве таковой выделил обратимые операции, рассматриваемые в контексте более широких операторных структур, высшей из которых является интеллект» [Зинченко, 1983, с. 84].

В. П. Зинченко продолжает перечисление, отмечая, что по сравнению с операциями и обратимыми операторными структурами частным случаем выступает использование в качестве единиц анализа мнемических и моторных схем, характерное для Ф.Бартлетта и ряда его последователей в современной англоамериканской литературе» [Зинченко, 1983, с. 84]. Также, по В. П. Зинченко, были попытки использования в качестве единиц анализа психики и определенных состояний субъекта, таких как установки (Узнадзе) или значащие переживания (Ф. Н. Бассин).

В. П. Зинченко указывает: «Мы привели примеры относительно чистых, так сказать, стерильных, типологических единиц психологического анализа, репрезентирующих либо когнитивную, либо эмоционально-оценочную или либо, наконец, волевую, поведенческо-исполнительную сферу (см. познание, чувство, воля). В истории психологии имеются также примеры вариантов единиц анализа, которые характеризовались как целостные недифференцированные образования. Последние (если их рассматривать в онтологическом плане) лишь на высших ступенях развития начинают дифференцироваться на отдельные, более или менее самостоятельные и определенно очерченные роды, виды и классы психологических образований» [Зинченко,

1983, с. 84–85]. Представители лейпцигской школы Крюгер и Фолькельт ввели понятие «эмоционально-подобных ощущений» и говорили о слитности ощущений и чувств на ранних ступенях развития. Аналогичная мысль есть и в гештальтпсихологии: К. Коффка, например, писал, что на ранних ступенях развития ребенка предмет для сознания является в такой же мере страшным, как и черным, и что первые эмоционально подобные восприятия должны считаться исходным пунктом всего последующего развития. В. П. Зинченко делает вывод, что в дискуссиях по поводу единиц анализа психики формулировались как требования к самим единицам, так и требования к построению теории в целом. Он отмечает, сейчас едва ли можно сомневаться в том, что из отдельных ощущений нельзя построить образ предмета. Точно так же после критики Пиаже в адрес гештальтпсихологии ясно, что из перцептивных структур невозможно вывести операторные структуры или структуры понятий.

Тем не менее, обширный литературный анализ приводит классика отечественной психологии к грустному выводу: «Однако современная психология, характеризующаяся небывалым накоплением все новых и новых фактов, проявляет недостаточный интерес, а порой и удивительную беззаботность к выделению и определению единиц анализа психики. Это особенно хорошо видно на примере современной когнитивной психологии, оперирующей понятиями функционального блока и операции по переработке информации. Каждый блок отличается по ряду параметров, важнейшими из которых являются место в более широкой структуре блоков, информационная емкость, время хранения, тип преобразования информации и т. д. При реконструкции конкретных единиц анализа, на которые когнитивная психология разделяет тот или иной психический процесс, обнаруживается, что они представляют собой достаточно разнородные образования – от сенсорных регистров до семантической памяти. Описание того или иного психического процесса осуществляется с помощью объединения этих разнородных функциональных блоков в цепочки или реже – иерархические структуры. Но, хотя количественные и качественные характеристики отдельных блоков и операций, изучавшихся в специально создаваемых условиях, как правило, не вызывают серьезных сомнений при попытках

реконструкции на их обнове более широких когнитивных структур исследователи сталкиваются с серьезными проблемами» [Зинченко, 1983, с. 85–86].

В. П. Зинченко приходит к знаменательному выводу, согласно которому интерес к выделению единиц психики снижается: «Падение интереса к единицам анализа психики, видимо, связано со слишком сильными разочарованиями по поводу таких не оправдавших надежд единиц, как ощущение, реакция, рефлекс и т. д. Возможно, что причиной ослабления интереса к единицам анализа является и недостаточная методологическая культура психологии в этой области. Действительно, в психологической литературе нам не удалось найти строгого определения единицы анализа психики. Она характеризуется как универсальная (элементарная или структурная) составляющая психики; либо как ее детерминанта (в этом случае, правда, она выступает не столько в роли единицы анализа, сколько в роли объяснительного принципа); либо, наконец, как генетически исходное основание развития всей психики. Соотношение между этими тремя моментами в характеристике единиц анализа в разных направлениях психологии весьма различно. Общим для них является, во-первых недостаточная рефлексия по поводу единиц анализа психики. Эта недостаточность рефлексии выражается в нечеткости определения гносеологического и онтологического статуса выделяемых единиц и соответственно – в нечеткости определения их функций. Во-вторых, что более важно, психологи не формулировали нормативных требований к единицам анализа с точки зрения их соответствия (и возможности реконструкции на их основе) нередуцируемой психологической реальности (онтологический план) и не формулировали нормативных требований к единицам анализа с точки зрения логики той или иной философской традиции (гносеологический план). Поэтому нередко мотивация и обоснование выделения единиц анализа остаются за пределами исследования» [Зинченко, 1983, с. 86–87].

В. П. Зинченко отмечает, что «для современного мышления характерен отказ от атомизма, понимание того, что целое несводимо к своим частям к элементарным процессам, вскрыть структурное и функциональное единство целого можно лишь при

условии изучения явления в активных состояниях» [Зинченко, 1983, с. 87].

В. П. Зинченко сформулировал требования к выделению единиц психического. Назовем их.

1. Единица анализа должна быть не диффузным и не синкретическим целым, построенным из элементов, то есть путем соединения всего со всем, а структурным образованием, внутренне связанной психологической структурой.

2. Единица должна содержать в виде противоположностей свойства целого. Другими словами, единица должна в целом вычленять главные его внутренние противоположности и фиксировать их в себе. Эти противоположности (как в единице, так и в целом) всегда связаны.

3. Единицы жизнедеятельности, сохраняющие структурные свойства целого, должны быть способны к развитию, в том числе и к саморазвитию, то есть они должны обладал порождающими свойствами и возможностями трансформации в нечто иное по сравнению со своими исходными формами.

4. Единица должна быть живой частью целого. Л. С. Выготский использовал термины «живое единство», «живая клеточка». В то же время такая единица сама должна быть единым далее неразложимым целым, своего рода системой.

5. Необходимо исходить из таксономического подхода к единицам психологического анализа.

6. Единицы анализа психики, которые выполняют функции генетически исходных, должны иметь реальную чувственно созерцаемую форму.

7. Анализ, расчленяющий сложное целое на единицы, должен создавать возможность синтетического изучения свойств, присущих какому-либо сложному единству (целому) как таковому.

8. Выделяемые единицы анализа должны не только отражать внутреннее единство психических процессов, но также должны позволять исследовать отношение той или иной изучаемой психологической функции (или процесса) ко всей жизни сознания в целом и к его отдельном важнейшим функциям.

В. П. Зинченко, отмечая вклад Л. С. Выготского в исследование данной проблемы, писал: «Таким образом, Л. С. Выготский внес существенный вклад в достижение единства описания

психической жизни. Иное дело, что сегодня, спустя более 40 лет после того, как он предложил значение в качестве единицы анализа психики» мы считаем его недостаточным. Но любая другая единица, которая может быть предложена в качестве дополнительной или конкурирующей должна включать в себя позитивные черты значения как единицы анализа психики» [Зинченко, 1983, с. 101].

В. П. Зинченко, как известно, предложил свою единицу. Речь шла о «живом движении». При том, что для изучения конкретных вопросов психологии были получены значимые результаты, стоит констатировать: проблема предмета психологии как науки осталась пока что нерешенной.

Выскажем некоторые соображения сегодня, когда с момента написания работы В. П. Зинченко прошло еще сорок лет.

Напомним, что в своей книге В. П. Зинченко, обосновывая анализ по единицам, цитирует исследования замечательного отечественного философа науки Э. Г. Юдина [Юдин, 1978]. Обратим внимание на то, что Э. Г. Юдин приводит примеры успешного использования этой технологии исследования, взятые из социально-экономической теории, эволюционной биологии, экологии. Иными словами, это примеры из области естественных либо социальных наук. Возникает резонный вопрос: насколько анализ, хорошо зарекомендовавший себя в естественных и социальных науках применим к психологии? Как ни удивительно (и добавим – как это ни прискорбно!) на вопрос о принадлежности современной психологии к той или иной группе научных дисциплин, как представляется, не решен. Некоторое время тому назад признавалась аргументация, в соответствии с которой разные уважаемые авторы отводили психологии особое место в классификации наук (Б. М. Кедров или Ж. Пиаже). Это означало, что психологию нельзя однозначно отнести к естественным, социальным или философским наукам – она имеет тесные двусторонние связи с этими группами дисциплин. Сейчас почему-то считается, что психология принадлежит к классу социогуманитарных дисциплин, хотя научное обоснование сравнимое с кедровским, как представляется, просто отсутствует. Есть подозрения, что такая квалификация психологии была порождена «оптимизирующим» ходом мысли чиновника мини-

стерства образования и науки, упорядочивающего подготовку аспирантов в области философии науки, но не эпистемологическими исследованиями, о чем приходится сожалеть.

Дело в том, что в разных группах дисциплин свои закономерности, поэтому не стоит удивляться: что очевидно для естественной науки, не обязательно должно быть правильным для гуманитарной.

Что касается психологии, она имеет свою специфику, общие философские наработки в психологии зачастую не применимы.

Как нам представляется, это справедливо для современной психологии. В нашей стране психология в значительной степени приобрела настоящий вид под влиянием марксизма. Вероятно, подругому и быть не могло. В советской психологии возражать против позиции, освященной именем Маркса, не мог никто. Даже мудрый С. Л. Рубинштейн разделял эту позицию: «Для того, чтобы понять многообразные психические явления в их существенных внутренних взаимосвязях, нужно прежде всего найти ту «клеточку» или ячейку, в которой можно вскрыть зачатки всех элементов психологии в их единстве» [Рубинштейн, 1946, с. 173].

Обратим внимание на один момент: если с конструированием единиц анализа, «адекватных области исследования» все совершенно ясно – это перспективный подход к конкретному исследованию, то относительно применимости этого тезиса к «предмету науки» есть много сомнений. Не имея возможности обсуждать здесь этот вопрос сколь-нибудь подробно, обратим внимание, что на нынешнем уровне развития психологической науки адекватные целостному предмету единицы вряд ли могут быть сконструированы. Дело в том, что по большому счету мы пока не постигли сущности психического. Как прекрасно по этому поводу выразился Карл Юнг, мы пока далеки, чтобы понять сущность психологического фактора: «мы еще очень далеки от того, чтобы даже приблизительно понять его сущность» [Jung, 1967, S. 418]. Раз мы не понимаем в точности сущности целого, вряд ли мы сможем сконструировать единицы, отражающие эту не вполне понятную нам сегодня сущность.

Пока нам не известна природа души – подлинного предмета психологии – мы должны выбирать объекты нашего психологического исследования с большой осторожностью. Как нам пред-

ставляется, нельзя допускать замены *целостного совокупного предмета* на клеточку или единицу. Ведь это должна быть такая единица, которая содержит в себе не только основные составляющие души (что само по себе проблематично), не говоря уже о том, что там должно быть представлено духовное начало. Большой вопрос про составные части последнего пока что остается без ответа.

Итак, повторим – как представляется, эта стратегия применительно к *предмету психологии* не применима. Сам по себе анализ по единицам в противовес анализу по элементам возражений не вызывает. Как метод исследования частных научных вопросов он, несомненно, имеет право на существование. Возражение вызывает, повторим, применение его к предмету психологии. Неслучайно, как мы помним, Э. Г. Юдин предупреждал, что в психологии «ситуация более запутанна».

Обратим внимание на один принципиальный момент. Нам уже приходилось писать о том, что логика выделения единиц неизбежно приводит к тому, что происходит «воплощение» психического, в частности, его сведение к тем или иным моделирующим представлениям [Мазилов, 2019]. Иными словами, уже в процессе *понимания психического* происходит определенная редукция. Такое сведение представляется неизбежным.

Этого не произойдет, если мы будем понимать под предметом науки психологии целостность, то есть *совокупный предмет*. Это создает принципиальную возможность идти не от элементов или единиц, а именно от *целого*. Причем целое это не то «трансцендентное «целое» в его непостижимой сущности», от которого предостерегал Э. Г. Юдин. В нашем случае моделирующим представлением выступает «мир», но внутренний мир, который имеет свою архитектонику (созданную на основе опыта философских и психологических исследований в предшествующие столетия). Обратим внимание еще на один момент. Это единство не *задается* декларативно, а *обнаруживается* через единство входящих в него компонентов, которые трактуются не как разнородные, а, напротив, как взаимообусловленные. Именно поэтому можно утверждать, что при таком подходе используется нередуктивная логика исследования.

Как мы видели, история поиска единиц достаточно длительна, но принципиального прорыва она пока не принесла. Во всяком случае, длинный список единиц психического, использование которых в психологии себя не оправдало, приведенный в цитированной работе В. П. Зинченко, убеждает, что, возможно, это не тот путь, который ведет к успеху. Поэтому нам представляется, что более надежной исследовательской стратегией является работа к целостным, совокупным предметом.

В далеком 1886 году замечательный русский психолог и методолог психологии В. Ф. Чиж отмечал: «В прошлом психологии мы не находим самого главного признака того, что предмет изучался научно – равномерного прогресса; известно, например, как мало помалу развивалась механика, выяснялись новые факты, создавались все более и более объясняющие теории, предыдущее дополнялось, а не уничтожалось последующим; не то в психологии: каждая новая система прежде всего объявляла несостоятельными все предыдущие, потому что это были метафизические системы психологии, а не последовательная разработка психологии как науки» [Чиж, 1886, с. 5]. На первый взгляд может показаться, что это высказывание целиком относится к прошлому психологии, тем более, что с момента написания этих строк прошло полтора столетия, включивших в себя XX век, когда были получены наиболее важные результаты. Однако более пристальный взгляд позволяет заключить, что в оценке русского мыслителя, сделанной в XIX столетии, заключено рациональное зерно, делающее это высказывание во многом актуальным: «последовательной разработки» психологии как науки по-прежнему нет, поскольку есть соперничающие подходы. Есть основания полагать, что происходит так исключительно потому, что отсутствует совокупный предмет психологической науки, тогда как различные конкурирующие направления и подходы конструируют свои частные предметы.

Таким образом, использование совокупного предмета позволяет выйти на новый уровень интеграции психологического знания в научной психологии. Предлагая широкую трактовку предмета, мы тем самым получаем возможность вписать, то, что было получено ранее, в новую общую схему. О внутреннем мире как предмете психологии писал в 1917 году С. Л. Франк. Такого

же мнения придерживались другие психологи. Однако мы не будем обсуждать историю исследований внутреннего мира человека.

Отметим лишь, что в новейшей истории пионером провозглашения внутреннего мира человека предметом психологии выступил В. Д. Шадриков.

Отметим, что с такой трактовкой предмета могли бы согласиться многие исследователи. Обратим внимание, что в такой трактовке нет ничего необычного. В качестве примера сошлемся на авторитет Л. М. Веккера: «Внутренний мир человека, его душа – она наш предмет. Она микрокосм, в котором все предстает в неразложимой целостности. Внешний мир легче поддается членению, а здесь все в духовной целостности» [Логинова, 2018, с. 111]. Известный специалист, автор целостной теории психических процессов, как мы понимаем, не возражал против того, что психология должна изучать внутренний мир человека.

До недавнего времени не было возможности рассматривать внутренний мир человека в его целостности, внутренний мир был общей идеей. Работы В. Д. Шадрикова, в которых внутренний мир был не только провозглашен предметом психологии, но и была представлена его архитектоника, сделали возможным конкретизировать и операционализировать внутренний мир человека, в связи, с чем возникает возможность конкретно пересмотреть основные психологические понятия, выявив новые отношения между ними.

Следует особо подчеркнуть, что когда мы говорим о целостном понимании предмета, о совокупном предмете, это никоим образом не означает, что он не дифференцирован, не имеет внутренней структуры.

Обратим внимание на следующие моменты:

1. Внутренний мир человека имеет свою архитектонику, которая описана и представлена [Шадриков, Мазилов, 2015]. Общая психология представлена как внутренний мир человека.

2. Когда говорят об изменении трактовки предмета психологии, обычно имеется в виду отказ от старого понимания и «революционную» декларацию об изменении трактовки. Обычно это означает «перерыв постепенности» и переход к новому подходу, то есть содержится претензия на совершение революции. В дан-

ном случае ничего подобного не предполагается, ибо ничего не отвергается. В данном случае практически все понятия, которые включаются в общую психологию, сохраняются, Результаты, полученные ранее сохраняются, лишь дополнительно устанавливаются новые связи и отношения, которых нельзя было установить ранее, так как не существовало объединяющего целого.

3. Возникает вопрос: за счет чего происходит содержательное объединение предмета, выступающего как целостность? Ответ простой: за счет внутреннего объединения, позволяющего органично соединить то, что ранее выступало исключительно как разнородное. Центральным понятием в данном случае выступают способности. В настоящем подходе способности рассматриваются как центральное организующее понятие, позволяющее органично связать психические процессы (понимаемые как способности) с личностными чертами, мотивацией и формами активности. Подобного рода переосмысление было осуществлено в работах В. Д. Шадрикова и его последователей [Шадриков, 2006, Шадриков, Мазилов, 2015]. Таким образом, внутренний мир рассматривается как имеющий свою структуру, которая имеет уровневый характер.

Подводя итог, отметим, что, как нам представляется, будущее психологической науки связано с использованием совокупного предмета. В настоящей работе как перспективный вариант трактовки совокупного предмета предлагается внутренний мир человека.

1.6. Внутренний мир человека как предмет психологической науки

Название данного параграфа – наше видение этой проблемы. Как мы уже упоминали, пока нам неизвестна природа души – подлинного предмета психологии – мы должны выбирать предмет психологических исследований с большой осторожностью. Как нам представляется, нельзя допускать замены целостного совокупного предмета на клеточку или единицу. Ведь это должна быть такая единица, которая содержит в себе не только основные составляющие души (что само по себе проблематично), не говоря уже о том, что там должно быть представлено духовное начало. Большой вопрос о составной части последнего пока что остается без ответа.

В психологии, как представляется, в настоящее время актуальна идея, которую в свое время отстаивал Курт Левин: рассматривать психологические конструкты не как качественно различные разносущностные образования, а в рамках общего контекста, подчиняющиеся единому закону. Если угодно, это можно рассматривать как призыв Гераклита Эфесского «знать все как одно».

Применительно к нашей проблеме предмета психологии может означать следующее. Предмет психологии необходимо рассматривать именно в его целостности. Другими словами, речь должна идти о том, что мы должны рассматривать совокупный предмет, никоим образом не подменяя его какой-либо частью, единицей, гипотетической клеточкой и т. п.

Напомним, одна из важнейших задач предмета науки представить все предметное пространство дисциплины как единое. В случае, если предмет един, мы имеем возможность осуществлять его внутреннее структурирование, определяя архитектонику предмета. Повторим, в этом случае отдельные части, составляющие структуры предмета соотносятся в рамках единого целого. Обратим внимание на то, что при нерешенности проблемы предмета и фактически отказе от его обсуждения, перед психологией возникают серьезные проблемы.

Мы уже отмечали, что при конструировании и том или ином понимании предмета психологии происходят процессы, не обращать внимание на которые недальновидно. Речь идет о том, что понимание столь абстрактных конструкций связано с некоторыми закономерностями. Можно говорить, что существуют уровни трактовки предмета [Мазилов, 2019].

Как показали наши исследования, в процессе упрощающего понимания психологических явлений происходит следующее. Отметим, что первоначально этот феномен был обнаружен при изучении процессов, происходящие у исследователя-психолога в процессе планирования научного исследования, представляющие собой формирование «предтеории» [Мазилов, 1998]. Позднее выяснилось, что эти феномены универсальны и возникают всегда, когда происходит понимание сложных психических явлений. Речь идет о трансформации первоначальной абстракции

по трем направлениям: выбор основной идеи, выбор базовой категории, конструирование моделирующих представлений.

Поясним это, тем более, что эти направления выступают еще и этапами процесса, поскольку в сконструированных моделирующих представлениях презентированы и результаты двух предыдущих выборов – идеи и базовой категории. 1. Известно, что психическое явление может проявлять себя либо в самосознании, либо в поведении. В процессе понимания выбирается один из трех возможных вариантов, определяющих «идею» предмета и метода: либо субъективный вариант, «от самосознания», предполагающий ориентацию на субъективный метод, либо объективный – «от поведения», предполагающий объективный метод, либо комплексный – представления таковы, что предполагают использование сочетания этих возможностей. 2. Выбирается базовая категория, задающая общую стратегию понимания рассматриваемого явления. Основные базовые категории: структура, функция, процесс, уровень, генезис (или их сочетание). 3. Собственно «моделирующие представления». Моделирующие представления всегда являются искусственной конструкцией, привлекаемой для понимания и объяснения. Согласно Н. Г. Алексееву, моделирующие представления «обеспечивают целостность последовательности процедур и могут содержать некоторые обоснования на этот счет. Подобные схемы, как правило, замыкаются на некоторый образ материальных предметов и связей между ними, задают объект исследования» [Алексеев, 1971, с. 324]. Здесь лишь хочется обратить внимание на то, что роль моделирующих представлений в понимании теории чрезвычайно велика. Если сильно упростить, можно сказать, что моделирующие представления – это та модель изучаемого явления, которую принимает исследователь и на которой верифицируются (получают подтверждения) сведения об изучаемом объекте. Итак, будем помнить, что разговор о психике предполагает замену исходной абстракции в силу ее труднопостижимости и сложности для понимания: происходит замена непостижимого объекта другим, более доступным для понимания. Поэтому, когда мы говорим о психике, в действительности рано или поздно в нашем рассуждении появляются такие понятия, как отражение, деятельность, поведение, адаптация, личность, ориентировка и

пр. Таким образом, понятно, что предмет психологии имеет достаточно сложную структуру, включающую в себя различные компоненты. Можно говорить о декларируемом предмете. В настоящее время под декларируемым предметом обычно имеется в виду «психика», поскольку именно она заявляется в качестве предмета психологической науки. О сложностях исследования психики как таковой уже упоминалось. Поэтому в действительности используется «заместитель» декларируемого предмета – отражение, деятельность, поведение и тому подобное, который уместно именовать рационализированным предметом. И, наконец, тот конструкт, который порождается при участии моделирующих представлений, вполне заслуживает наименование реального предмета. Это необходимо для того, чтобы не запутаться, что имеется в виду в том или ином случае.

Как мы их назвали в свое время, декларативный, рационализированный и реальный. Констатируем, что многие авторы и исследователи ограничиваются декларативным определением предмета. Действительно, в настоящее время в отечественной психологии широко распространена точка зрения, что предметом психологии считается «психика». Поскольку это трудноопределимое понятие, в основном про предмет ритуально «приговаривают». Так, например, в первой главе учебника приводятся фразы про психику, в дальнейших разделах книги речь идет о том, что с предметом науки, заявленным в первой главе, реально не соотносится. Это представляется нам существенной ошибкой.

Используя в качестве декларативного предмета психику, автор обычно исходит из рационализированного предмета, под которым обычно понимается «отражение». Не будем сейчас обсуждать эту сложную проблему, известно, что «отражение» достаточно жестко критиковалось. Не будем на этом останавливаться. Подчеркнем, что сторонник «психики» как предмета психологии обычно исходит из того, что в психике есть психические явления трех видов: процессы, свойства и состояния.

С познавательными процессами более или менее ясно. Они рассматриваются как отражение. С эмоциональными и волевыми процессами несколько сложнее, но, в конечном счете, удается найти более или менее удовлетворительные варианты. Обратим внимание, что это, как представляется, соответствует достаточ-

но распространенному положению, идущему еще от И. М. Сеченова, согласно которому психическое существует как процесс. Онтологический статус казалось бы задан – психическое развертывается как процесс актуально. Но когда мы говорим о личности, я-концепции, идентичности, многообразных личностных чертах и характеристиках, совершенно не понятно, как это соединяется с логикой существования психического исключительно как процесса. Ведь очень сложно предположить, что актуальный процесс неким мистическим образом латентно содержит в себе все богатство личности. Когда включают в состав психики еще и деятельность, возникают новые проблемы. Во-первых, понятно, что деятельность не психологическое понятие (или, по крайней мере, не только психологическое). Попытки определить деятельность в психологии приводят к родовому понятию активность. Деятельность не может осуществляться сама по себе. Конечно, в психологии должен быть представлен в той или иной форме субъект…

В итоге, чтобы не утомлять читателя деталями, констатируем, что казалось бы понятный предмет психологии разрывается и на его место подставляются различные другие предметы. Многие помнят знаменитую книгу А. Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» (1975). Как понятно из названия, целью работы является выявление связей между этими важнейшими для отечественной психологии понятиями. Сам А.Н.Леонтьев формулирует это так; «Я думаю, что главное в этой книге состоит в попытке психологически осмыслить категории, наиболее важные для построения целостной системы психологии как конкретной науки о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивидов. Это – категория предметной деятельности, категория сознания человека и категория личности» [Леонтьев, 1975, с. 12].

С момента опубликования книги классика советской психологии прошло уже 45 лет, но работу по соотношению этих категорий в полном объеме осуществить так и не удалось. Более или менее последовательное продвижение этой идеи означает, что единый предмет психологии исчезает. Отражение, активность, субъектность представляют собой разные «начала», поэтому не

монтируются сами по себе, а объединяющая их основа отсутствует. Поэтому очень характерно, что попытка довести эту логику до конца приводит, к примеру, А. А. Тюкова к идее, что в психологии несколько различных предметов: предмет психологии в целом мыслится автором как «предмет комплексной науки и базовые предметы – как разделы психологической науки. Привычные и знакомые нам категории личности, сознания и деятельности вводятся как независимые и задающие отдельные базовые предметы и, соответственно, теории: личности, сознания, деятельности, а главное – возвращающие «душу» в качестве действительности психологического изучения» [Тюков, 2001, с. 8].

Конечно, можно полагать, что подобного рода конструкция выглядит впечатляюще, но на деле это означает исчезновение психологической науки, соглашаться, с чем явно не хочется.

Полагаем, что психология представляет собой фундаментальную науку, изучающую единый предмет внутренний мир человека.

Именно в пределах предмета необходимо, как представляется, осуществлять соотношение понятий, уточнение их значений и трактовок. Внутренний мир это то пространство, в котором представлена вся психическая жизнь человека.

Понятие «внутренний мир человека», показано, что он отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности [Шадриков, 2006; Шадриков, Мазилов, 2015]. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный, идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет психе как целое, который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что в этом случае психология обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Э. Шпрангера объяснять психическое через

психическое становится реальным. Можно сказать, что в настоящем подходе реализован научный идеал, выраженный В. Дильтеем, о психологии описательной, понимающей и расчленяющей. Во всяком случае, характеризуя внутренний мир человека, авторы пытались не разрушать «одушевляющие связи». Достаточно развернуто продемонстрировано, как внутренний мир может пониматься и трактоваться в соответствии с нашей версией [Шадриков, Мазилов, 2015].

Выше можно было видеть, что традиционная психология не может полностью избавиться от функционализма, поскольку отдельные психические процессы взаимодействуют там как различные явления. Тем более ясно, что между психическими процессами, с одной стороны, и психическими свойствами, с другой, при традиционном понимании имеется серьезный разрыв.

Внутри внутреннего мира как целого может быть переосмыслено традиционное понимание роли тех или иных его составляющих. Если внутренний мир существует – а он, несомненно, существует реально внутренний, мир имеет онтологический статус, что является основанием для того, чтобы изучающая его психология могла считать себя фундаментальной наукой.

Конечно, психическое как процесс существует, но это не единственная форма существования психического. Более того, психическое как процесс существует благодаря тому, что есть постоянная основа для возникновения психического процесса. В рамках внутреннего мира психические процессы (психические функции) могут быть рассмотрены как проявления способностей. Легко увидеть, что способности это то, что объединяет психические процессы, и которые рассматриваются также как психические свойства человека и занимают свое место среди других его психических свойств.

Не имея возможности дать в рамках ограниченного объема данного параграфа демонстрацию возможности коррекции значения психологических понятий в рамках внутреннего мира в сколь-нибудь значительной степени, приведем один пример, опираясь на исследования В. Д. Шадрикова. Обратим внимание, что традиционно понимание связи способностей и одаренности связано со значительными трудностями. В подходе В. Д. Шад-

рикова связь способностей и одаренности построена не по принципу сведения одного к другому, а по принципу следования одного (одаренности) из другого (способностей). Эта связь реализуется следующим образом. Понимая под одаренностью «системное взаимосодействие способностей...» [Шадриков, 2019, с. 211], автор предлагает выделить три измерения способностей, в которых они реализуются и через которые они проявляются в деятельности человека – природные (способности индивида), субъектно-деятельностные (способности субъекта деятельности), личностные (способности личности). Под природными способностями понимаются «свойства физиологических функциональных систем, реализующих отдельные познавательные и психомоторные функции. В данном определении способности рассматриваются как общие (всеобщие) качества. Здесь реализуется связь психики и ее субстрата, определяемая положением о единстве строения и функции» [Шадриков, 2019, с. 102]. Природные способности на уровне их представленности в психической деятельности человека реализуются в виде психических функций (восприятие, внимание, память и т. д.), каждая из которых имеет индивидуальную меру выраженности у индивида. Если на уровне всеобщей представленности психических функций у человека можно говорить о способностях индивида, то в ходе реализации им той или иной деятельности следует говорить о способностях субъекта деятельности. Последние отражают операционные механизмы психических функций и также имеют индивидуальную меру выраженности. Формирование способностей субъекта деятельности происходит за счет достраивания природных способностей интеллектуальными операциями, классифицируемыми В. Д. Шадриковым на четыре вида: предметно-практические операции (сравнение, анализ, синтез и др.), операции восприятия и памяти (группировка, классификация, систематизация и др.), операции мышления (сравнение, раскрытие отношений, обобщение и др.) и метаинтеллектуальные операции (формирование гипотезы, целеполагание, принятие решения, планирование и др.).

Третий вид способностей – способности личности – достаточно многообразен, но в нем выделятся два ведущих личностных образования, определяющих успешность реализации спо-

собностей индивида и субъекта деятельности – мотивация и духовные способности. Их место в структуре способностей определяется следующим образом: «С учетом того, что мотивация направляет поведение человека, а поведение реализуется через его способности, а также принимая во внимание структуру психологических функций, мы можем утверждать, что мотивация будет тесно связана со способностями, с одной стороны, определяя их развитие, с другой – проявляясь в функциональных состояниях (духовных способностях)» [Шадриков, 2019, с. 120].

Не будем далее говорить о перспективах данного подхода. Лишь обратим внимание, что понятие способности, разработка которого первоначально принадлежит Аристотелю, занимает вполне определенное и, что важно, ведущее место среди других психологических понятий. И, подчеркнем, что в структуре способностей находится место для духовных способностей.

Как нам представляется, рассмотрение внутреннего мира человека в качестве предмета психологии создает новые дополнительные возможности для коррекции трактовки психологических понятий.

Остановимся на результатах проведенного нами теоретического анализа, чтобы продемонстрировать: такая трактовка предмета как внутренний мир человека 1) позволяет «предмету» реализовать свои функции; 2) соответствует основным требованиям к «предмету».

Основные функции предмета:

а) Конституирование науки. Внутренний мир человека конституирует дисциплину психология человека. Понятие «внутренний мир человека», показано, что он отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности [Шадриков, Мазилов, 2015].

Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями

человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология [Шадриков, Мазилов, 2015].

б) Обеспечение работы «машины предмета». Это одна из основных функций. Имеется в виду то, что за счет внутрипредметных отношений в рамках предмета возможно построение моделей, увеличивающих объем психологического знания. Поскольку в состав внутреннего мира человека входят психические образования, имеющие разное происхождение и различную обусловленность, возникает перспектива разрабатывать психологию, руководствуясь известным положением Э. Шпрангера объяснять психическое через психическое.

в) Определение предмета исследования (главная роль в конституировании предмета исследования). Эта функция позволяет конструировать предмет конкретного научного психологического исследования. Многие психологи сегодня искренне полагают, что трактовка предмета психологии не имеет существенного влияния на жизнь науки: те или иные конкретные исследования проводятся, исходя из понимания предмета данного конкретного исследования. Предмет исследования и предмет науки не совпадают. Поэтому изменение понимания предмета науки, полагают они, не оказывает реального влияния на предмет конкретного исследования. Кстати, можно увидеть большое количество учебников по психологии, где о предмете определенно говорится только в первой главе, а содержание всех остальных с трактовкой предмета практически никак не связано. Выбор адекватного предмета имеет решающее значение как для успешности конкретного исследования, так и для самоопределения науки в целом. С нашей точки зрения, это важный шаг, имеющий большие последствия, существенно перестраивающий представление об общей психологии.

Использование в качестве предмета такого широкого понятия как внутренний мир человека, позволяет конструировать предмет научного исследования, оставаясь в границах психологии, и тем самым соблюдать предметность психологического исследования. Как было показано в предыдущих работах, соотнесение с реальным предметом при организации психологиче-

ского исследования происходит в любом случае независимо от того, осознается это самим ученым или нет.

г) Роль предметного стола.

Предметный (операционный) стол – необходимый атрибут науки и научного исследования. Сопоставление понятий, их сравнение возможно только в том случае, если они находятся в одной плоскости психологического исследования. Если предмет задан слишком узко, конструктивное сопоставление становится невозможным. В этом случае невозможно эффективно использовать коммуникативную методологию. Поскольку предмет, понимаемый как внутренний мир человека, трактуется широко, он используется как основа сопоставления и выполняет функцию операционного стола.

д) Предмет должен определять границы науки, то есть охватывать все пространство дисциплины. Как уже отмечалось, трактуется внутренний мир человека максимально широко, в него включены и сознательные, и бессознательные психические явления. Более того, такая широкая трактовка позволяет включить в архитектонику внутреннего мира такие разные механизмы (и показать их роль и значение) как отражение и конструирование. Мир, как мы уже отмечали, сложен. И вряд ли един, как впрочем, и внешний мир. Поэтому стоит быть готовым к тому, что в рамках внутреннего мира представлены разные механизмы. Вряд ли мы поймем ощущения без использования понятия отражение. Но это никоим образом не означает, что вся остальная психическая жизнь тоже отражение. Вспомним, что уже Аристотель отмечал, что «мыслить – это во власти самого мыслящего, когда бы оно ни захотело помыслить; ощущение же не во власти ощущающего, ибо необходимо, чтобы было налицо ощущаемое» [Аристотель, 1975, с. 407]. Надо полагать, что и механизмы этих процессов различны. Вряд ли стоит распространять принцип отражения на все. Отражение, несомненно, имеет место в области чувственного познания, создавая чувственную ткань, но мы знаем, что уже на уровне восприятий сталкиваемся с заметным «обратным влиянием», когда внутренний мир фактически организует перцепцию. И самое последнее. Внутренний мир сложен, поэтому естественно, что для его исследования

требуются разные методы. В общем виде – несомненно, что необходимо сочетание различных методов.

Такое использование категории внутренний мир позволяет рассматривать псюхе как трансперсональный феномен, то есть соответствует всем современным психологическим подходам, позволяя определить сферу их применения.

е) Дидактическая функция.

Дидактическая функция означает, что в соответствии с трактовкой предмета может быть организован учебный процесс. Подготовлен учебник, в котором эта функция реализована [Шадриков, Мазилов, 2015]. Подчеркнем специально, что она реализована последовательно: внутренний мир человека заявлен как предмет психологической науки, все рассматриваемые разделы представлены как составляющие внутренней архитектоники внутреннего мира человека.

Основные характеристики предмета

А) Предмет должен существовать реально, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), то есть он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус).

Согласно В. Д. Шадрикову, внутренний мир человека представляет собой потребностно-эмоционально-информационную субстанцию, которую можно рассматривать как душу человека в ее научном понимании [Шадриков, 2006]. Как уже упоминалось, внутренний мир человека представляет собой психическую реальность, имеющую внутреннюю архитектонику. Это естественный объект, представляющий собой систему. Исследование такого объекта представляет собой классический вариант системного подхода, точнее содержательного системного подхода. Известно, что различные совокупные предметы имеют различный потенциал и перспективы в плане психологического исследования. Совокупный предмет определяет собой рамки и границы психологии. Следует специально подчеркнуть, что это важнейший для психологии вопрос. Дело в том, что предметное пространство психологии должно представлять собой целостность, позволяющую организовать конструктивную исследова-

тельскую работу, и далеко не каждое широкое психологическое понятие может претендовать на то, чтобы представить собой совокупный предмет. Известный советский психолог П. Я. Гальперин видел истоки методологического кризиса психологии в том, что сама психология не смогла преодолеть дуализм: «Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – toto genere – разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя» [История, 1992, с. 3]. П. Я. Гальперин полагал, что «с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе» [История, 1992, с. 3]. Диалектическому материализму, как сейчас понятно, тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Описываемый подход, при котором мир психических явлений обретает надежную нейрологическую основу, как представляется, позитивен, поскольку в этом случае, по крайней мере, удается избежать редукционизма и физиологизма.

Б) Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического.

Трактовка совокупного предмета как внутреннего мира человека, подчеркивает его целостность, но утверждает наличие во внутреннем мире различных гетерогенных структур. Таким образом, утверждается принципиальный тезис, что внутренний мир человека сложное образование. В этом моменте формулируемый подход означает категорический разрыв с той традицией, которая, по крайней мере, со средних веков утверждает, что душа (психика) есть простая вещь, познающая себя и другие ве-

щи. Удивительно, но психологические школы и направления, включая современные, следовали этому древнему, но весьма спорному учению. Отсюда, кстати, следует, что неявно предполагается, что метод изучения тоже должен быть простым. Нам это также представляется недоразумением и анахронизмом: очевидно, что мир сложен, поэтому и методы его исследования используются разные – в зависимости от того, какая часть мира исследуется. Поэтому, говоря о методах, стоит подчеркнуть, что чаще всего речь идет о комплексе методов, их сочетании. Иными словами, используются методы как из арсенала естественнонаучной психологии, так и из обоймы герменевтических методов.

В) Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

В ряде наших работ было показано, что психология представляет собой специфическую дисциплину, которую нельзя отнести ни к естественным, ни к гуманитарным наукам. Понятно, что обеспечивает ее особое положение среди других наук. Поэтому стандарты и подходы естественных и гуманитарных наук в психологии, во всяком случае сегодня, без необходимой адаптации неприменимы. Существуют законы функционирования и развития внутреннего мира [Шадриков, Мазилов, 2015].

Это важно понимать сегодня, когда мы знаем, что психика по-прежнему является «неизвестным фактором», о чем мы уже говорили.

Г) Понимание предмета должно быть таким, чтобы обеспечить возможность психологического объяснения (нередуктивного).

Не имея возможности в рамках настоящего раздела обсуждать проблему объяснения в целом (подробно об этом см. в разделе 2.5.), обратимся к редукции в объяснении. Обычно редукцию, то есть сведение психологического к непсихологическому, рассматривают как неизбежность. Редукцию в той или иной форме предполагает Пиаже, автор известной теории объяснения. Неизбежность и более того пользу редукции видит А. В. Юревич.

Как представляется, новое понимание предмета психологии позволяет преодолеть неразрешимые трудности в объяснении психического. Этот тезис нуждается в пояснении. Дело в том,

что традиционная трактовка предмета делает практически неизбежной редукцию психического к непсихическому в той или иной форме. Почему так происходит? Ответ прост. Трактовка предмета как внутренне простого предполагает использование именно причинно-следственного объяснения. Специфика причинного объяснения прекрасно показана в работах замечательного отечественного философа Е. П. Никитина [Никитин, 1970]. Существенно, что сведе́ние, редукция предполагает причинно-следственные отношения. Отсюда становится понятным, что источник активности психики «обнаруживается» в физиологии, социологии, логике и проч. в зависимости от склонности использовать тот или иной тип редукции. По нашему глубокому убеждению, продуктивен тот подход, который видит источник активности психики в ней самой.

Д) Понимание предмета должно быть целостным и не допускать замены целостного предмета на его «замену»: в качестве «подмены» обычно используют единицу, замещающую реальный предмет (почему-то считается, что единицу легче изучить).

Обычно при определении предмета используют (история психологии изобилует примерами такой технологии) следующий ход: объявляя тот или иной предмет в дальнейшем рассмотрении осторожно заменяют его на «единицу», данный предмет представляющую. Эта традиция – наследие прежней методологии, когда полагали, что из единицы (клеточки) можно будет получить целое. Поскольку до целого дойти обычно не удавалось, в конечном счете довольствовались обсуждением того, которая из предложенных единиц более перспективна. Подчеркнем, что такая логика появляется в результате неоправданного перенесения на психологию чуждых методологических идей.

Обратим внимание, что в итоге из психологии фактически исчезает совокупный предмет. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет – психе как целое – который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что в этом случае психология впервые обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Шпрангера становится реальным – объяснять психическое через психическое. Можно сказать, что в настоящем методологическом подходе скорее реализован науч-

ный идеал, выраженный Вильгельмом Дильтеем, о психологии описательной, понимающей и расчленяющей. Во всяком случае, характеризуя внутренний мир человека, В. Д. Шадриков, В. А. Мазилов, пытались не разрушать одушевляющие связи.

Е) Понимание предмета должно быть экологичным, он должен органично вписываться в окружающий мир, гармонировать с биосферой и ноосферой.

В нашем представлении понятие внутренний мир человека является наиболее экологичным из всех возможных вариантов. Достаточно вспомнить древних греков, которые рассматривали гармонию космоса и человека и его внутреннего мира как макро-, мезо- и микрокосм. В греческой культуре соответствие между микро- и макрокосмом было общепринятым и очевидным. «Считалось, что человек является Вселенной в миниатюре, то есть микрокосмом. В нем действуют те же силы, что и во всем Космосе. До нас дошел этот закон словами из Библии: "И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его" (Быт., I, 27) и через слова, приписываемые Гермесу Трисмегисту (IV-III вв. до н. э.): "Как наверху, так и внизу". Поэтому в те далекие времена, которые мы рассматриваем, к словам "познай самого себя" добавлялись "как часть мира, и мир как часть самого себя". Позднее последняя часть в среде Великого Среднего, так будем называть людей, которые не стремятся познать Истину, и таких большинство, была отброшена как ненужная из-за непонимания необходимости этого дополнения. В этом выражении уже было заложено огромное знание: познать себя как микрокосм можно только при изучении трех миров: себя как человека; своего внутреннего мира и так называемого мира органической жизни или биосферы Земли, как сейчас называют ученые, куда входят люди, звери и растения. Это объяснялось тем, что некоторые законы, которые действуют в человеке, можно легче изучить в двух окружающих человека мирах» [Лавский, 2010, с. 3–4]. Не исключено, что современной психологии стоит прислушаться к идеям, высказанным еще в античности, тем более, что для возрождения этих идей могут найтись основания.

В этой связи можно вспомнить мудрого В. Джемса, который говорил, что наша психика «заранее приноровлена» к миру, в котором человек живет. И, конечно, Карла Юнга: «Каждый вы-

хватывает свой собственный фрагмент мира и сооружает для своего частного мира собственную частную же систему, зачастую с герметическими стенами, так что через некоторое время ему кажется, будто он познал смысл и структуру мира. Конечное никогда не обоймет бесконечное. Мир психических явлений есть лишь часть мира в целом, и кое-кому может показаться, что как раз в силу своей частности он более познаваем, чем весь мир целиком. Однако при этом не принимается во внимание, что душа является единственным непосредственным явлением мира, а, следовательно, и необходимым условием всего мирового опыта» [Юнг, 1994, с. 111].

Из вышеизложенного, видно, что предлагаемый подход имеет существенные преимущества. Реализация целостного подхода к пониманию предмета психологии позволяет по-новому решить целый ряд вопросов.

Как следствие, новое удовлетворительное решение получают:

А) Психофизиологическая проблема, поскольку функционирование внутреннего мира обеспечивается работой соответствующей функциональной системы.

Б) Снимается конфликт между конкурирующими принципами отражения и конструктивизма, поскольку во внутреннем мире разграничиваются сферы их действия.

В) Удовлетворительно решается биосоциальная проблема обусловленности внутреннего мира человека, поскольку способности – центральное системообразущее понятие – рассматриваются на трех уровнях – уровне природных способностей, уровне субъекта деятельности и личностном уровне, что позволяет четко развести влияние указанных факторов.

Г) Внутренний мир рассматривается как имеющий онтологический статус, поэтому психология получает статус фундаментальной науки, изучающей реально существующие явления.

Д) Пересматривается роль объяснения в психологии, появляется возможность нередуктивного объяснения.

В следующей главе будет показано, что отсутствие удовлетворительного решения проблемы предмета психологии не позволяет конструктивно решить актуальные проблемы и дать адекватный ответ на вызовы современности.

Хочется обратить внимание на тот факт, что число проблем, требующих решения, намного больше, чем это представлено в следующей главе. Например, одной из важнейших, но не попавших в обзор, приведенный во второй главе монографии, является проблема соотношения академической (теоретически-экспериментальной) и практико-ориентированной психологии. По этой проблеме опубликованы важные работы [Журавлев, Ушаков, 2011, 2012; Взаимоотношения, 2015]. Анализ показывает, что и в данном случае корни проблемы уходят в различие трактовок предмета [Мазилов, 2015].

Примечания

[1]Для нас важно показать здесь, что цели, с которыми вводится предмет психологии, могут существенно различаться. Но это не единственное обстоятельство, затрудняющее рассмотрение проблемы предмета психологии.

[2]Хотя нельзя не заметить, что пространственная модель предметной области (при очевидных достоинствах) таит немалые опасности, так как при этом обычно упускается уровневый аспект. Как мы увидим в дальнейшем, уровневый подход к рассмотрению предмета важен и перспективен.

[3]Подчеркнем, что речь вовсе не идет о том, чтобы повернуть развитие психологии вспять: это невозможно, да и не нужно. Наша цель совершенно иная – продемонстрировать, что возможно строить психологию на другой основе (в первую очередь на основе другой трактовки предмета психологии). Принесем извинения читателю за обилие цитат из работ Юнга, но нам было важно показать авторскую позицию как можно точнее.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ И РЕШЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

2.1. Предмет психологии и ответ на вызов глобализма

В методологии истории психологии давно является прописной истиной тезис, сформулированный М. Г. Ярошевским, согласно которому развитие психологического знания имеет сложную детерминацию, включающую влияние факторов как социальных, предметно-логических так и личностно-психологических. Хорошо известно, что история психологии может рассматриваться как с экстерналистских, так и с интерналистских позиций. В целом можно отметить, что эти позиции в целом уравновешиваются (иначе и быть не может), что не исключает ситуативных смещений в сторону того или иного полюса. В самое последнее время усиление позиций экстернализма дает о себе знать повышенным вниманием к проблемам влияния глобализации на психологию в разных странах, в том числе и на российскую психологию.

В частности, во втором номере «Психологического журнала» за 2018 год опубликована статья уважаемых авторов «Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы» [Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018], которая затрагивает интересы всех, кто причастен к психологической науке. В анализе вариантов ближайшего будущего психологической науки, в конструктивных предложениях и прогнозах различных исследователей, в том числе и относящихся к разным направлениям и школам, видится залог дальнейшего развития отечественной психологии, как бы ни оценивалось ее настоящее.

В упомянутой выше статье анализируются проблемы, возникающие в психологии в связи с глобализацией. В частности, утверждается, что психология должна отвечать на вызовы современности. Проанализировав тенденции в мировой психологии, авторы приходят к выводу, что в современных условиях имеет место формирование глобальной психологии как многополюсного сетевого образования, причем не в качестве единого теоретического течения, а скорее, как дивергентного развития новых и переосмысленных старых психологических теорий в попытках дать объяснение современным эмпирическим реалиям,

порождаемым современным миром [Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018]. Авторами предлагается глобальную психологическую науку определить как этап в ее развитии, порожденный новой реальностью, для описания которой уже не годятся старые теории. При этом утверждается, что дискурс глобальной психологии направлен на становление научной дисциплины, способной адекватно ответить на вызовы времени, отразить психологию ныне живущего человека. Отмечается, что в зарубежной науке он в целом позитивно воспринимается в контексте становления новых школ, роста их разнообразия и освобождения от необходимости следовать устаревшим теориям [Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018].

Необходимо отметить, что в этой глубокой и интересной статье поднимаются и обсуждаются важнейшие вопросы, имеющие значение для определения вектора развития психологической науки в России. Остановимся на некоторых вопросах, связанных с глобальной психологией. Обратим внимание, что авторы статьи отмечают, что существуют две тенденции в понимании содержания, вкладываемого в понятие «глобальная психология» (global psychology).

«В литературе доминирует представление об этом феномене как психологии универсальной, всемирной (Universal Psychology). Дж. Берри, один из ярких и последовательных сторонников такого понимания глобальной психологии, пишет: «Наш универсалистский взгляд на перспективы развития дисциплины зиждется на утверждении, что основные психические процессы являются общими для всех представителей нашего вида, в то время как их развитие и формы проявления культурно специфичны. Соответственно, наша цель – глобальная психология, которая включает данные об обществах и культурах из всех частей света. Я утверждаю, что разнообразие человеческого поведения должно быть описано и проанализировано, как основа для выявления общечеловеческих закономерностей» ... С этой точки зрения, с ходом глобализации предметная область психологии расширяется, включая в себя новые и новые культурные контексты. Глобальный мир видится как широкий набор отдельных культур, которые необходимо включить в рассмотрение и сравнение, чтобы в итоге выявить общечеловеческие качества»

[Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018, с. 62]. Другой взгляд на суть глобальной психологии «остается менее распространенным. С этой точки зрения, глобальная психология, прежде всего, должна отразить принципиальную новизну процессов, происходящих в человеческом обществе в эпоху глобализации, а также коренные изменения, которые претерпевает социум и культура. Глобальная психология понимается в контексте этого дискурса как психология глобального мирового сообщества (Global Community Psychology)» [Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018, с. 62].

Очень важно отметить, что различные науки по-разному откликаются на вызовы, связанные с интеграцией. Если в естественных науках заметна тенденция к унификации, то для наук гуманитарного профиля процессы интеграции существенно осложняются выраженной «культурной опосредованностью» как со стороны предмета, так и со стороны субъекта исследований [Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018].

Если еще четверть века назад можно было говорить о глобализации как об общем распространении в мире западных культурных стандартов и норм, то сегодня стало очевидным, что такое представление является несостоятельным. Ведущей чертой глобализации становится возникновение многополюсной мировой системы и рост культурного разнообразия [Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018].

Для психологии движение к глобализации по-разному протекает в различных регионах и в существенной степени оказалось окрашенным “протестными” тенденциями сопротивления гегемонии западно-центрического мейнстрима, в котором после второй мировой войны доминировала американская традиция [Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018, с. 58].

Авторы, исследуя формы глобализации в психологии, отмечают, что в азиатском регионе и в странах Африки основной формой движения в данном направлении стало развитие, так называемых, «туземных» психологий (Indigenous Psychologies (IPs) или Indigenized Psychologies (IZPs)) [Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018].

Интенсивный экономический и политический рост азиатских стран, где зародился проект IPs, рост национального самосознания, послужили толчком к критике западных психологиче-

ских теорий. Энрикес, один из основателей движения IPs на Филиппинах, объяснял, что оно направлено «…против психологии, которая поддерживает статус сознания филиппинца»... Аналогичного мнения придерживаются и другие исследователи, утверждая, что «массовый импорт западной психологии в Азию представляет собой форму культурного империализма, который закрепляет здесь колониальную форму сознания»... Основным аргументом авторов, разрабатывающих IPs, стала непригодность западных теорий для объяснения и прогнозирования поведения и деятельности местных жителей, понимания их психического склада. Это доказывает необходимость рассматривать психологические проблемы людей в контексте культуры той общности, к которой они принадлежат, и их реального бытия в конкретном социуме. В русле этого направления ставится общая задача «…развития системы научного знания, которая бы эффективно отражала, описывала и объясняла психическую деятельность и поведение в естественных контекстах и в культурно-релевантных терминах…» … Проект IPs быстро приобрел и сохраняет большую популярность. В 1999 г. высокорейтинговый журнал «Прикладная психология (Applied Psychology)» подготовил специальный выпуск, посвященный IPs. В 2005 г. вышел посвященный ему специальный выпуск Азиатского журнала по социальной психологии (Asian Journal of Social Psychology). Были опубликованы две коллективных монографии, посвященные IPs, под редакцией таких авторитетных ученых как Ким и Берри» [Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018].

Подчеркивается, что подход позволяет выявить некие «универсалии», составляющие основу человеческой психики во всех ее культурных вариантах, и, таким образом, продвинуться к созданию «универсальной»/глобальной по своему предмету психологии, не только отражающей характеристики представителя западной культуры, фиксированные в теориях западной психологии, но и применимой в контексте любой культуры. Западному мейнстриму психологии при таком подходе придается статус лишь одной из IPs. В этом смысле утверждается, что все психологические теории являются «туземными» (IPs), так как созданы в русле какой-то одной определенной культуры. Парадоксальным образом данное направление IPs, выступая под лозунгом

критики западных теорий, новых не выдвинуло. Фокусируясь на проведении эмпирических исследований с целью выявления различий между психологическими характеристиками местного населения по сравнению с данными, представленными в западном мейнстриме, приверженцы данного направления, в основном опираются на методический аппарат и инструментарий, разработанные на западе. На этом противоречии базируется растущая критика IPs теорий, в контексте которой звучат уже утверждения, что они являются тупиковыми [Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018].

Отметим еще один парадокс в развитии IPs: возникшее под лозунгом критики западного мейнстрима за игнорирование культурных особенностей, это направление фактически выявляет «общечеловеческие» характеристики через снятие культурной специфичности. В русле всего обширного потока исследований IPs доминирует представление о глобальной психологии как о психологии универсальной и общечеловеческой (universal/global psychology), что объясняет явно и неявно проявляемые здесь тенденции сближения с эволюционной психологией (в той форме, в которой она представлена в современном западном мейнстриме). Сторонники последней полагают, что психические механизмы жизнедеятельности человека сложились в далеком прошлом, когда происходил процесс образования вида современного человека, и навечно закреплены генетически [Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018].

Обратим внимание на принципиально важный момент. Еще раз процитируем статью трех авторов: «можно заключить, что в общем контексте глобальных изменений с неизбежностью происходит формирование глобальной психологической науки, отражаясь как в изменениях представлений о предмете (объекте) науки, так и в изменениях субъекта науки – мирового научного сообщества» [Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018, с. 62–63]. Говоря о глобальной психологии, следует подчеркнуть, что меняются представления скорее не о предмете, а об объекте психологии. Авторы совершенно правильно пишут о диалектике дифференциации и интеграции. Необходимо помнить, что интеграция возможна на той или иной основе – для этого нужен предметный (операционный) стол. Иными словами, жизненно

необходимо широкое понимание предмета. В любом случае неявно используется та или иная «общая психология» в смысле, который придавал этому понятию Л. С. Выготский [Выготский, 1982, с. 417].

Ниже мы более подробно коснемся этого вопроса. Сейчас же необходимо подчеркнуть, что при осуществлении любых интегративных действий в рамках глобальной психологии неявно подразумевается определенная модель – вполне сциентистская и позитивистская. То есть тот самый пресловутый американский стандарт. Как представляется, здесь очень важно помнить о том, что психология чрезвычайно далека от финальности. Юнг писал, что мы пока, как неоднократно отмечалось в этой книге, не можем понять сущность психологического фактора. И в эпоху глобализма стоит вспомнить о национальных традициях. Когда здесь речь идет о национальных традициях, имеется в виду следующее.

Эта проблема достаточно интенсивно обсуждается в литературе. В современной российской психологии перед лицом глобализации в качестве стратегии реагирования могут быть выделены такие тенденции:

– изоляционизм и следование национальной традиции;
– безоговорочное принятие предлагаемой глобальной «универсальной» модели;
– интеграция с сохранением национальной специфики, сложившейся в российской психологической науке.

Как представляется, наиболее перспективным является третий путь. В рамках этой стратегии предлагается обратиться к традициям русской философской психологии, либо к традициям антропологически ориентированной психологии. Иногда выражаются надежды, что в психологии будут преобладать «многополярные» модели или психология вообще будет иметь сетевой характер.

Однако пока преобладают ориентации на интеграцию в той или иной форме, при этом не подлежит сомнению, что основу интеграции будет представлять собой именно глобалистская модель. Исследования по механизмам интеграции показывают, что очень многое зависит от того, что в интегративной модели будет выполнять роль операционного стола (М. Фуко).

В позициях, которые были представлены выше, речь идет исключительно о *содержании* психологии: о соотношении в ней общечеловеческого и культурно-обусловленного. Мы полагаем, что главные различия лежат в сфере *методологии*. Это представляется основным упущением в представленных в статье дискуссиях. Если мы не решили, какова будет эта психология с позиций *методологического обоснования*, надежды на взаимопонимание практически нет.

Обратимся к идее операционального стола, о котором выше уже упоминалось. Иными словами, все зависит от того, как будет выстраиваться модель, на основе которой будет осуществляться сопоставление и взаимосоотнесение различающихся подходов. Речь идет об операционном (предметном) столе. Если предметный стол, образно говоря, «меньше», чем одна из соотносимых концепций, он неизбежно оказывается прокрустовым ложем. Стоит дополнительно подчеркнуть, что при осуществлении любых интегративных действий в рамках глобальной психологии неявно подразумевается определенная модель – вполне сциентистская и позитивистская – тот самый пресловутый американский стандарт, который заодно выполняет в этой модели роль операционного стола. Очевидно, что «объединительное решение» всегда будет в пользу предлагаемой модели (до тех пор, пока не будет обращено внимание на методологическую основу этой потенциальной интеграции).

Если мыслить непредвзято – в понятиях методологии психологии – ответ очевиден: в качестве предметного стола должно выступать самое широкое психологическое понятие. В качестве такового наиболее логично использовать конструкт «предмет психологии». Как показали исследования, конструкт предмет психологии должен выполнять определенные методологические функции и, соответственно, иметь определенные характеристики [Мазилов, 2017, 2019].

Речь исключительно о том, что в традициях российской науки есть методологические наработки, которые могут быть эффективно использованы для решения проблем мировой психологической науки. В западной психологической науке такого рода наработки отсутствуют: их стоит рассматривать именно как порождение российской науки и культуры. Связано это, вероят-

но, с тем, что традиции западной методологии иные: в американской психологии методология трактуется как техническая дисциплина, описывающая организацию эмпирического психологического исследования.

В отечественной философии, психологии, физиологии накоплен опыт, который является национальным достоянием, позволившим получить значимые результаты и открывающий новые перспективы. И отказываться от него нет никакого резона. Как было отмечено выше, для того, чтобы интеграция российской и глобальной психологии в каком-либо варианте была возможна, в первую очередь, необходим операционный стол. Естественно, что в роли операционного стола, поскольку речь идет о психологиях, наиболее логично видеть конструкт «предмет психологии». Про трактовку предмета психологии как внутреннего мира мы подробно писали в первой главе.

Вернемся тем временем к вопросу соотношения общего (мирового) и национального в психологии. Это вопрос достаточно тонкий. Обратимся к его рассмотрению.

Отметим только, что и философия, и появившаяся позднее психология, несомненно, интернациональны. Как любое значимое изобретение, они очень быстро становятся достоянием всего человечества. И так же совершенно ясно, что каждая культура вносит в это достояние что-то свое, что для нее наиболее значимо. Никого не удивляет, что немецкая философия отличается от английской или французской. То же и с психологией. Когда совершается значимый прорыв, скажем, начинает массово использоваться экспериментальный подход к изучению психических явлений (в школе Вундта), возникает интернациональная школа, идеи и методики распространяются по всему миру. Но используются эти методы в соответствии с теми традициями, которые существуют в этой культуре. Вместе с тем возможны (история психологии полна таких примеров) радикально отличающиеся взгляды на психологию, ее предмет и методы. Можно смело сказать, что в психологии никогда не было даже относительного единства. Как отмечал П. Фресс, «французская психология отпочковалась от психопатологии, интерпретируемой философами» [Фресс, 1966, с. 46]. Не подлежит сомнению, что английская психология развивалась под влиянием идей ассоци-

ативной философии и эволюционной биологии, немецкая под влиянием классической немецкой философии и метода научного эксперимента.

Тем не менее, отметим, что создатели научной психологии мыслили ее именно как единую мировую науку. Вильгельм Вундт, вне сомнения, мыслил под физиологической психологией – прообраз научной психологии будущего мировую науку. Его многочисленная интернациональная школа эту идею подтверждала. В. Джемс, автор до сих пор не превзойденного учебника по психологии [James, 1890], полагал, что психология оформится в будущем как единая наука, не предполагающая национальных вариантов. З.Фрейд, напротив, опасался, что его теорию примут за национальную, и принимал специальные действия по интернационализации психоаналитического движения. С. Л. Рубинштейн, отмечавший в 1940 году, что становление психологии самостоятельной наукой еще не завершено, говорил о необходимости создания системы психологии, несомненно, имел в виду мировую науку, в которую национальные входят в качестве составляющих. Понятно, что в силу идеологических факторов он не мог эту мысль сформулировать открыто. Совсем не случайно его основы общей психологии были попыткой синтеза научных достижений психологии в целом (и отечественной, и зарубежной). Поэтому отнюдь не случайно, что «Основы общей психологии» являются лучшим до сих пор русскоязычным учебником по психологии. И, кстати, это очень хорошо поняли те «критики» Рубинштейна, которые утверждали, что он в своем учебнике «недостаточно критически» относится к буржуазной психологии. В этом смысле С. Л. Рубинштейн был «человеком мира», который принял на себя ответственность за развитие мировой психологии, поскольку один из немногих методологически мыслящих психологов хорошо понимал тенденции ее развития.

Идея внутреннего единства мировой психологии была широко представлена еще в 1960-е годы. Поэтому, помня о том, что мировая наука едина, не стоит забывать и о другом. Имеется в виду то, что национальные психологии имеют свои традиции. В данном случае мы имеем в виду уникальную ситуацию: создаются условия для такой интеграции мировой психологии, которая выгодна абсолютно всем.

Мировой психологии – тем, что она может реально превратиться в фундаментальную науку. Дело в том, что положение мировой психологии в системе научного знания оставляет желать лучшего. Кредит доверия, которой психология располагала в конце XIX столетия и в продолжение большей части XX века фактически исчерпан. Свидетельством правоты столь печального для этой науки вывода может рассматриваться то, что в настоящее время исследования в области нейронаук или когнитивной науки финансируются куда лучше и охотнее, чем собственно психологические. Зарубежная психология может получить ту методологическую основу, которая отсутствует в этой мощной ветви мировой психологической науки (пусть и представляющей мейнстрим современной психологии). Наконец, российская психология сможет использовать стандарты проведения научных исследований и включиться на равных правах в развернутую инфраструктуру международных психологических исследований и изданий. В итоге мы получаем интенсивное развитие психологии как мировой фундаментальной науки, которая, наконец занимает то достойное место в системе научного знания человечества, на что не раз указывали выдающиеся мыслители, характеризуя будущее психологии.

Впрочем, от фантазии о будущем вернемся к грустному настоящему.

Настоящая работа посвящена, как понятно читателю, проблемам когнитивной методологии психологии. Но нельзя не отметить, что реакции на вызовы глобализации определяются, к сожалению, не только когнитивными процессами, но и личностными. Здесь придется говорить о грустном. Реакция на вызов в значительной степени зависит от того, какова профессиональная идентичность отечественного психолога. Как он воспринимает и оценивает свою принадлежность к той или иной ветви или школе в отечественной психологической науке. Обратим внимание, что статус современной мировой психологии не слишком высок. В качестве примера достаточно привести высказывания зарубежных психологов, которые не против того, чтобы их причислили к нейронауке или когнитивной науке, но не к психологии. Пока, по выражению известного английского нейрофизиолога Криса Фрита, психология находится «внизу». Дадим ему слово: «Как у всяко-

го другого племени, у ученых есть своя иерархия. Место психологов в этой иерархии – в самом низу» [Фрит, 2014, с. 17]. Оставим эту оценку на совести видного представителя нейронауки, тем более, что некоторые основания для этого есть.

Но если мы продолжим создавать у молодого поколения представления, что надо печататься на английском языке, стремиться проникнуть в журнал, который реферируется в какой-либо зарубежной базе данных, на будущее отечественной психологической науки нужно смотреть печально. Неизбежно это создает у молодых психологов впечатление о второсортности нашей науки. Понятно, что на самом деле это не так, но «процесс пошел».

Все-таки стоит вспомнить, что научная деятельность не только сотрудничество, в том числе и международное, но и в некотором роде соревнование. И в этом отношении не вполне разумно делать верховными арбитрами редакторов зарубежных иноязычных журналов, даже если они реферируются в базах данных Scopus и Web of Science. Давайте представим на минуту, что работы над атомными проектами ориентировались бы на показатели наукометрии…

Заключая параграф, хочу привести как позитивный пример национальной научно-психологической идентификации замечательного русского ученого, одного из создателей экспериментальной психологии в России Ардалиона Ардалионовича Токарского, безвременно ушедшего из жизни в 1901 году, и ныне почти забытого. «Прекрасно владея иностранными языками, Токарский не напечатал в иностранных журналах ни одной из своих работ (кроме докладов на международных съездах): он считал это унизительным для своего русского достоинства. По его не раз горячо высказывавшемуся мнению, русские работы должны печататься на русском языке, и не нам, русским, заботиться об ознакомлении с ними иностранной публики. На международных съездах Токарский, как представитель русской науки, старался выдвинуть ее заслуги, и отстоять ее престиж» [Бернштейн, 1900, с. XI].

Каждому пишущему хочется быть понятым, причем понятым правильно. Автор настоящих строк со всей ответственностью заявляет, что не собирается предлагать ни новой редакции лозунга борьбы с низкопоклонством, ни провозглашения отече-

ства родиной слонов. Но за державу с ее традициями обидно. Полагаю, что к возможному принятию ценностей глобализма стоит относиться осторожно и внимательно. Во всяком случае пока не произошла интеграция российской и мировой психологии на методологической платформе широкой и целостной трактовки предмета психологии.

2.2. Предмет психологии и кризис психологии

По нашему глубокому убеждению, у науки психологии светлое и прекрасное будущее, что полностью соответствует оценкам многих выдающихся ученых. Не подлежит никакому сомнению, что психология в перспективе это фундаментальная наука. Для того, чтобы сделанные в разное время прогнозы о перспективах психологической науки оправдались, должны быть выполнены некоторые условия. Хорошо известно, что психологическая наука накопила значительное количество самого разнообразного материала. Это и теории, и концепции разного уровня, материалы многочисленных теоретических и эмпирических исследований, обобщения и гипотезы, технологии и методики исследования, методы обработки и интерпретации полученных данных. Реальное богатство материалов, которым располагает психология, зачастую не полностью осознается представителями научного сообщества. Происходит это потому, что массив накопленных данных воспринимается представителями психологического сообщества как недостаточно упорядоченный, соотнесенный между собой, категоризованный. Можно думать, что в психологии до сих пор выполнено недостаточно обобщающих работ, в которых было бы показано сходство значительного числа проведенных исследований, выделено и обозначено общее, объединяющее разные подходы. Короче говоря, в современной психологии недостаточно представлен необходимый методологический анализ накопленных знаний, что выступает существенным препятствием на пути интеграции в психологии.

Первые строки аристотелевского трактата, написанные в 322 году до новой эры, по-прежнему звучат актуально: «Признавая познание делом прекрасным и достойным, но ставя одно знание выше другого либо по степени совершенства, либо потому, что оно знание о более возвышенном и удивительном, было бы правильно по той и другой причине отвести исследованию о душе

одно из первых мест. Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы» [Аристотель, 1975, с. 371].

В качестве введения в проблему приведем высказывание, которое представляется весьма показательным. Честно говоря, автор настоящих строк собирался писать насовсем другую тему. Однако высказывание коллеги, прочтенное в интернете, заставило обратиться именно к этой проблеме. «Пока методологи дискутируют о кризисе психологии в терминах прошлого века, разразился настоящий, очевидный кризис, рискующий подорвать доверие к основным открытиям психологической науки. Примеры множатся день ото дня» [Степанов, 2019]. Данное высказывание можно рассматривать как развернутый ответ: параграф имеет целью показать, что дискуссии о проблеме кризиса актуальны и это важнейший вопрос методологии. А вопросы, кажущиеся автору приведенной цитаты «настоящим кризисом», порождены как раз нерешенностью основных методологических вопросов.

Для начала, выясним, что имеется в виду, какие «примеры множатся». Многие эксперименты, которые считались классическими в психологии, на которые ссылались и к результатам которых апеллировали, при попытке их воспроизвести не дают результатов, полученных ранее. Иными словами, воспроизводимость результатов экспериментов в психологии сильно оставляет желать лучшего. Опять же APA регулярно эти вопросы обсуждает… Феномен известный. Обратим внимание, что здесь «под вопросом» оказываются лучшие, можно сказать, знаковые психологические исследования. Масла в огонь подливают высказывания известных специалистов, что, оказывается, само классическое исследование было организовано не безупречно.

Вначале представим информацию об экспериментах и воспроизводимости. Как мы полагаем, чем известнее эксперимент (то есть чем более он известен широким массам – популярная литература, фильмы, передачи – и, тем самым, потенциальным испытуемым), тем меньше надежд на хорошую воспроизводимость результатов. Потом полезно учитывать, что оценка знаковых психологических исследований далеко не объективна. Как нам представляется, очень точно эту ситуацию описал канад-

ский психолог П. Н. Иванов: «западные идеологи решили, что исследования, намекающие на, порой, не самые «возвышенные» проявления человеческой сущности, следует считать политически некорректными. Психологи тут же послушно признали «неэтичными» классические Йельский эксперимент Милгрэма и Стэнфордский эксперимент Зимбардо. И записали в своих регуляциях запрет на дезинформирование испытуемых о целях экспериментов. Теперь этические нормы в Канаде учат, что психолог «... не должен допускать «неполного информирования» или даже временно позволить испытуемому подумать, что исследование, или его часть, имеет цель отличную от формально задекларированной...» (Принцип No III.23)... Американский Этический Кодекс Психологов требует того же (секция 8.07 Deceptionin Research). Влиятельный американский журнал Нью-Йоркер откровенно рассказал читающей публике о том, как, казалось бы, научное понятие «аутизм» менялось под влиянием «общественного мнения» – требований пациентов, жалоб инициативных групп, давления юристов, и пр.» [Иванов, 2019, с. 21].

Происходит это, как нам представляется, по причине недостаточного статуса психологии, который эта наука имеет в общественном сознании. Этот вопрос, как помнит читатель, обсуждался в предыдущем параграфе.

Помехой для повышения статуса является как раз кризис в психологии, о котором в этом разделе и пойдет речь. Забегая вперед, скажем, что в основе не слишком лучезарного нынешнего положения психологии похоже, все же находится кризис, начало которого можно увидеть еще в позапрошлом веке. И тогда окажется, что все взаимосвязано: и методология, и результаты экспериментов и их воспроизводимость.

Вернемся к методологическому кризису психологии. В вышеприведенной цитате, которая сподвигла нас на появление данного параграфа, есть еще один существенный мотив. В высказывании содержится жесткий упрек ретроградам-методологам, которые «толкут воду в ступе», рассуждая про кризисы, но ищут их не там, да еще и архаическую лексику используют.

Впрочем, про методологов и методологию разговор впереди. Итак, повторим, что то, что связано с методологическим кризисом, сегодня наиболее актуально и стратегически важно.

Когда возник кризис? Сама научная психология была провозглашена Вундтом в 1874 году, когда был полностью опубликован труд В. Вундта, обосновавший «новую область в науке» [Wundt, 1874]. Придется признать удивительный факт: даты появления кризиса и рождения научной психологии совпадают. В том же 1874 году другой видный психолог, профессор Венского университета Франц Брентано писал в «Психологии с эмпирической точки зрения»: «Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы должны стремиться приобрести то же, чего – одни раньше, другие позже – уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истины, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро обрастет новыми кристаллами. На место психологий мы обязаны поставить психологию» [Брентано, 1996, с. 11]. Отсутствие единства и есть главный внешний симптом кризиса. Получается, что психологий много, но нет единой психологии. Таким образом, можно говорить о кризисе, сопровождавшем само рождение научной психологии.

Греческое слово «кризис» (krisis – поворотный пункт, решение, исход), как известно, означает «тяжелое переходное состояние какого-либо процесса», «резкий, крутой перелом». Иными словами, кризис – термин оптимистический: имплицитно представляется, вот пройдет кризис и все будет по-новому, все будет лучше. Поэтому любовь к термину «кризис» означает всего лишь выраженную неудовлетворенность психологов нынешним состоянием своей прекрасной науки и стойкую надежду на перемены к лучшему в самом ближайшем будущем. А нетерпение – вполне извинительное состояние, возникающее при избыточной мотивации.

Н. Н. Ланге использовал термин кризис в значении «резкий, крутой перелом». В своей работе он говорит, что психология делает крутой резкий поворот (от ассоциативной психологии) [Ланге, 1996].

Поскольку работа Н. Н. Ланге имела большой резонанс, остановимся на ней более подробно. «Кто знаком с современной психологической литературой, с ее направлениями и тенденциями, особенно в отношении принципиальных вопросов, не может, я думаю, сомневаться, что наша наука переживает ныне

тяжелый, но крайне плодотворный кризис. Э тот кризис, или поворот (начало которого можно отнести еще к 70-м годам прошлого столетия *(19-го – В. М.)*, характеризуется, вообще говоря, двумя чертами: во-первых, общей неудовлетворенностью той прежней доктриной или системой, которая может быть названа вообще ассоциационной и сенсуалистической психологией, и, во-вторых, появлением значительного числа новых попыток углубить смысл психологических исследований, причем обнаружилось, однако, огромное расхождение взглядов разных психологических направлений или школ» [Ланге, 1996, с. 69].

Отметим также, что Н. Н. Ланге создал метафору, которая до сих пор используется очень широко и активно. Приам, сидящий на развалинах Трои.

Не будем полемизировать с позицией Н. Н. Ланге. Отметим, что не было единства во времена широкого распространения ассоциационизма, как и не было Приама, сидящего на развалинах. Иными словами, не было у психологии в прошлом Золотого века, и Приам не сидел на развалинах, потому что был убит Неоптолемом, согласно Вергилию, в алтаре храма Зевса до того, как Троя была разрушена…

Впрочем, дело не в этом. Метафора Н. Н. Ланге не верна в более существенном отношении. Поскольку, Трои – если говорить о психологии – не существовало. Никогда не было в ней единства. Даже если понимать под психологией до 1870-х годов исключительно ассоциативную психологию, все равно были существенно различные подходы. Уж если задаться целью метафорой выразить существовавшее положение дел, куда уместнее использовать другую. Возьмем ее из работы самого Н. Н. Ланге, который приводит интересующую нас цитату из Фихте-младшего. Итак, вопрос, который для нас важен: действительно ли в пору господства доктрины ассоциативной психологии был золотой век, существовала Великая Троя, подвергшаяся разрушению? Полагаем, что нет. Хотел Н. Н. Ланге акцентировать разрушительную сторону кризиса, вот и выбрал такую метафору. Более соответствующей реалиям, на наш взгляд, является метафора «кротовых нор», принадлежащая Фихте-сыну (1847): «Большая часть из нас одиноко, подобно кротам, копают в собственных норах, и опасаются недоброй встречи, прикасаясь к

подземным ходам других. В науке самого высокого и универсального интереса, каждый упорно говорит своим языком, следует только собственной терминологии; короче, силится прежде всего стать оригинальным между другими, вместо того, чтобы искать общего и связующего» (цит. по Ланге, 1893, с.XLV-XLVI). Не было золотого века, «не было Трои»... Золотой век психологии очевидно впереди! Впрочем, достаточно шуток.

Обычно в работах, посвященных методологическому кризису, предпринимается подробный обзор мнений по поводу кризиса. Мы не будем в рамках настоящего параграфа приводить этот материал, так как это привело бы к резкому увеличению объема текста. Интересующиеся могут посмотреть наши публикации, где такого рода историко-методологический анализ проведен [Мазилов, 1998, 2004, 2015б, 2015а, 2017, 2017а].

Здесь же обратим внимание лишь на некоторые моменты.

Вероятно, никогда не было столько публикаций по проблеме кризиса, как в двадцатые годы XX столетия. Про кризис психологии писали М. Я. Басов, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, В. А. Вагнер, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев и многие другие. Список заведомо и далеко не полон. Стоит отметить, что каждый из авторов имел свой особый взгляд на кризис, его причины, течение и пути, и способы разрешения кризиса. Ситуация была динамичной, многими авторами были высказаны различные версии. Многим авторам принадлежит несколько диагнозов, сделанных в разное время. В этом отношении, можно полагать, очень многое зависело от склонности психолога к методологическому анализу. У более склонных, таких различных диагнозов было несколько. К примеру, можно говорить о четырех версиях кризиса и его ближайших причин в работах Л. С. Выготского (1925, 1927, 1931, 1934). Чаще всего, цитируется самый известный его диагноз из «Исторического смысла психологического кризиса», но и другие никто не «отменял». У А. Р. Лурии, сподвижника «моцарта психологии» и в значительной степени продолжателя его дела, тоже, по меньшей мере, четыре диагноза кризиса (1925–1932) и др. Налицо удивительное многообразие методологических поисков и их «разнонаправленность». В двадцатые годы сложилась ситуация, которая способствовала разработке методологических проблем. Искреннее же-

лание создать новую науку, известный энтузиазм двадцатых годов… Несомненный факт кризисного состояния психологии в 1920-е годы заставил психологов многократно анализировать причины, его источники и движущие силы. Психологи пытались выявить факторы, осложняющие его течение в российских, советских условиях. Все это стимулировало интерес к выявлению оснований психологии. Острое ощущение необходимости построения новой психологии (все авторы, писавшие о кризисе, были удивительно единодушны в одном – они утверждали, что новая психология еще только должна родиться, пытались вычислить или угадать наиболее характерные черты новой психологии) способствовало формированию представления о том, что могут быть выявлены и описаны закономерности формирования психологической теории[4].

Выскажем следующее соображение. Дополнительным фактором (к общей атмосфере обновления и творческого поиска, что было характерно не только для психологии, не только для науки, но и для культуры в целом) явилось желание «вписаться» в перемены, так сказать «живя и большевея»… В 20-е годы в советской России, а затем в СССР было важно использовать любую возможность доказать и показать, что автор находится на марксистских или марксистско-ленинских позициях. Обратим внимание, что у В. И. Ленина имелся опыт анализа кризиса в современной физике. Речь идет о работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1908) [Ленин, 1968].

«Суть кризиса современной физики состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом. "Материя исчезла" – так можно выразить основное и типичное по отношению ко многим частным вопросам затруднение, создавшее этот кризис» [Ленин, 1968, с. 272–273].

«Если теория физики становится все более и более натуральной, то, значит, независимо от нашего сознания существует "натура", реальность, "отражаемая" этой теорией, – именно таков взгляд диалектического материализма» [Ленин, 1968, с. 273]. «Одним словом, сегодняшний "физический" идеализм точно так же, как вчерашний "физиологический" идеализм, означает только то, что одна школа естествоиспытателей в одной отрасли

естествознания скатилась к реакционной философии, не сумев прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму. Этот шаг делает и сделает современная физика, но она идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей "конечной цели", а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм. Роды болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа, они дают неизбежно некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот. К числу этих отбросов относится весь физический идеализм, вся эмпириокритическая философия вместе с эмпириосимволизмом, эмпириомонизмом и пр. и т. п.» [Ленин, 1968, с. 331–332]. Приношу извинения за цитируемый избыточный натурализм, созданный пером классика марксизма-ленинизма. Он и в пору написания этого труда, особенно в выражениях не стеснялся.

Таким образом, был создан биологически-ориентированный, точнее акушерский образ кризиса и его разрешения. Не будем обсуждать здесь точность этой метафоры.

Обратим внимание, что сходные мотивы можем найти у классика психологии Л. С. Выготского в его «Историческом смысле психологического кризиса» (1927, опубл. 1982). Сами формулировки смысла кризиса, данные Л. С. Выготским, хорошо известны, не будем здесь их приводить. Отметим, что в этой работе Л. С. Выготский использует аналогичную метафору. Классик психологии пишет: «самый факт, что теоретическая психология, а после другие дисциплины выступали в роли общей науки, обусловлен, с одной стороны, отсутствием общей психологии, а с другой – сильной потребностью в ней и необходимостью временно выполнять ее функции, чтобы сделать возможным научное исследование. Психология беременна общей дисциплиной, но еще не родила ее» [Выготский, 1982, с. 297].

Остановимся на этой метафоре чуть подробнее, тем более что она получила очень широкое распространение. В своей работе «Исторический смысл», которую мы только что вспоминали, содержится замечательное утверждение: все слова психоло-

гии суть метафоры, взятые из пространств мира [Выготский, 1982, с. 369]. Это относится, обратим внимание, не только к терминам, обозначающим собственно психические явления, но и к вспомогательным терминам, характеризующим способы изучения, условия исследования и т. д. Везде метафоры.

Вернемся к акушерской метафоре. Она конкретна и понятна. Обратим внимание на тот момент, что она ориентирует на *скорое* получение результата. Этот результат будет очень скоро в обозримом будущем, когда появится новое. Это очень хорошо соответствует революционному нетерпению – получить все и быстро («Беременна – это временно»).

В том случае, если такая метафора применяется к другому процессу, который протекает медленнее, требует создания специальных условий и т. д., возможны недопонимания и сложные ситуации. Собственно говоря, это один из частных случаев, когда мы имеем дело с созданием моделирующих представлений, позволяющих нам понимать сложные процессы и явления [Мазилов, 2019]. Метафора кризиса в ее биологической или, если угодно, акушерской трактовке, как нам представляется, может вводить в заблуждения. История психологии свидетельствует, что очень важно найти именно *адекватные* моделирующие представления, точно отображающие существенные свойства моделируемого.

В заключительной части настоящего раздела будет предложена альтернативная трактовка понятия кризис, основанная на другом значении этого древнегреческого слова.

Поскольку мы не обсуждаем здесь историю содержательных трактовок кризиса, выдвинутых различными авторами от Ф. Брентано до наших дней, различных смыслов кризиса и рецептов выхода из него, предложим в рамках настоящего текста лишь наше видение проблемы.

По нашему мнению, кризис возник в середине XIX столетия и по времени совпал с началом зарождения научной психологии как самостоятельной науки. Провозглашение предметом физиологической психологии непосредственного опыта (в вундтовском варианте научной психологии был реализован проект, соответствующий представлениям о естественной науке И. Канта) повлекло за собой отказ от понятия души как предмета психологии.

В работах немецкого психолога М. Дробиша психология впервые становится эмпирической дисциплиной. Здесь необходимо пояснение. Дело в том, что в XVIII веке, к примеру, Христиан Вольф говорит об эмпирической психологии, но это чисто философская психология, основанная на рассуждении. Эмпирического там только то, что результаты рассуждений сравниваются с данными опыта, так сказать проходят проверку на соответствие жизни. М. Дробиш (1802-1896), кто в 1842 году в «Эмпирической психологии» начинает использовать опыт как эмпирический материал для анализа, по праву должен считаться создателем эмпирической психологии в точном смысле этого слова.

Для большей точности заметим, что Вундт понятие души не отрицал и даже использовал в своих построениях за рамками физиологической психологии, но свою роль это понятие утратило. Хочется подчеркнуть, что отказ от «души» был результатом самоопределения психологов. Никакого внешнего, или идеологического давления первоначально не было. Сами психологи посчитали, что так будет удобнее. И их можно понять: успехи естественной науки вызвали у психологов чувство сродни зависти. Они захотели быть «как все» (представители естественных наук). Душа есть единственный и неизменный подлинный предмет психологии с древних времен и до наших дней. И, по-видимому, таковой она и должна оставаться, особенно учитывая, что предмет имеет сложную структуру [Мазилов, 2017, 2019]). Как можно полагать, душа должна оставаться «недостижимым» (по крайней мере в настоящее время) идеалом психологии, ибо это предмет психологии во всей его сложности и полноте. Для души отсутствуют в настоящее время адекватные моделирующие представления (во всяком случае такие, которые выдерживали бы критику). И правы те, кто настаивают на том, что есть дух, наличие которого в структуре души несомненно [Мазилов, 2019].

Мы полагаем, что в стремлении стать независимой наукой были введены дополнительные ограничения, которые существенно обеднили рождающуюся психологию. Выделение психологии было во многом декларативным, преждевременным и неподготовленным. Платой за провозглашение психологии научной, самостоятельной и независимой явилась целая цепь

неоправданных ограничений, которые мешали и мешают нормальному развитию психологии.

Таким образом, кризис на самом глубоком уровне заложен конструктивно и не преодолен до сих пор. Мы уже приводили в этой книге рассуждения классиков отечественной психологии С. Л. Рубинштейна и М. С. Роговина, согласно которым процесс становления психологии есть длительный процесс, включающий в себя различные этапы. Это и есть процесс ликвидации конструктивных дефектов.

В конце данного параграфа будет предложена новый вариант трактовки самого понятия кризис. Забегая вперед, отметим, что, на наш взгляд, более удачной является трактовка кризиса как суда, основанная на другом значении слова кризис. Таким образом, кризис психологии превращается в суд над психологией, то есть выявление и обсуждение методологических оснований психологии, чем методология на протяжении последних полутора столетий и занимается, периодически обнаруживая кризисы в развитии психологической науки.

Здесь уместно, как представляется, маленькое отступление. Как уже понятно читателю, автор полагает, что кризис в психологии явление не эфемерное и далеко не случайное. Мысль о кризисе в психологии возникает тогда, когда исследователь мыслит исторически. Это хорошо объясняет, почему кризис в психологии существует только для некоторых исследователей. Для многих его попросту не существует. Необходимое условие – память о прошлом.

Если воспользоваться блистательной находкой переводчиков известной книги воспоминаний Эрнеста Хемингуэя “A Moveable Feast” – буквально: переходящий праздник (они, как известно, перевели это как «Праздник, который всегда с тобой») и перефразировать, то применительно к научной психологии это будет “A Moveable Crisis” – «кризис, который всегда с тобой».

Здесь, как представляется, нужны некоторые комментарии. «Переходящий праздник» – это тот, который зависит от даты Пасхи. Сложность с этими праздниками состоит в определении календарной даты Пасхи в текущем году. Как пишет Патрик Хемингуэй, «[Эрнест] Хемингуэй мог вспомнить одну из самых

знаменитых речей у Шекспира, речь Генриха V перед битвой при Азинкуре в День святого Криспина. День святого Криспина – неподвижный праздник. Каждый год его отмечают в один и тот же день, но если в этот день вы сражались, говорит Генрих, он всегда будет с Вами» [Хемингуэй, 2014, с. 8]. «С годами идея переходящего праздника стала для Хемингуэя чем-то очень похожим на то, что, чего желал своей "горсточке счастливцев" король Гарри: чтобы День святого Криспина стал памятью и даже состоянием бытия, частью тебя, которая пребудет с тобой всегда, и, куда бы тебя ни занесло, как бы ни жил после этого, ты ее никогда не утратишь. Переживание, впервые зафиксированное во времени и пространстве, или душевное состояние, такое как счастье или любовь, перемещается с тобой и переносится в пространстве и времени. (...) Но чтобы иметь такие праздники, нужна память. Когда память ушла и ты сознаешь, что она ушла, можно впасть в отчаяние, а это грех перед Святым Духом» [Хемингуэй, 2014, с. 9]. Как представляется, в данном фрагменте сын великого писателя Э. Хемингуэя дал исчерпывающее объяснение причины его ухода из жизни. В результате применения метода электросудорожной терапии, надеясь излечить писателя от депрессии, после тринадцати сеансов шока Э.Хемингуэй потерял память – по его словам, основной инструмент работы писателя.

Итак, “A Moveable Crisis” – «кризис, который всегда с тобой». Если говорить серьезно, это очень похоже на правду... Что справедливо для радости, может оказаться истинным и для печали. Центральный тезис настоящего параграфа – навязчивое обращение (и возвращения) к теме кризиса есть не что иное как память психологов (для самих себя), что наша психология пока что несовершенна, если мерить по Большому счету, считать ее наукой о человеческой Душе, наукой о наиболее удивительном и совершенном (возвышенном), как некогда полагал Аристотель. Даже, если допустить, что термин кризис в данном случае не вполне удачен.

Представляется, что в дискуссиях о кризисе в современной психологии очень много «методологических эмоций» (А. В. Юревич), которые осложняют объективное рассмотрение вопроса.

Обратим внимание на некоторые, существенные, на наш взгляд, моменты.

Как нам представляется, кризис нельзя рассматривать упрощенно. В ряде предыдущих работ было показано, что кризис в психологии целесообразно рассматривать как многоуровневый. С нашей точки зрения, необходим уровневый подход к проблеме кризиса психологии. Полезно выделение трех основных уровней. Это позволяет удовлетворительно решить вопрос о том, является кризис перманентным или локальным, потому что, на наш взгляд, справедливы оба заключения – речь при этом идет о разных уровнях.

По нашему мнению, глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор. Первым, кто зафиксировал кризис еще в 1874 году, как уже упоминалось, был Франц Брентано [Brentano, 1874].

Можно выделить следующие уровни кризиса психологии.

Первый – поверхностный. Этот уровень отражает закономерности любого развития, включающего в себя, как хорошо известно, и литические и критические этапы. Кризис на этом уровне – нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень – уровень «основных парадигм». Еще Вундт – создатель научной психологии – заметил в «Основах физиологической психологии», что психология «занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками». История психологии в XX столетии может быть уподоблена движению «маятника»: периодические обострения кризиса – не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее «половине» (естественнонаучной или герменевтической). Иными словами, когда части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценой «логического империализма» той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л. Гараи и М. Кечке), возникает впечатление, что психология вновь в кризисе.

И, наконец, третий, самый глубокий уровень, связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии. На этом

уровне кризис не преодолен до сих пор (со времен В. Вундта, Ф. Брентано и В. Дильтея). Истоки кризиса, на наш взгляд, можно обнаружить в трудах ученых середины XIX столетия, которые обеспечили психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета. С одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой, разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»). Перманентным (не преодоленным до сих пор) он является на третьем, глубинном уровне (связанном с пониманием предмета психологии).

Дальше в рамках настоящей книги речь будет идти исключительно про глубинный уровень кризиса, существующий уже почти полтора столетия. Как уже отмечалось, диагнозов существует великое множество. Не ясно даже, имеем мы дело с перманентным кризисом, либо наблюдается череда кризисов.

Мы, как помнит читатель, утверждаем, что глубинный кризис существует с самого рождения психологии. Что свидетельствует о том, что кризис с тех пор не преодолен? Приведем несколько аргументов, свидетельствующих об этом.

1) Психология пока не стала самостоятельной наукой. Вундт заявил о том, что физиологическая психология стала самостоятельной наукой, не зависимой от философии в 1870-е годы. Признание независимости и самостоятельности психологии современниками В. Вундта было лишь авансом, так как хорошо были видны конструктивные недостатки его системы физиологической психологии. (Это хорошо известно, не будем здесь приводить подробности). В этой книге мы уже приводили рассуждения С. Л. Рубинштейна о том, что процесс становления психологии наукой пока не завершен. Процитируем другого авторитетного специалиста – М. С. Роговина. Он пишет в докторской диссертации (обратим внимание, это уже 1968 год): «Совершенно несомненно, что в наши дни психология переживает период бурного развития как экстенсивного, так и интен-

сивного. Налицо все большее преобладание тонкого лабораторного эксперимента, использование математически выверенных методов обработки этих экспериментов. Такая тенденция несомненно прогрессивна в своей основе, ибо нет и не может быть иного пути превращения в действительно научную дисциплину того пестрого конгломерата отдельных фактов, наблюдений и умозрительных теорий, который представляла традиционная психология» [Роговин, 1968, с. 2]. По Роговину, процесс этот пока далеко не завершен: психология еще не стала «действительно научной дисциплиной», хотя уже, вероятно, не «пестрый конгломерат»… Автор диссертации предупреждает: «Основная опасность заключается в том, что разрываются внутренние связи между отдельными областями психологии, утрачивается единство предмета и его понимания» [Роговин, 1968, с. 2]. Дорогой читатель, не напоминает ли это классические симптомы кризиса психологии? Только тогда психология была еще «на подъеме», такие тенденции видны были только очень наблюдательным специалистам, проницательности и прозорливости которых не мешал общий энтузиазм, вызванный прогрессом психологии, засвидетельствованным XVIII Международным психологическим конгрессом в августе 1968 года в Москве.

И обратим внимание еще на один момент. Все, о чем было написано выше, имеет самое непосредственное отношение к мировой психологии. Правда, мировая психология об этом, судя по всему, не догадывается. Это проблема, тем не менее, интернациональная. Тот факт, что в различных проектах перестройки психологии в век глобализации об этом не говорится вообще, свидетельствует только о большей методологической беспечности и отсутствии склонности размышлять о кризисе.

2) О том, что психология до сих пор не стала полноценной самостоятельной наукой свидетельствует также то, что в настоящее время не определен ее статус. Как известно, согласно классификациям Б. М. Кедрова и Ж. Пиаже психология занимала особое место среди других наук. В настоящее время ее почему-то относят к социогуманитарным наукам, хотя не ясно, какова аргументация и обоснование [Мазилов, 2017].

3) О том же свидетельствует недостаточный интерес психологов к фундаментальным методологическим проблемам психологии.

4) Неопределенность статуса психологии в совокупности с недостаточным вниманием к исследованиям предмета психологической науки, по сути, закрывает дорогу к организации эффективных междисциплинарных исследований. Между тем для психологии это жизненно важно, так как, согласно исследованиям А. Л. Журавлева, междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического [Журавлев, 2007]. Подробно об этом будет говориться в следующем разделе книги 2.3.

5) Симптомом неблагополучия является и недостаточное внимание к проблеме объяснения в психологии. В психологии отсутствует в настоящее время сколь-нибудь приемлемая теория объяснения, доминирует представление о том, что объяснение должно быть причинно-следственным. В результате в психологических исследованиях реально используется лишь интерпретация, но не объяснение как таковое. Об этом подробно речь пойдет в разделе 2.4.

6) В современной психологии оказались разорванными необходимые связи между составляющими психологического знания, о чем предупреждал в 1968 году М.С.Роговин. Мы уже приводили эту цитату, напомним – «разрываются внутренние связи между отдельными областями психологии, утрачивается единство предмета и его понимания». Подчеркнем, что особенно страдают необходимые связи между философской психологией, научной и практико-ориентированной [Мазилов, 2015, 2017].

7) Процесс становления психологии подлинной наукой идет крайне медленно. Это понятно, так как основным механизмом является стихийная интеграция. Направленная интеграция, коммуникативная методология практически не используется. Процесс становления не направляется, не координируется. Эти функции вполне могли бы выполняться философией психологии, но эта сфера психологии практически пока не сформирована и поэтому не функционирует [Мазилов, 2017].

Необходимая работа по упорядочению и систематизации психологического знания в сколь-нибудь широких масштабах и не планируется и не проводится. Вместе с тем в содержании современного психологического знания имеется достаточное количество мифов. Это означает, что многие выводы строятся не

на результатах анализа проведенных исследований, а на данных рассуждений или просто предполагаемых, вымышленных ситуаций. Неплохо было бы очистить содержание науки от посторонних данных. Проводя инвентаризацию данных, полезно было бы обращать внимание на сходства, совпадения, нежели на расхождения и различия. Это способствовало бы в значительной степени реализации интегративных тенденций в психологии.

Можно полагать, сказано достаточно. Не подлежит сомнению, что список моментов, свидетельствующих о внутреннем глубинном неблагополучии современной психологии, может быть расширен и продолжен. Важно, что отмеченные «нестыковки» и «недоработки» обычно и интерпретируются как частные и конкретные проявления методологического кризиса. Как становится ясно из рассмотрения вышеприведенного материала, центральным звеном в этом клубке нерешенных современной психологией методологических вопросов является проблема предмета психологической науки. Как говорил один из не слишком популярных сегодня отечественных философов, которого мы уже вспоминали в тексте настоящего параграфа, это «главное звено в цепи событий». Начинать работу по разрешению кризиса психологии стоит именно с него.

Помня о закономерностях понимания психических феноменов, стоит отдавать себе отчет в том, что при поиске «клеточек» или единиц предмета, мы неизбежно порождаем неадекватные модели. При использовании совокупного предмета мы получаем возможность использовать нередуктивные способы объяснения. Возможно, тогда результаты психологических экспериментов будут получать адекватное нередуктивное объяснение. Об этом подробно мы уже говорили.

Совершенно очевидно, что все проявления кризиса в современной психологии, о которых было сказано, имеют общую природу. Она заключается в нерешенности проблемы предмета психологии. Все вышеперечисленные симптомы связаны с невозможностью использовать главный методологический инструмент – категорию предмет психологической науки, который в нынешних условиях не может реализовать свои основные функции, поскольку понимается как частичный, а не совокупный.

И в заключение коснемся еще одного значимого для темы настоящего раздела книги момента. Речь идет о метафоре кризиса. Как мы уже видели, в силу ряда причин в нашей психологии в трактовке собственно кризиса возобладала биологическая или акушерская ориентация – кризис как болезнь или как роды…

Мы предлагаем другую версию трактовки самого термина кризис. Джорджо Агамбен, современный итальянский философ, в работе «Пилат и Иисус» обосновал новую трактовку слова «кризис». Как нам представляется, это лучшая интерпретация для психологии.

«Суд по-гречески – krisis (от слова krino, означающего, если исходить из этимологии, «разделять, разрешать»). Помимо юридической составляющей, в этом термине также сходятся медицинское значение (krisis как решающий момент в развитии болезни, когда врач должен «рассудить», выживет ли больной или умрёт) и теологическое значение (Страшный суд: en emerai kriseos, «в Судный день» – это предостережение несколько раз слетает с уст Иисуса в Посланиях Павла: en emerai ote crinei, «в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить», Рим. 2:16)» [Агамбен, 2014, с. 26].

Представляется, что трактовка кризиса как «суда» куда более уместна. В свое время, когда мы анализировали литературу по проблеме кризиса психологии в начале двадцатого столетия, ни один из нескольких десятков авторов (а многие предлагали по нескольку вариантов диагноза в разное время – скажем, Л. С. Выготский предлагал четыре диагноза, А. Р. Лурия – тоже четыре) не пришел к выводу, что пациент «скорее мертв». Наоборот, в текстах сквозило, что кризис разрешится вот-вот, буквально в самое ближайшее время. Суд ничего подобного не обещает. Суд еще длится.

Как пишет Агамбен, «Именно мир событий должен судить мир правды, бренное царство должно выносить приговор царству Вечному. И потому особенно важно досконально рассмотреть летописи этого решающего столкновения, этого исторического krisis, который в каком-то смысле всё ещё продолжается» [Агамбен, 2014, с. 28].

В этом случае использование термина кризис никого не обижает и не задевает. Мы пытаемся выяснить подлинные воз-

можности психологии и найти шаги к увеличению ее могущества как фундаментальной науки. Суд должен помочь понять, что нужно делать, в том числе и сегодня.

Но вообще-то возможен еще один вариант трактовки кризиса. Он также основан на этимологии этого слова. Получилось так, что прошедшие почти полтора столетия в значительной степени насытили рассуждения о психологии самыми разными эмоциями. А. В. Юревич, на наш взгляд, очень удачно назвал этот феномен «методологическими эмоциями». Кому-то кризис в традиционном его понимании кажется слишком сильным выражением, сильно сгущающим краски. Кому-то представляется, что слово кризис (опять же, в традиционном понимании) негативно влияет на образ психологии в глазах общественности. К сожалению, точными данными мы не располагаем. Социология психологии (заметим, что многолетние призывы А. В. Юревича к созданию в нашей науке социологии психологии, развертыванию исследование в этой сфере пока не привели к ощутимо значимым результатам) не располагает данными, какая часть психологического сообщества считает, что кризис есть, какая, что его нет и т. д. Нельзя не отметить, что наличие таких данных (как и других) существенно изменило бы ситуацию в науке, сделав прогнозы развития психологии куда более точными… Однако, вернемся к обсуждению возможных значений этого древнегреческого слова. «Считается, что в русском языке слово заимствовано, возможно, из немецкого языка. Оно появилось в русском языке в первой половине XVIII века. Немецкое *krisis* – кризис, греч. *krisis* – переломный момент, поворотный пункт, исход, кризис. Дословно греческое *krinein* решать от *krino* – разделять, просеивать, отсеивать, определять, судить. Просеивать, отсеивать – значит очищать. Словарь Вебстера относит нас к немецкому *rein* английскому *pure* очищенный. Индоевропейские истоки *punāti he cleanses*, он чистит, очищается, искупает вину. Поэтому возможен, и в этимологических словарях приводится такой смысловой аспект первичного значения слова кризис как новый, свежий. В данном контексте кризис – это очищение, отказ от старого и формирование нового [Кризис … , 2015]. И, как утверждает только что цитированный словарь, «кризисы – это признак жизни, только у мёртвых нет кризисов**.** Кризис – это не

грянувшее зло, кризис – это неизбежный этап для отбрасывания плохого и приобретения нового хорошего. Хотите развития к лучшему – готовьтесь к кризисам. Не любите кризисы? Тогда оставайтесь в прошлом, где вам самое место» [Кризис … , 2015]. В каждой шутке, как хорошо известно, есть доля шутки...

Поэтому, возможно, тем, кому не нравится сложившееся традиционное понимание и трактовка кризиса, может быть придется по душе более мягкая, нейтральная, можно сказать, экологическая трактовка кризиса как *очищение и отказ от старого, отжившего*.

Аристотель, начиная трактат «О душе» пишет: «Признавая познание делом прекрасным и достойным, но ставя одно знание выше другого либо по степени совершенства, либо потому, что оно знание о более возвышенном и удивительном, было бы правильно по той и другой причине отвести исследованию о душе одно из первых мест. Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы» [Аристотель, 1975, с. 371]. И, заметим, он не имел иллюзий, что все будет получаться гладко и быстро, ибо, несколькими строками ниже, заметил: «Добиться о душе чего-нибудь достоверного во всех отношениях и безусловно труднее всего» [Аристотель, 1975, с. 371].

2.3. Предмет психологии и междисциплинарные исследования

Как справедливо отмечают Л. И. Киященко и В. А. Моисеев, «в переживаемое нами время перед философией науки и собственно наукой встали сложные задачи, которые требуют объединения многих дисциплин. Оформляется сфера междисциплинарности. Возникли экологические, технологические, биоэтические и т. п. направления научного исследования, которые требуют согласованных действий и достижения взаимопонимания, установления единых норм поведения. Такого рода теоретико-практические объединения выступают естественным основанием для возникновения и выяснения особенностей функционирования междисциплинарности как одной из форм постнеклассической науки. К указанным особенностям мы также относим следующие. Междисциплинарность как форма объ-

единения современного научного знания возникает как непосредственная реакция на «злободневные», требующие безотлагательного, как правило, в режиме актуального времени решения проблемы. Далее, ситуация неопределенности, и можно сказать загадочности, возникает по сути самого «предмета». Он как бы уже есть, иначе как бы возникло междисциплинарное общение? Но его же еще нет – он лишь только может возникнуть по ходу и в результате контингентного соглашения на основе формирующегося взаимопонимания, в свою очередь влияющего на особенности междисциплинарного общения, где присутствует встреча различных языков, не только дисциплинарно организованных и не только документированных (письменных)» [Киященко, Моисеев, 2010, с. 16–17]. Подчеркнем, что проблема междисциплинарных исследований представляет собой проблему и для философии науки, и для философии, и для конкретных дисциплин. Обратим внимание на то, что использование термина «междисциплинарность» предполагает более или менее четкое представление о дисциплинарности. Не имея возможности здесь обсуждать этот вопрос, отметим, что дисциплинарность понимается нами вслед за М. К. Петровым, выделяющим, как известно, восемь составляющих любой дисциплины.

1. Дисциплинарная общность – живущее поколение действительных и потенциальных творцов-субъектов. 2. Массив наличных результатов-вкладов, накопленный деятельностью предшествующих и живущего поколения членов дисциплинарной общности. 3. Механизм социализации-признания вкладов – будущих результатов и ввода их в массив наличных результатов (публикация). 4. Механизм подготовки дисциплинарных кадров для воспроизводства дисциплинарной общности методом приобщения новых поколений к массиву наличных результатов и к правилам дисциплинарной деятельности (университет). 5. Дисциплинарная деятельность, обеспечивающая накопление результатов и воспроизводство дисциплины в смене поколений. Деятельность реализует себя в четырех основных ролях – исследователя, историка, теоретика и учителя. 6. Правила дисциплинарной деятельности определяются каждой из этих ролей, среди которых ведущей является роль теоретика, задающего парадигму. 7. Функцию интеграции массива наличных результатов

в целостность выполняет сеть цитирования, обеспечивающая магистральную линию преемственности. 8. Предмет дисциплины – поле поиска новых результатов, определенное действующей дисциплинарной парадигмой по каноническому описанию формы возможного продукта [Касавин, 2010, с. 73].

В известной статье «Эпистемология междисциплинарных отношений» выдающийся швейцарский эпистемолог [Piaget, 1972] различает следующие формы взаимодействия дисциплин: 1) мультидисциплинарность как одностороннее дополнение одной дисциплины другой; 2) собственно междисциплинарность как взаимодействие дисциплин; 3) трансдисциплинарность как построение интегральных структур (например, физика не только неживой природы, но физика живого и социальная физика). Представляет значительный интерес типология когнитивных систем, выделенная И. Т. Касавиным, развивающим идеи Ж. Пиаже. И. Т. Касавин в связи с этим отмечает: «Уточняя эту типологию, мы выделяем три соответствующие типа когнитивных систем. Во-первых, речь идет о мульти (или поли-) дисциплинарных системах знания: биофизика, физическая химия, геоботаника, социальная семиотика, общая теория социальной коммуникации и т. п. Такие системы характеризуются использованием некоторой дисциплинарной онтологии и методов для работы в другой дисциплине или их группе» [Касавин, 2010a, с. 21]. В рамках мультидисциплинарных систем, согласно И. Т. Касавину, сохраняется определенная четкость междисциплинарных границ, и такая четкость, предполагающая различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин, выступает условием успеха. Так, например, морфология пластов в геологии, с одной стороны, и региональное распределение флоры в палеоботанике, с другой, являются предметами исследования независимых дисциплин, соединение которых позволяет уточнить эволюцию геологических отложений в рамках геоботаники. «Результатом второго типа взаимодействия дисциплин являются междисциплинарные системы знания, такие как космические исследования, страноведение, науковедение, политология» [Касавин, 2010a, с. 21].

Их отличает объединение дисциплин для создания новой онтологии и методов для работы с ее объектами. Данные систе-

мы знания характеризуются значительно меньшей четкостью дисциплинарных границ. География, социология, экономика, гражданская история, языкознание, история культуры, политическая наука дополняют друг друга, к примеру, в рамках страноведения или исследования международных отношений. Они взаимодействуют в целях создания целостной «картины социально региональной реальности», которая, в свою очередь, дает семантическую интерпретацию фактов в каждой отдельной ресурсной дисциплине, обеспечивая их относительную интеграцию даже при отсутствии разработанной «теории страноведения» или «теории международных отношений» [Касавин, 2010а, с. 21].

«Наконец, в-третьих, в трансдисциплинарных системах знания выдвигаются претензии на абсолютную универсальность онтологии и методов, утративших дисциплинарную определенность» [Касавин, 2010а, с. 22]. Таковы, согласно И. Т. Касавину, теория систем, теория самоорганизации, теория информации, теория катастроф. В этих случаях наблюдается принципиальное игнорирование дисциплинарных границ. Естественно, эти теории возникли как обобщение некоторых дисциплинарных представлений в биологии, химии, математике. Однако затем они оторвались от своих истоков и стали развиваться на своей собственной теоретической основе, проходящей проверку использованием в других областях знания [Касавин, 2010а].

Представляются чрезвычайно важными следующие рассуждения И. Т. Касавина. Как отмечает автор, эпистемология мисследований (междисциплинарных исследований) относительно слабо разработана. «В общем виде ясно, что м-исследования предполагают альтернативность эмпирической интерпретации, что приводит к резкому расширению сферы фактов по сравнению с дисследованием (дисциплинарным исследованием)» [Касавин, 2010а, с. 13].

Особому характеру междисциплинарной эмпирии сопутствует, по Касавину, и необходимость политеоретического описания, а также интерактивный перевод с языка одной дисциплины на другой. Этот никогда не заканчивающийся перевод идет в поисках постоянных уточнений и кажется подлинным воплощением тезиса У. Куайна о невозможности радикального перевода. «Неустранимость из исследований диалога характеризуется вы-

раженной несимметричностью при обмене результатами; одна из дисциплин периодически берет на себя креативную, нормативную или коммуникационную функцию. Учитывая то обстоятельство, что м-взаимодействие идет в условиях методологической несоизмеримости и дополнительности, невозможности унификации методов, то подлинной м-коммуникацией может быть только неформальный дискурс. И если в этом случае можно говорить о научных результатах, несводимых к д-результатам, то таковые обладают не столько объектной, сколько коммуникативной природой, т.е. говорят не столько об исследуемом объекте, сколько об условиях и формах его исследования» [Касавин, 2010а, с. 13–14].

На наш взгляд, это имеет непосредственное отношение к междисциплинарным исследованиям в психологии. В этом случае есть существенное преимущество, так как в психологии есть возможность опираться на разработки в области коммуникативной методологии. Кроме того, отмеченные выше трудности позволяет снять разработку методологии и теории проведения междисциплинарных психологических исследований, исходя из понимания предмета психологической науки, в частности, такой широкой трактовки как внутреннего субъективного мира человека.

В настоящее время организация комплексных психологических исследований сталкивается со значительными трудностями, вследствие чего комплексные исследования и разработки оказываются существенно менее эффективными, чем это предполагалось. Подчеркнем фундаментальный характер данной проблемы, от ее решения зависит эффективность осуществления как комплексных исследований в рамках психологии (взаимодействие между отраслями психологической науки), так и организация междисциплинарных исследований (взаимодействие психологии с другими науками). Хотя данной проблематике уделяется значительное внимание исследователей, проблема на настоящий момент не решена. Теория комплексных психологических исследований как научная концепция, отражающая специфику психологического исследования, еще не разработана. Причина этого состоит в том, что исследователи стремятся как правило разработать принципы организации и процедуры такого рода исследований. Предполагаем, что возможна разработка ме-

тодологии и теории проведения комплексных психологических исследований, исходя из понимания предмета психологической науки. Эффективность комплексного исследования в психологии в значительной мере обусловлена степенью концептуального совпадения понимания и трактовки предмета психологии в научно-исследовательских подходах в тех предметных областях, которые будут взаимодействовать в данном исследовании, что фактически не учитывается в представленных в настоящее время концепциях комплексных исследований в психологии. Следовательно, методологические основания (и основанная на них теория) должны раскрывать способ трактовки предмета, представленный в научных подходах, реализующихся в комплексном исследовании. Новизна подхода состоит в том, что в нем реализуется разработка методологии и теории проведения комплексных психологических исследований, исходя из понимания предмета психологической науки. Развитие науки, как хорошо известно, представляет собой сложный процесс, включающий в себя и дифференциацию, и интеграцию знания. В настоящее время насчитывается большое количество самостоятельных научных дисциплин. От того, какое место занимает психология в системе наук, в большой степени зависит решение двух очень важных вопросов: 1) что психология может дать другим наукам, 2) в какой степени психология может использовать результаты исследований в других науках.

Отметим, что проблемы междисциплинарных исследований обсуждаются и в зарубежной современной психологии, в междисциплинарности просматриваются перспективы развития психологического знания [Valsiner, 2007].

Отметим что в современной *психологии* методологических исследований, посвященных проблеме междисциплинарных взаимоотношений, совсем не так много. Актуальность сохраняют классические работы Б. Г. Ананьева [Ананьев, 1968, 1977] и Б. Ф. Ломова [Ломов, 1984]. По исследованиям А. Л. Журавлева, наиболее значимые методолого-психологические результаты в этой области состоят в следующем [Журавлев, 2007]:

– Будущее и перспективы развития психологии напрямую зависят от ее междисциплинарных связей.

– Взаимодействие психологии с другими науками осуществляется через отрасли психологической науки.

– Психология синтезирует достижения других наук.

– Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания.

– Могут быть выделены наиболее перспективные зоны для организации междисциплинарных исследований: с общественными науками через социальную психологию, с естественными – через психофизику, психофизиологию, сравнительную психологию, с медицинскими науками – через медицинскую психологию, патопсихологию, нейропсихологию и др., с педагогическими – через психологию развития, педагогическую психологию и др., с техническими – через инженерную психологию и т. д.

– Наиболее эффективными междисциплинарными подходами можно считать те, которые были осуществлены в конце XX – начале XXI столетия и привели к формированию отраслей психологии. Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (психология!) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность.

– Междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического.

– Неправомерно понимание, что междисциплинарные исследования – единственная форма исследований в психологии.

– Неизбежны издержки, то есть негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований (например, редукция психического к непсихическому).

– Чрезвычайно важной является идея уровней междисциплинарности психологии.

– Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания.

– Могут быть выделены долгосрочные перспективы для организации и проведения междисциплинарных исследований. Необходимо разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психоэволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологи-

ческой и т. д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными (психофизической, психофизиологической и психосоциальной) проблемами. Можно предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, психохимическая) станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического.

– Могут быть выделены сложности и трудности междисциплинарных исследований (плюралистичность знания, что вызывает сложности в интеграции полученного знания; междисциплинарные исследования характеризуются низкой совместимостью используемых языков разных наук; программы междисциплинарных исследований включают разные методы, но нередко различного уровня их разработанности и т. д.). Ставя задачу построения концепции междисциплинарных исследований, следует особо подчеркнуть, что концепция носит принципиально уровневый характер.

Обоснование этих положений дается в известных работах, не будем здесь на этом подробно останавливаться.

Обобщая, стоит подчеркнуть, что будущая концепция междисциплинарных исследований должна носить уровневый характер, это чрезвычайно важно акцентировать, потому что уровневую природу имеет и сам предмет психологии. В качестве предварительных соображений можно высказать следующее.

Могут быть выделены, согласно А. Л. Журавлеву, уровни междисциплинарных исследований: 1. Первый – внутрипсихологический – подразумевает исследования тех проблем, которые возникают на границах различных психологических направлений и отраслей. В рамках внутрипсихологического уровня могут быть выделены подуровни. 1А) Во-первых, это отраслевой, а точнее, внутриотраслевой уровень, к которому можно отнести исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем или тем, но внутри конкретной отрасли психологии. 1Б) Во-вторых, это межотраслевой уровень исследований, сформировавшийся на границах самых разных отраслей психологии. 2. Второй уровень – внешнепсихологический уровень междисциплинарности подразумевает исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, лингвистикой, историей, экономикой, социологией,

наукой управления, политологией, этнологией и т. д. 3. Третий уровень междисциплинарности, имеющий некоторую специфику, характерную именно для психологии: она не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и отдельные ее отрасли полностью «внедрились» в ряд наук, реально став их структурными составляющими и специальностями (в этом принципиальное отличие психологии). Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (психология!) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность. Четыре отрасли – это, несомненно, уже закономерность, которая утвердилась в качестве таковой за последние два десятилетия. И перспектива состоит в том, что выделенная тенденция будет развиваться и нарастать. Данный аспект принципиально важен, поскольку позволяет не только лучше понять современное состояние психологической науки, но и выстраивать перспективные прогнозы дальнейшего развития науки, важность чего переоценить невозможно. Характеризуя концепцию междисциплинарных исследований, необходимо также подчеркнуть, что междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического. По авторитетному суждению А. Л. Журавлева, «многочисленные попытки понять природу психического привели к осознанию необходимости решения как минимум трех фундаментальных проблем: психофизической, психофизиологической и психосоциальной. Это же основные направления научного анализа психики, составляющие, по Б. Ф. Ломову, систему ее измерений» [Журавлев, 2007, с. 27]. Подчеркнем, и это принципиально важно, что этот перечень – при всей важности этих фундаментальных проблем – ими не исчерпывается. А. Л. Журавлев неоднократно подчеркивал, что необходимо разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психоэволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологической и т. д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными (психофизической, психофизиологической и психосоциальной) проблемами. Можно

предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, психохимическая) станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического. Таким образом, формирующаяся концепция междисциплинарных исследований, точнее ее второй уровень получает содержательное наполнение, а сама проектируемая концепция – в чем ее несомненное преимущество – сможет задавать наиболее перспективные векторы для осуществления междисциплинарных исследований. Представленность содержательных векторов в разрабатываемой концепции выполняет важную прогностическую функцию, что значимо при планировании междисциплинарных исследований: понятно, что могут быть выделены наиболее перспективные зоны для организации междисциплинарных исследований: с общественными науками через социальную психологию, с естественными – через психофизику, психофизиологию, сравнительную психологию, с медицинскими науками – через медицинскую психологию, патопсихологию, нейропсихологию и др., с педагогическими – через психологию развития, педагогическую психологию и др., с техническими – через инженерную психологию и т. д. Таким образом, задаются векторы перспективных междисциплинарных исследований. Аналогичным образом, на первом уровне могут быть выявлены перспективные направления взаимодействия на границах разных разделов внутри отрасли (уровень 1А) и на границах разных отраслей (уровень 1Б).

Как показали наши исследования, более или менее адекватная концепция междисциплинарных исследований может быть выстроена только в том случае, если при ее конструировании была заложена возможность различных трактовок *предмета психологии*. Как уже упоминалось, методологические основания (и основанная на них теория) должны раскрывать способ трактовки предмета, представленный в научных подходах, реализующихся в комплексном исследовании.

Вспомним про последний, восьмой признак дисциплины, по М. К. Петрову: предмет дисциплины – поле поиска новых результатов, определенное действующей дисциплинарной парадигмой по каноническому описанию формы возможного продукта. Отсюда понятно, что необходимое условие для эффективного междис-

циплинарного исследование – построение пространства, в котором возможно осуществление взаимодействия.

Фактически, мы сталкиваемся с той же самой проблемой операционного стола, которую подробно обсуждали в разделе 2.1. Можно смело констатировать, что перспективы реализации междисциплинарных исследований в психологии напрямую связаны с решением вопроса о трактовке предмета психологии как совокупного. Как представляется, внутренний мир человека как предмет психологии, позволят на ином уровне подойти к организации междисциплинарных исследований.

2.4. Предмет психологии и коммуникативная методология

Время идет очень быстро. Вроде бы совсем недавно был 1962 год, когда было заявлено о существовании несоизмеримости научных теорий. С тех пор, однако, минуло почти 60 лет. Проблема существует до сих пор. В статье, опубликованной уже после смерти Томаса Куна, отмечается: «Прошло двадцать лет с тех пор, как Пол Фейерабенд и я впервые употребили в печати термин, позаимствованный нами из математики, для описания отношений между успешными научными теориями. Это термин «несоизмеримость». Каждый из нас пришел к нему, столкнувшись с проблемами интерпретации научных текстов. Я использовал термин шире, чем он; его утверждения относительно предмета были радикальнее моих, но совпадение наших позиций тогда было значительным. Каждый из нас, прежде всего, стремился показать, что значения научных терминов и понятий (к примеру, «сила», «масса» или «элемент» и «соединение») часто менялись вместе с теорией, из которой они были введены. И каждый из нас утверждал, что, когда такие изменения происходили, невозможно было определить все термины одной теории, используя словарь другой. Последнее утверждение вылилось в отдельный разговор о несоизмеримости научных теорий» (Кун, 2014, с.46-47). Как пишет Т. Кун, «Я убежден, что наше с Фейерабендом обращение к «несоизмеримости» было независимым. Смутно припоминаю, как Пол наткнулся на этот термин в черновике моей рукописи и сказал мне, что он тоже его использовал» [Кун, 2014, с. 46, прим.]. Приведем еще одну цитату с той же страницы, которая принципиально важна для темы нашего параграфа: «Мы с Фейерабендом писали о невозможности

определения терминов одной теории в базовых терминах другой. Он ограничился несоизмеримостью в языке. Я же говорил и о различиях в «методах, проблемном поле и критериях решения проблем» («Structure», 2d ed., p. 103), чего я больше уже бы не сделал, за исключением важной области: последующие отличия – это необходимые следствия процесса изучения языка. Фейерабенд (с. 59), с другой стороны, писал, что «нельзя ни определить простейшие термины T’ на основе простейших терминов T, ни установить корректные эмпирические связи, относящиеся и к тем, и к другим терминам». Я не употреблял понятие простейших терминов и ограничил несоизмеримость несколькими специальными терминами» [Кун, 2014, с. 46, прим.].

Обратим внимание на ключевые моменты в вышеприведенных цитатах. Т. Кун пишет, что они пытались показать, что «значения научных терминов и понятий» «часто менялись вместе с теорией». Это, как мы увидим далее, центральный момент. Т. Кун абсолютно прав – значения действительно меняются, поэтому если мы хотим сравнивать готовые теории, картина, открывшаяся выдающимся философам науки, действительно правдоподобна. Поэтому необходимо другое. Сравнивать нужно не готовые теории, где необходимая для сопоставления теорий информация «закамуфлирована» новыми формулировками и изменившимися трактовками понятий, поэтому «соизмерению» не подлежит, а нечто другое. Впрочем, об этом скажем в свое время, чуть позже, а сделанный вывод зафиксируем: сопоставлять сформулированные теории неперспективно – в этом отношении классики философии науки правы.

Как пишет Кун, «Все это было в 1962 г. С тех пор проблемы изменения значений обсуждались очень бурно, но, в сущности, никто в полной мере не обращался к тем трудностям, которые привели нас с Фейерабендом к понятию несоизмеримости. Вне сомнения, эта невнимательность отчасти объясняется той ролью, которую играли интуиция и метафора в наших исходных представлениях. Я, к примеру, допускал много двусмысленностей в употреблении, как в визуальном, так и в концептуальном значении, глагола «видеть». Я неоднократно уподоблял теоретические изменения переключению гештальта. Но по каким бы то ни было причинам понятие несоизмеримости резко и часто отверга-

лось, последний раз в книге, опубликованной в конце прошлого года Хилари Патнэмом. Патнэм убедительно излагает суть двух направлений критики, широко распространенных в предшествующей философской литературе. Краткое напоминание об этой критике подготовит почву для последующих обширных комментариев» [Кун, 2014, с. 47].

«Большая часть дискуссий о несоизмеримости была обусловлена дословно корректным, но часто неправильно интерпретируемым допущением, что если две теории несоизмеримы, они должны быть сформулированы на взаимно-непереводимых языках. Если это так, утверждается первой линией критики, если нет способа сформулировать обе теории на одном языке, тогда они не могут сравниваться, и не может быть никаких очевидных аргументов, чтобы сделать выбор между ними. Разговор об отличиях и сравнении предполагает некую общую почву, которую, по всей видимости, отрицают защитники несоизмеримости, часто говорящие о сравнениях. Здесь их заявления определенно непоследовательны» [Кун, 2014, с. 47–48].

«Вторая линия критики заходит так же далеко. Такие люди, как Кун, утверждают ее представители, убеждают нас, что невозможно перевести старые теории на современный язык. Но потом они именно это и делают, реконструируя теории Аристотеля, Ньютона, Лавуазье или Максвелла, не выходя за пределы языка, на котором мы разговариваем каждый день. Что они при этих условиях могут подразумевать, говоря о несоизмеримости?» [Кун, 2014, с. 48].

Приношу извинения за обильное цитирование. Приведенные фрагменты хорошо показывают, в каком направлении велись дискуссии. Не будем в рамках этой небольшого текста воспроизводить аргументацию Т. Куна. Для этого понадобилось бы значительное текстовое пространство, которого у нас нет, но главное – наша работа посвящена не философии науки, а конкретным проблемам методологии психологической науки. Обсуждение этих в высшей степени увлекательных вопросов увело бы нас от решения основной задачи.

Основную задачу этого параграфа автор видит в том, чтобы показать: к психологии эта идея, сформулированная Томасом

Куном, отношения не имеет: в психологии существует потенциальная соизмеримость тематически сопоставимых теорий.

Приведем некоторые результаты исследования (Мазилов, 2008). Было выявлено, в частности, что у психологов-исследователей доминируют установки на получение нового, оригинального научного продукта. Реальные интегративные установки выражены минимально. Наибольшую ценность в работах коллег (в глазах самих исследователей) имеют позитивные ссылки на собственные работы и использование полученных результатов другими учеными. Интересно, что хотя реально интегративные установки выражены минимально, на уровне деклараций процессы интеграции в психологии самими психологами оцениваются чрезвычайно позитивно. Отметим, что существующая система образования и аттестации кадров, что естественно, всячески культивируют индивидуалистические установки: даже курсовая работа должна иметь научную новизну. Поиск новизны форсируется, к сожалению, достаточно часто с существенными издержками: 1) стремление к новизне приводит к тому, что недостаточное внимание уделяется анализу литературы и, как следствие, за новое выдаются достаточно хорошо известные в науке результаты, но субъективно не известные автору; 2) новизна оказывается чисто вербальной – вводятся новые термины, но сопоставление с известными в должной степени не производится: новизна подменяется словотворчеством; 3) исследователь не различает исследуемое и вспомогательный аппарат исследования, в результате чего «психолог перестает делать различие между объективной познавательной реальностью и теми научными понятиями, которыми он оперирует и которые являются лишь ее частичным и односторонним отражением» [Роговин, 1968, с. 4]. «Новизны» в этих случаях много, но она не радует. Можно было бы продолжить этот перечень, но ясно, что тенденция обнаружить новизну любой ценой реально существует. К тому же обычно это сочетается с недостаточной интерпретацией, поэтому вопрос о том, как соотносится полученное «новое» с тем, что уже известно в науке, обычно даже не поднимается. Однако, и это чрезвычайно интересно, «исследовательская практика», направленная на получение новизны «любой ценой» получает некоторое «обоснование» в профессиональных представлениях

самих психологов. Неявные, часто не осознаваемые самими исследователями представления о развитии психологической науки «работают», как ни удивительно, против интеграции. Поясним это. Согласно широко распространенным представлениям, развитие науки (в нашем случае психологии), идет от частной теории к построению более общей. Таким образом, «более развитая» концепция «отменяет» («снимает», как часто выражаются в своих отчетах психологи-исследователи, вспоминая про труды Гегеля) предыдущую (в наших исследованиях, в которых принимали участие известные психологи, интервьюируемые приводят убедительные примеры, характеризующие их научное мировоззрение: теория Эйнштейна «обобщила» ньютоновскую физику, часто встречаются ссылки на гегелевскую модель развития через отрицание и т. д.). В результате научный психолог реально неизбежно нацелен на создание «собственными силами» общей «универсальной» теории.

Констатируем, что в современной психологии доминирует установка на «поиск отличий» (как мы уже отмечали, эффективно поддерживаемая существующими научными нормами) – даже от дипломной работы (не говоря уже о диссертациях) требуется научная новизна, в результате чего очень легко употребляется слово «впервые»). Психологи привыкают рассматривать работы других лишь как предшествующие осуществлению «собственного» индивидуального синтеза. Картина прямо-таки фантасмагорическая. Чтобы описанное не показалось сгущением красок, приведем фрагмент из статьи А. В. Юревича [Юревич, 2008]. Прошлое психологии «обычно предстает как скопление ошибок, нагромождение артефактов, паутина тупиковых направлений исследования или, в лучшем случае, как беспорядочное накопление феноменологии, которое по отношению к психологии грядущего призвано сыграть ту же подготовительную роль, какую философия сыграла по отношению к науке. Именно в силу такого отношения к прошлому психологическое знание не кумулятивно, а любое новое направление психологической мысли уверенно отметает все предыдущие, видя в них только «кладбища феноменологии», фон для оттенения своих достоинств и иллюстрации чужих ошибок» [Юревич, 2008, с. 5]. Однако, это еще не все. Под такое психологическое понимание

подводится обычно «фундамент» из области философии науки. В работах У. Куайна, Т. Куна и П. Фейерабенда говорится о несоизмеримости научных теорий. Несоизмеримы теории, несоизмеримы они еще и потому, что у них нет общей фактуальной базы. Здесь стоит отметить, что при таком подходе не учитывается сложная архитектоника факта. Как показали наши исследования, психологический факт имеет уровневое строение, что делает возможным реальное соотнесение фактов, относящихся к разным теориям [Мазилов, 2017, 2018].

Таким образом, Т. Кун представляется главным идеологом несоизмеримости теорий [Кун, 2003]. По нашему мнению, прежде всего, необходимо преодолеть одно существенное психологическое препятствие. Связано оно, как ни покажется странным, с тем методологическим влиянием, которое оказали на сознание многих современных психологов-исследователей работы знаменитого методолога науки Томаса Куна. Мы имеем в виду широкий резонанс, который получили известные высказывания выдающегося историка и философа науки о несоизмеримости научных теорий. *(Ниже будут приведены цитаты из работы Т. Куна – В.М.)*.

Как мы видели, идея несоизмеримости теорий была взята на вооружение и широко использовалась другим философом и методологом науки Полом Фейерабендом, но в сознании современных психологов именно Кун представляется идеологом несоизмеримости теорий. Так, предоставим слово Т. Куну. «Мы уже рассмотрели несколько различных причин, в силу которых защитникам конкурирующих парадигм не удается осуществить полный контакт с противоборствующей точкой зрения. Вместе взятые эти причины следовало бы описать как несоизмеримость предреволюционных и послереволюционных нормальных научных традиций, и нам следует здесь только кратко резюмировать уже сказанное. Прежде всего, защитники конкурирующих парадигм часто не соглашаются с перечнем проблем, которые должны быть разрешены с помощью каждого кандидата в парадигмы. Их стандарты или определения науки не одинаковы» [Кун, 2003, с. 221]. Томас Кун продолжает: «Однако речь идет о чем-то большем, нежели несоизмеримость стандартов. Поскольку новые парадигмы рождаются из старых, они обычно вбирают в се-

бя большую часть словаря и приемов, как концептуальных, так и экспериментальных, которыми, которыми традиционная парадигма ранее пользовалась. В рамках новой парадигмы старые термины, понятия и эксперименты оказываются в новых отношениях друг с другом. Неизбежным результатом является то, что мы должны назвать (хотя термин не вполне правилен) недопониманием между двумя конкурирующими школами» [Кун, 2003, с. 222]. По Куну, существует и «третий и наиболее фундаментальный аспект конкурирующих парадигм. В некотором смысле, который я не имею возможности дальше уточнять, защитники конкурирующих парадигм осуществляют свои исследования в разных мирах» [Кун, 2003, с. 224]. Т. Кун резюмирует: «Работая в различных мирах, две группы ученых видят вещи по-разному, хотя и наблюдают за ними с одной позиции и смотрят в одном и том же направлении. В то же время нельзя сказать, что они могут видеть то, что им хочется. Обе группы смотрят на мир, и то, на что они смотрят, не изменяется. Но в некоторых областях они видят различные вещи, и видят их в различных отношениях друг к другу. Вот почему закон, который одной группой ученых даже не может быть обнаружен, оказывается иногда интуитивно ясным для другой. По этой же причине, прежде чем они смогут надеяться на полную коммуникацию между собой, та или другая группа должна испытать метаморфозу, которую мы выше называли сменой парадигмы. Именно потому, что это есть переход между несовместимыми структурами, переход между конкурирующими парадигмами не может быть осуществлен постепенно шаг за шагом посредством логики и нейтрального опыта. Подобно переключению гештальта, он должен произойти сразу (хотя не обязательно в один прием) или не произойти вообще» [Кун, 2003, с. 224–225].

Обратим внимание, что обычно те психологи, которые восприняли куновские положения, говорят о несоизмеримости теорий вообще, весьма наивно полагая, что это безоговорочно относится и к психологии. По нашему мнению, оснований для этого нет. Конечно, авторитет Томаса Куна чрезвычайно велик, это выдающийся и чрезвычайно популярный мыслитель. Попробуем критически отнестись к распространению выводов куновской теории на психологию. Выскажем соображения, которые,

на наш взгляд, вносят долю сомнения в применимости положения о несоизмеримости к предметной области психологии. Рассуждения Т. Куна основываются на примерах и обобщениях, взятых из истории естественных наук. Никем пока не доказано, что эти рассуждения имеют столь универсальный характер, что могут адекватно представлять ситуацию в области научной психологии. Обычно упускается из виду, что ключевым моментом для рассуждений Т. Куна является научная революция (вспомним о названии его главного труда). Кун говорит именно о несоизмеримости предреволюционных и послереволюционных нормальных научных традиций.

В психологии дело обстоит совершенно не так, поскольку она явно не является монопарадигмальной дисциплиной. Революций – аналогичных естественнонаучным – в психологии просто не бывает. Все упоминания о революциях в психологии носят явно метафорический характер («бихевиористическая», «когнитивная» и т. п.). Поэтому безоговорочный перенос куновских рассуждений на область психологии весьма и весьма сомнителен. В психологии мы действительно имеем различные теории одного явления (число их часто исчисляется десятками). При этом подчеркнем, что авторы новой теории не ставят перед собой задачи опровергнуть другие теории. Задачу они видят скорее в том, чтобы дать более адекватное описание и объяснение психического феномена. В этом случае говорить о «революции» (по крайней мере, в куновском смысле) не приходится. Поэтому речь о переходе от одной конкурирующей парадигмы к другой, естественно, не идет. Таким образом, в психологии чаще всего просто нет задачи опровержения старой точки зрения, там заявляется иной подход. Противоборство между парадигмами не рассматривается Куном как сознательный процесс, основанный на логике и нейтральном опыте: переход от одной парадигмы к другой не может быть осуществлен постепенно шаг за шагом посредством логики и нейтрального опыта. В этом моменте, возможно, наблюдается радикальное расхождение между естественными науками и психологией.

Дело в том, что количество «степеней свободы» при рассмотрении психических явлений значительно больше, чем в любой из естественных наук. Это совершенно естественно, если

принять во внимание сложность самих объекта и предмета психологической науки. Соответственно, имеется значительно большее число возможных аспектов анализа. В этой связи важно подчеркнуть, что при формулировании теории важнейшую роль играют неосознаваемые самим исследователем процессы. Речь, по сути, идет о том, что ниже в рамках настоящей концепции будет охарактеризовано как предтеория – исходные представления ученого. Она предшествует исследованию, часто вообще не осознается самим ученым и выступает в качестве неявного основания исследования. Выявлено, что предтеория играет определяющую роль при проведении исследования в области психологии. Как становится понятно, противоборство между парадигмами Т. Кун рассматривает как естественный процесс развития научного знания. Если использовать различение стихийной и целенаправленной интеграции, можно предположить, что вполне возможна ситуация, при которой работа соотнесения концепций выполняется незаинтересованным, нейтральным лицом – методологом или историком науки, то есть становится целенаправленной.

Логично предположить, что в такой работе становится возможным то, что обыкновенно недоступно при стихийном соотнесении. Особенно, если вспомнить о том, что процедура предполагает выявление не осознаваемых самими исследователями оснований. Наконец, обратим внимание на то, что Т. Кун исходит из явной аналогии между гештальтистскими исследованиями восприятия и переходом от одной парадигмы к другой. Действительно, хорошо известно, к примеру, что в случае «двойных» изображений нельзя увидеть одновременно оба изображения на картинке. Модель, принятая Куном, – изменение видения «двойного изображения». Иными словами (забегая вперед) отметим, что Томас Кун использует эти опыты как моделирующее представление. Выше мы видели, что в поздней работе, цитированной нами, Кун признавал, что «неоднократно уподоблял теоретические изменения переключению гештальта». Обратим внимание, что фактически выбор неудачного моделирующего представления предопределяет результат. Таким образом, мы полагаем, что принципиальная несоизмеримость теорий и концепции в современной психологии не доказана. Напротив, по

нашему убеждению, справедлив принцип соизмеримости теорий [Мазилов, 2014, 2017].

Рассуждая о предмете психологии, мы очень хорошо понимаем: все, что может выступать в качестве такового неизбежно является абстракцией высокого уровня. Человеческому уму очень трудно ее просто представить (и еще труднее ею оперировать). Поэтому на помощь приходит функция понимания, которая связана с тем, что мы пытаемся преобразовать непонятную абстракцию, замкнув ее на образ материального объекта. Иными словами, происходит то, что было в свое время описано Н. Г. Алексеевым как моделирующие представления [Алексеев, 1971]. Или, если угодно, как говорил один из персонажей произведений братьев Стругацких, понимание есть упрощение.

Как показывают наши исследования, в процессе упрощающего понимания психологических явлений происходит следующее. Этот феномен был обнаружен, когда исследовались процессы, происходящие у исследователя в процессе планирования научного исследования, представляющие собой формирование «предтеории» [Мазилов, 1998]. Позднее оказалось, что эти феномены являются универсальными и имеют место практически всегда, когда необходимо иметь дело с пониманием психических явлений [Мазилов, 2019].

В целом происходит трансформация первоначальной абстракции по трем направлениям (подробное описание см. в разделе 1.6.).

1. Выбор «идеи» метода (субъективный, объективный, комплексный).

2. Выбирается базовой категории (структура, функция, процесс, уровень, генезис или их сочетание).

3. Выбор собственно моделирующих представления. Моделирующие представления всегда являются искусственной конструкцией, привлекаемой для понимания и объяснения.

Итак, будем помнить, что разговор о психике предполагает замену исходной абстракции в силу ее труднопостижимости и сложности для понимания: происходит замена непостижимого объекта другим, более доступным для понимания.

Поэтому, когда мы говорим о психике, в действительности рано или поздно в нашем рассуждении появляются такие поня-

тия как отражение, деятельность, поведение, адаптация, личность, ориентировка и пр. Таким образом, понятно, что предмет психологии имеет достаточно сложную структуру, включающую в себя различные компоненты.

Можно говорить о декларируемом предмете. В настоящее время под декларируемым предметом обычно имеется в виду «психика», поскольку именно она заявляется в качестве предмета психологической науки. О сложностях исследования психики как таковой уже упоминалось. Поэтому в действительности используется «заместитель» декларируемого предмета – отражение, деятельность, поведение и т. д., который уместно именовать рационализированным предметом. И, наконец, тот конструкт, который порождается при участии моделирующих представлений, вполне заслуживает наименование реального предмета.

Как нам представляется, философско-эпистемологическое исследование современной научной психологии остро необходимо. Причем хотелось бы подчеркнуть, что это необходимо и для психологии, и для самой философии. В настоящее время ясно, что естественнонаучный стандарт не является единственным. Более того, очевидно, что многие положения философии науки, сформулированные на основе анализа естественных наук напрямую неприменимы к современной психологии [Мазилов, 2017]. Для философии науки современная психология представляет уникальный материал для разработки новых более конструктивных эпистемологических моделей построения науки.

Именно в психологии в настоящее время накоплен материал, который позволяет в значительной степени пересмотреть и установить новое понимание процессов, происходящих в науке. Во всяком случае, стоит принять во внимание, что традиционный тезис, представленный в работе Томаса Куна, а затем и Пола Фейерабенда, о несоизмеримости теорий и фактологической основы для психологии не доказан. Более того, сформулировано положение о соизмеримости в психологии теорий одного уровня [Мазилов, 2013]. Соотносимы и факты, так как традиционно факт рассматривается как единое простое явление, тогда как специальное исследование показывает, что факт в психологии имеет достаточно сложное строение [Мазилов, 2018]. Для нас важно то, что психологический факт содержит и универсальные

и вариативные компоненты, что делает факты соизмеримыми. Об этом несколько подробнее скажем ниже.

Заслуживает упоминания и то, что на основе принципа соизмеримости теорий была разработана концепция коммуникативной методологии [Мазилов, 2017].

Обратим внимание на наиболее важные для нашей темы положения этой концепции.

1. Современная психология характеризуется многообразием подходов, научных направлений, теорий и концепций разного уровня. В психологии накоплено множество идей, обобщений, гипотез, фактов, доктрин и т. п. Они обыкновенно остаются не соотнесенными, не упорядоченными, не соорганизованными.

2. Разумеется, в разное время многими учеными предпринимались попытки соотнести взгляды и положения различных теорий, представить обобщения, делались попытки интеграции подходов. Естественно, что в науке существуют формы естественной интеграции знания.

3. Существуют формы направленной, «искусственной» интеграции. К их числу относятся обобщения, метатеории, комплексный, системный подход и т. д.

4. Интегративные тенденции имеют позитивную оценку в научном сообществе, но реально поддерживаются немногими. Существуют объективные и субъективные препятствия, мешающие реализации интегративных подходов.

5. На место кумулятивной модели развития науки в XX столетии пришла другая, которая акцентирует революционный, скачкообразный характер развития науки (К. Поппер, Т. Кун). Согласно этой модели, в развитии науки нет преемственности, развитие происходит путем научных революций.

6. Томас Кун стал «злым гением» интеграционных моделей в науке, объявившим, что теории до научной революции и после нее несоизмеримы (выше мы уже упоминали об этом). По Куну, теория, существовавшая до революции, и теория, сменившая ее в результате научной революции, несоизмеримы. Несоизмеримы и факты, на которые эти теории опираются.

7. Как показали специальные исследования [Мазилов, 2017, 2013], не доказана ни несоизмеримость теорий в области психологии, ни несоизмеримость фактов. Впечатление о несоизмери-

мости теорий возникает в том случае, когда пытаются соотнести готовые теории как результат научного исследования. В наших работах было показано, что допускают соотнесение не теории как результат исследования, а предтеории – исходные представления исследователя. Предтеория чаще всего не осознается исследователем, но она легко может быть реконструирована историком психологии или независимым исследователем. Преимуществом соотнесения именно предтеорий является то, что предтеория представляет собой структурный инвариант, что делает соотнесение не только принципиально возможным, но и реальным.

Факты, вопреки мнению Т. Куна, также соотносимы. Впечатление о несоотносимости фактов создается в том случае, если мы рассматриваем их, как Т. Кун, нерасчлененно в качестве простых явлений. Специальный анализ показывает, что факт в психологии имеет свою уровневую структуру, причем оказывается, что структурные компоненты факта соотносимы, то есть можно говорить об изменяющихся и константных компонентах структуры [Мазилов, 2018].

8. Принципиальная новизна подхода, реализуемого в коммуникативной методологии состоит в том, что сопоставляются не завершенные оформленные психологические концепции одного уровня, а предтеории, которые, как оказалось, являются структурными инвариантами, поэтому их компоненты соотносимы. В случае использования для соотнесения готовых теорий мы сравниваем две теории мышления (эмоций, личности, деятельности и т. д.), в результате чего складывается стойкое впечатление, что не совпадают значения терминов, поэтому проще сказать, что теории несоизмеримы. Предлагается сопоставлять компоненты предтеории, которые автором не формулируются и очень часто вообще не осознаются, но зато оказываются подлежащими реконструкции и соотносимыми.

9. В качестве дополнительной методологической процедуры (в самых сложных случаях) используется определение допустимого и запретного диапазонов для основных используемых автором понятий.

Смысл коммуникативной методологии состоит, таким образом, в том, что сравниваемые концепции сопоставляются поэлементно в первую очередь по компонентам предтеории, которая

представляет собой структурный инвариант. Инвариантность, как можно полагать, обусловлена общими закономерностями познания психического, на чем мы останавливались выше.

К примеру, очень показательным является использование коммуникативной методологии в истории психологии. Скажем, известно несколько концепций деятельности или мышления, созданных различными исследователями. К примеру, для С. Л. Рубинштейна базовой категорией является процесс, тогда как для А. Н. Леонтьева это структура. Для одной концепции деятельности моделирующими представлениями выступает индивидуальный процесс труда, для другой – совместно-распределенное взаимодействие индивидов в решении общей задачи. Такого рода поэлементное сопоставление концепций позволяет значительно лучше понять сходства и различия концепций. К сказанному стоит добавить, что уровневое строение научного факта в психологии [Мазилов, 2018] позволяет заключить, что и факты, которыми оперирует та или иная концепция, сопоставимы в значительно большей степени, чем представляется на первый взгляд.

Особенно актуально, на наш взгляд, использование коммуникативной методологии в той сфере психологии, где исследуются способности и одаренность. Предложены различные теории, концепции и модели, которые остаются не соотнесенными между собой по обозначенным выше причинам. Как нам представляется, в области психологии способностей и одаренности, теориях личности, концепциях мотивации имеются значительные наработки. Они, как можно полагать, остаются имеющими значительный потенциал, который до сих пор в полной мере не вскрыт и не востребован, ибо способности, психические процессы, мотивация и личностные черты при традиционном понимании остаются разными сущностями, тогда как открываются перспективы их сопряжения в едином концептуальном пространстве внутренний мир человека.

2.5. Предмет психологии и проблема объяснения в психологии

В настоящее время не подлежит сомнению, что проблема объяснения важна для любой науки и для любой научной специальности. Объяснение – важнейшая функция науки. Как пред-

ставляется, с этим положением никто ныне не спорит. Но реально проблемам объяснения уделяется недостаточное внимание. Прежде, чем пытаться изменить сложившееся положение вещей в психологии, стоит попытаться понять, каковы корни сложившейся в психологической науке ситуации. Общепринятая теория объяснения в психологии, которая бы удовлетворяла многочисленных исследователей, к сожалению, отсутствует.

В научной психологической литературе полноценные объяснения встречаются крайне редко. На защитах диссертаций часто можно услышать пожелания усилить «интерпретацию». Это означает, что диссертанты избегают объяснений и используют – в лучшем случае – только интерпретации. Как можно полагать, такую ситуацию можно *интерпретировать* как указание, на явное неблагополучие с объяснением.

Вспомним, что такое объяснение. Объяснение как хорошо известно представляет собой главную, основную функцию науки. «Слово «объяснение» употребляется в самых различных смыслах и в повседневной жизни, и в научном языке. Среди этих смыслов можно выделить два основных, которые принимались в качестве отправных в разработке тех или иных концепций объяснения в эпистемологии и философии науки. Первый смысл связан с представлением о том, что для объяснения некоторого явления необходимо выявить некоторую скрытую за ним «сущность», «внутреннюю природу». Такого рода трактовки объяснения были характерны для метафизики, натурфилософии, а также ранних стадий развития науки. По мере развития научного познания такое понимание было вытеснено иным, в котором объяснение предполагает включение явления в структуру некоторых регулярностей, законов, в контекст целостной теории. Эти две общие перспективы могут пересекаться, поскольку возможен такой взгляд на теорию, в котором ее функция видится в раскрытии сущности определенного круга явлений. Однако подобное «эссенциалистское» понимание теории находит ныне все меньше сторонников» [Объяснение, 2008, с. 7].

Интерпретация в широком смысле (лат. Interpretatio) – «разъяснение, истолкование» – процедура, которая должна быть направлена на достижение лучшего понимания. Уместно вспомнить, что интерпретация была на протяжении многих ве-

ков основным методом в философской психологии [Роговин, 1969; Мазилов, 1998]. Это гибкий и достаточно универсальный *психологический* метод с большими традициями. Основные этапы развития интерпретации в философской психологии прослежены в книге М. С. Роговина [Роговин, 1969]. Как отмечает В. С. Швырев, «В гуманитарном знании, в науках о культуре понятие «интерпретация» употребляется в значении, близком к понятию понимания, в котором, начиная с Дильтея, стремятся выразить специфику гуманитарного и культурологического познания, направленного на постижение (расшифровку, декодирование) смысла, воплощенного в различных текстах и вообще артефактах культуры. В философской герменевтике (Э. Бетти, Х. Гадамер) проблематика интерпретации выходит за рамки постижения смыслов текстов, оказываясь связанной с познанием бытия человека в мире» [Швырев, 2010].

У понятий, в том числе и научных, своя судьба. Не знаю, существуют ли отдельные Парки, специализирующиеся на судьбе именно понятий, или обязанность контролировать и их судьбу ложится дополнительным грузом на троицу римских богинь: Нону, Дециму и Морту. Причем никак не хочется согласиться с Г. Гейне, который видел их отвратительными старухами. Мне кажется, это вполне симпатичные особы старшего комсомольского возраста… Ну, упертые... Так это по молодости... Максимализм...

Бывает так, что какое-то из понятий в какой-то дисциплине выходит на первый план, становится центральным… Вокруг него происходит масса интеллектуальных событий. Какие-то другие упоминаются редко, уходят в тень… Происходит это по простой и очень понятной причине. Если наука это сеть понятий, то ясно, что регулирование размера ячеек сети и другие процессы влияют на актуальную включенность того или иного конкретного понятия…

Для того, чтобы завершить сопоставление объяснения и интерпретации в практике современной работы в сфере психологии, сделаем несколько замечаний. В начале XXI столетия в отечественной психологии отсутствует теория объяснения, попытки ее разработать только начинаются. В тех случаях, когда речь идет об объяснении, упорно и устойчиво предполагается

именно причинно-следственное объяснение. Причинно-следственное объяснение в психологии в ее нынешнем состоянии приводит в тупик: использование этого вида объяснения ведет к редукции психического к непсихическому. Заметим, что это отдельная тема – ее рассмотрению не жалко посвятить отдельную статью. Возникающая в этих случаях ситуация напоминает ту, которая упоминается в известном анекдоте: «За что его повесили? – Как за что? За шею, конечно». И поскольку объяснение (или его видимость) в психологии все же должно присутствовать, используется интерпретация. Под которой чаще всего имеются в виду *другие виды* объяснения (не причинно-следственные). Их обыкновенно и именуют интерпретацией в научном исследовании.

Впрочем, достаточно иносказаний… Можно смело сказать, что понятию объяснение в отечественной психологии сильно не повезло…

В настоящее время не подлежит сомнению, что проблема объяснения важна для любой науки и для любой научной специальности. Объяснение – важнейшая функция науки. Как представляется, с этим положением никто ныне не спорит. Но реально проблемам объяснения уделяется недостаточное внимание. Прежде, чем пытаться изменить сложившееся положение вещей в психологии, стоит попытаться понять, каковы корни сложившейся в психологической науке ситуации. В этом состоит основная задача настоящего параграфа. Из вышеприведенной формулы про объяснение как функцию науки можно вывести пару следствий, которые уже не будут столь очевидны. Первое: в науке столько науки, сколько в ней объяснений. Второе: развитая наука должна иметь теорию объяснения. Посмотрим, как ныне обстоит дело в психологии.

Общепринятая теория объяснения в психологии, которая бы удовлетворяла многочисленных исследователей, к сожалению, отсутствует.

В научной психологической литературе полноценные объяснения встречаются крайне редко. На защитах диссертаций часто можно услышать пожелания усилить «интерпретацию». Это означает, что диссертанты избегают объяснений и используют – в лучшем случае – только интерпретации. Как можно полагать,

такую ситуацию можно *интерпретировать* как указание, на явное неблагополучие с объяснением.

Объяснение относится к числу вечных проблем философии и науки. Объяснение было несомненной ценностью еще в античности: Демокрит говорил, что променял бы одно причинное объяснение на персидский престол. Сейчас сложно определить, был ли смысл в таком обмене. Но ясно, что дальше Демокрита пошел великий Аристотель, который в «Метафизике», сформулировал учение о сущности и четырех причинах. Как известно, Аристотель выделяет четыре вида причин:

1. *Материальная причина*, которая является субстратом всякого изменения, из которой возникают все вещи и в которую они разрешаются; это – первопричина ионийских физиков.

2. Та, откуда происходит *начало движения*, например, ум Анаксагора.

3. Противоположная второй – *конец движения* или действия: то, «ради чего» что-либо совершается, или *благо* Платона (как конечная цель всякого генезиса и движения).

4. *Форма*, составляющая определенный вид вещи, сущность.

Соответственно, выделяется четыре вида причин: материальная причина, по началу движения, по концу движения, по форме. Вряд ли стоит специально акцентировать, что к одному и тому же явлению или вещи приложимы различные причины: иными словами, одни и те же вещи могут объясняться по-разному, в зависимости от используемых видов причин. Для психологии была наиболее значима, согласно Аристотелю, четвертая, поскольку именно так Великий Стагирит объяснял соотношение души и тела.

Отметим, что на этом античная мысль не остановилась. Клавдий Гален, знаменитый врач и выдающийся философ и логик, добавил к четырем аристотелевским пятую причину: «то, посредством чего», то есть инструментальную. Заметим, практически идеальное обоснование для психологии способностей.

Не имея возможности в рамках данном параграфе проследить историю понимания причинности, обратим внимание лишь на один момент: в Новое время в науке рассматривались преимущественно причинно-следственные объяснения. Факт этот очевиден, примем его, оставив объяснения для другого случая.

Множественность объяснений ушла, уступив место узко понимаемой причинности – почти исключительно как причинно-следственному объяснению.

Если причинно-следственное объяснение, как можно полагать, полностью устраивает естественные науки, то про *все науки* такого сказать, разумеется, нельзя. Отметим лишь, что в Новое время происходит интенсивное развитие именно естественной науки, где причинно-следственному объяснению принадлежит ведущая роль. Стоит добавить, что на рассмотрение проблемы повлияла и известная теория причинности Д. Юма, который анализируя причинно-следственное объяснение не нашел логических оснований для понимания причинности, утверждая что все сводится к смежности событий и их последовательности во времени. Что в данном случае говорить о других возможных причинах, более сложных не столь однозначных как причинно-следственная?

На надгробии Карла Генриха Маркса на Хайгетском кладбище в Лондоне приведены его слова из «Тезисов о Фейербахе» (знаменитый одиннадцатый тезис): «Die Philosophen haben die Welt nur verschieden interpretiert, es kömmt drauf an sie zu verändern». (Философы лишь различными способами объясняли мир, тогда как задача в том, чтобы его изменить). Так или иначе, великому мыслителю Карлу Марксу случилось и объяснить, и изменить мир, да так, как мало кому удавалось.

Потом замечательный российский логик и философ, известный остроумец Александр Александрович Зиновьев переформулировал этот тезис: «если философы раньше объясняли мир, то они теперь и этого не делают». Это выражение в свое время было столь же популярным, как и его модификация ленинского определения материи. Мы привели выражение про философов, которые *перестали* объяснять мир, не только для того, чтобы не отказать себе в удовольствии лишний раз насладиться остроумием мыслителя. Философы действительно перестали *объяснять*: используя причинно-следственное объяснение за пределами естественных наук, они (как и специалисты в этих «неестественно-научных» областях) часто порождали такие объяснения, которые мало удовлетворяли представителей психологии, о которой мы ведем речь в данной статье. Иными словами, получалось не объяснение, а псевдообъ-

яснение – «от-объяснение» (от глагола от-объяснить, по аналогии с отфутболить, отделаться, отмахнуться)… Это уже не менее остроумное выражение другого замечательного российского философа Мераба Константиновича Мамардашвили… Возникала ситуация, блестяще описанная Е. П. Никитиным: «Почему колокола звонят на Пасху? Объяснение: Потому, что их дергают за веревочки» [Философия, 1996].

Не случайно, на наш взгляд, что знаменитая книга Е. П. Никитина «Объяснение – функция науки» [Никитин, 1970] имела такой ошеломляющий успех: в ней было убедительно показано, что существует несколько видов объяснения. Многие психологи впервые слышали – как это ни покажется удивительным – о том, что причинно-следственное объяснение не есть единственный и универсальный вид объяснения. В книге было показано, что видов объяснения может быть много. И они разные… И их можно использовать. Правда, инерция мышления велика, а традиции сильны. Распространенный миф, конечно, не исчез, но прорыв состоялся. С другой стороны, в очень многих научных психологических текстах и сегодня утверждается, что причинно-следственное объяснение является единственно возможным в науке.

Если в зарубежной психологии работы по проблеме объяснения публикуются регулярно, и их довольно много, то об отечественной этого сказать нельзя. Отметим, что в зарубежной психологии проблеме объяснения посвящены, к примеру, такие работы [Brown, 1963; Cammins, 1983; Fodor, 1968; Hempel, 1948; Piaget, 1963; Pongratz, 1967; Swart, 1985], то в отечественной таких работ на счет. Наиболее значимые будут названы по ходу дальнейшего изложения.

Завершая этот краткий экскурс, стоит сказать следующее. Начиная с тридцатых годов марксизм-ленинизм становится официальной философией в СССР. Диалектический и исторический материализм становится философской методологией всех наук, в том числе и психологии. Понятно, что места для теории объяснения в психологии нет: эти вопросы решает диалектика, используя категории «причины» и «следствия» и три известные законы диалектики. Повторим: возможно, этого хватало для научных дисциплин, относящихся к естественным наукам, но для психологии,

очевидно, это стало существенным препятствием. Обратим внимание на следующий момент: наиболее интересные работы появляются в советской психологии в 20-е годы двадцатого столетия. В дальнейшем (30–70-е годы XX века) наиболее значимые психологические работы выполняются в областях, которые «ближе» к физиологии (П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, А. Р. Лурия и др.), либо, напротив, к философии (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Д. Н.Узнадзе и др.).

Возвращение проблемы объяснения в психологию представляется историческим курьезом, причем не санкционированным идеологией. Произошло это неожиданно и непреднамеренно, скорее по стечению обстоятельств.

В преддверии XVIII Международного Психологического Конгресса, проходившего в августе 1966 года в Москве, руководители отечественной психологии, воспользовавшись сложившимися благоприятными обстоятельствами, предприняли шаги, направленные на стимулирование развития психологии в СССР. В СССР не оказалось профессиональных психологов (выяснилось, что их практически нигде не готовят, существуют только отделения психологии при философских факультетах, где обучается незначительное число студентов) – по ходатайству А. Н. Леонтьева были открыты факультеты психологии в университетах Москвы и Ленинграда (МГУ и ЛГУ). Нет современных учебников по психологии – так было получено разрешение на перевод на русский язык (стараниями А. Н. Леонтьева) только что вышедшего в дружественной тогда Франции девятитомного (!) руководства по экспериментальной психологии [Traité, 1963]. В 1966 году вышло руководство по экспериментальной психологии под редакцией П. Фресса и Ж. Пиаже в русском переводе, точнее первые два выпуска под одной обложкой [Экспериментальная, 1966]. Сказать кстати, французское издание было осуществлено в 1963 году и включало в себя 9 томов, в СССР было издано всего 6 выпусков, на три оставшихся не хватило пороху и времени (издание осуществлялось в течение 12 лет, но так и осталось незавершенным)[5]. Пользуясь случаем, скажем, что и здесь не обошлось без курьезов. Во французском издании было три редактора – P. Fraisse, J. Piaget et M. Reuchlin – Поль Фресс,

Жан Пиаже и Морис Решлен. Последний чем-то кому-то не угодил и исчез из числа редакторов (в русском переводе).

Так вот в первом выпуске помещена – среди прочих – работа Ж.Пиаже, которая вернула объяснения в советскую психологию[6]. Как нам представляется, важнейшее значение в современной истории отечественной психологии для понимания проблемы объяснения имела публикация перевода этой статьи Ж.Пиаже на русский язык (рус. перевод, 1966). Об этой работе, ее содержании и критике положений разговор впереди в рамках настоящего параграфа.

Неоднократно приходилось писать про объяснение и понимание и их роль в структуре научной психологии [Мазилов, 2007, 2008, 2017, 2018а, 2018]. Представляется, что не требуется специального обоснования актуальности и значимости этой проблемы. Очевидно, что то или иное решение проблемы объяснения, как неоднократно отмечалось, эквивалентно ключевому для психологии выбору: какой ей быть. Об этом писали практически все, кто затрагивал эту в высшей степени важную и сложную проблему. Не будем повторяться. Постараемся обнаружить в этой вечной проблеме те аспекты, которые на данном этапе развития психологии наиболее значимы. Заодно выразим непреходящее удивление тем фактом, что исследований, посвященных объяснению в психологии, чрезвычайно мало. Даже тогда, когда этой проблемой стало можно заниматься, идеологические препятствия, о которых речь шла выше, исчезли. Не будем в рамках настоящего текста задаваться вопросом, почему так происходит. Нельзя исключить и того, что в данном случае сталкиваемся с совсем простым психологическим феноменом: об этом писали великие К. Гемпель и Ж. Пиаже – что к этому можно добавить? Иногда вообще возникает впечатление, что многие авторы считают проблему закрытой.

Важно выявить некоторые стереотипы мышления, не позволяющие подойти к исследованию тех аспектов объяснения, которые представляются особенно важными в современной психологии. Значимы они потому, что без их выяснения невозможно подойти к разработке современной теории объяснения в психологии.

Как нам представляется, в настоящее время для продвижения в исследовании проблемы объяснения в психологии наиболее важно, в первую очередь, акцентировать некоторые моменты.

Остановимся на чрезвычайно важном вопросе о соотношении понимания и объяснения. Обратимся к публикации известного специалиста в данном вопросе Г. В. Залевского [Залевский, 2008]. Автор использует схему, предложенную видным немецким исследователем Л. Дж. Понграцем [Pongratz, 1967]. Эта схема хорошо известна, неоднократно публиковалась, поэтому не станем приводить ее полностью [Залевский, 2008]. Обратим внимание лишь на один момент. Характеризуя методологические различия между объяснением и пониманием, Л. Дж. Понграц, следуя традиции неокантианства, отмечает, что объяснение предполагает каузальную редукцию (или регрессивную редукция), тогда как понимание – эйдологическую редукцию к сущностям и идеальным типам [Pongratz, 1967].

Констатируем, что объяснение как таковое в схеме Л. Дж. Понграца сводится исключительно к причинно-следственному объяснению. Отметим также (хотя и не будем здесь более об этом писать), что подобный резкий разрыв между пониманием и объяснением явно неправомерен: достаточно сказать, что объяснение всегда предполагает определенное понимание, вряд ли они столь разнородны, как предполагается неокантианцами.

Чрезмерную категоричность построений Л. Дж. Понграца в значительной мере компенсируют рассуждения Г. В. Залевского. Последний, характеризуя сходства и различия объяснения и понимания и комментируя схему Понграца, отмечает: «следует, прежде всего, различать две стороны – объективную или собственно объяснение, и субъективную – понимание, в конечном итоге индивидуально обусловленное. И то, и другое есть мыслительный акт включения данного изучаемого явления, объекта в ту или иную систему связей. В идеале обе системы должны совпадать в той мере, в какой они отражают реальные связи действительности… При этом ведущие закономерности у них различны. Понимание может быть чисто внутренним, неразвернутым процессом, не нашедшим внешнего словесного выявления, и тогда

обычно говорят об интуитивном понимании (в нетерминологическом значении этого слова)» [Залевский, 2008, с. 41].

Понимание есть, согласно Г. В. Залевскому, акт «присвоения» индивидом внешнего содержания, включение его в индивидуально-своеобразную систему связей. В отличие от этого объяснение – не внутренний, а всегда развернутый процесс, реализующийся, главным образом, коммуникативно. «Отсюда ясно, что в отличие от понимания объяснение в гораздо большей степени связано с языковой и логической формой выражения, и, следовательно, оно в большей мере характеризуется внепсихологическими закономерностями (логическими, лингвистическими)» [Залевский, 2008, с. 43].

По Г. В. Залевскому, объяснение, оторванное от понимания, не связанное с внутренней сложившейся системой связей, представляет односторонний и чисто вербальный акт. Помимо того, что понимание – это характеристика познания обращенного внутрь, а объяснение – во вне, между ними есть еще и хотя менее очевидное, но существенное отличие. «Понимание, с логической точки зрения, есть всегда констатация некоторой связи, утверждение о характере соответствия между объективно фиксируемой реальности и имеющейся у субъекта системы понятий. Объяснение, как указание на причинную связь, только по форме есть утверждение (и в этом случае оно выступает в качестве внешнего выражения понимания), имплицитно же оно есть отрицание, ибо цепь причинно-следственных отношений может содержать множество скрытого от нас» [Залевский, 2008, с. 43].

Нам важно подчеркнуть и сделать вывод: и в теории Л.Понграца, и в трактовке Г. В. Залевского под объяснением имеется в виду именно причинно-следственное объяснение.

Как нам представляется, важнейшее значение в современной истории отечественной психологии имела публикация А. В. Юревича, в которой, в частности, был поднят чрезвычайно актуальный вопрос о видах объяснения в психологии [Юревич, 2006, 2006а].

Констатируем Обратим внимание, что психологам свойственно небрежное отношение к терминологии. В классической работе Ж. Пиаже приводится широко известная классификация форм объяснения. В тексте статьи Пиаже называет выделенные

им 7 классов объяснений также типами. Как легко понять, все эти формы (кроме одной, связанной с конструктивными построениями) предполагают исключительно причинно-следственное объяснение. К критике теории объяснения Пиаже мы еще вернемся. А пока отметим, что для Пиаже существует лишь одно объяснение – причинно-следственное. Оно не применимо к сознанию, как полагает Ж. Пиаже, поэтому там используются «заменители» причинного объяснения – логические импликации: «понятие причинности не применимо к сознанию. Это понятие применимо, разумеется, к поведению и даже деятельности; отсюда и разные типы причинного объяснения, которые мы различаем. Но оно не «подведомственно» сфере сознания как такового, ибо одно состояние сознания не является причиной другого состояния сознания, но вызывает его согласно другим категориям» [Пиаже, 1966, с. 190], что и для Ж. Пиаже существует лишь один вид объяснения – причинное объяснение.

Но вернемся к статье А. В. Юревича. «Какого-либо стандартного, типового, а тем более нормативного объяснения в психологии не существует, психологами используется большое разнообразие видов объяснения, выбор которых определяется особенностями изучаемых объектов, базовыми методологическими ориентациями самих психологов и другими подобными факторами. Объяснения, которые дают изучаемым объектам нейропсихологи, существенно отличаются от объяснений, практикуемых психологами гуманистической ориентации, а, скажем, объяснения психоаналитиков выглядят весьма экзотически за пределами основополагающих принципов психоанализа» [Юревич, 2006, с. 98]. Действительно различные виды объяснения выделяются в широко известной в психологии работе Р.Брауна [Brown, 1963]. Обратим внимание и на то, что в работе отечественного философа науки Е. П. Никитина [Никитин, 1970], также было убедительно показано наличие различных видов объяснения. Тем не менее, в сознании большинства отечественных психологов объяснение ассоциируется лишь с причинным объяснением: других видов объяснения для них, по-видимому, не существует. Достаточно распространенной является классификация Р. Брауна, согласно которой объяснения можно разделить на 7 основных видов: 1) генетические объяснения, 2) интенциональ-

ные объяснения, 3) диспозиционные объяснения, 4) причинные объяснения, 5) функциональные объяснения, 6) эмпирические обобщения, 7) объяснения на основе теорий [Brown, 1963].

На наш взгляд, важная заслуга А. В. Юревича состоит в том, что он подробно анализирует классификацию Р. Брауна и тем самым знакомит широкий круг русскоязычных психологов с этой интересной работой. Характеризуя выделенные Брауном виды объяснения, А. В. Юревич отмечает, что «в реальности они не разделены какими-либо гносеологическими барьерами и вступают в разноплановые отношения друг с другом. А. В. Юревич оценивает классификацию Брауна следующим образом: «описанная выше систематизация основных видов психологического объяснения выглядит несколько упрощенной. Она, во-первых, не учитывает ряда реально используемых видов объяснения; во-вторых, изрядно обедняет возможности их синтеза и взаимовлияния. Вместе с тем эта систематизация не эфемерна, а задает реальную матрицу видов объяснения, которые имеются в распоряжении психолога» [Юревич, 2006, с. 99].

С такой оценкой классификации Брауна вполне можно согласиться. Как и всякая эмпирическая типология, она имеет свои преимущества и недостатки. Не будем здесь анализировать достоинства и недочеты классификации Брауна.

Удивляет такой факт: А. В. Юревич, несомненно, прав, когда отмечает, что систематизация Брауна «задает реальную матрицу видов объяснения». Не будем здесь останавливаться на деталях. А. В. Юревич, подробно проанализировавший классификацию Брауна, в своей работе об объяснении в психологии фактически настаивает именно на причинном объяснении, которое лежит в основе редукционизма, перспективность которого защищает исследователь. Получается, что подчеркивая перспективы использования брауновской классификации в теории и методологии А. В. Юревич остается на традиционных позициях, связанных с отстаиванием причинно-следственного объяснения.

Мы видели (число примеров легко можно умножить), что идея причинного объяснения в психологии представляется самым различным авторам совершенно необходимой. Нам уже приходилось высказывать несогласие с перспективами редукци-

онистского подхода в психологии. Не будем здесь повторять аргументацию, ее легко найти в других работах автора [Мазилов, 2007а, 2008, 2014, 2018б, 2018а].

Обратимся к работе Ж. Пиаже, которую в тексте настоящего параграфа уже неоднократно упоминали, потому что с нее начинается новейшая история проблемы объяснения в отечественной психологии. Это исследование заслуженно считается классикой, поскольку принадлежит перу выдающегося психолога, знаменитого исследователя развития ребенка, создателя генетической эпистемологии. Объяснение как методологическая проблема в отечественной психологической науке была поставлена, как мы уже выше отмечали, благодаря публикации перевода на русский язык известного классического руководства по экспериментальной психологии под редакцией П. Фресса и Ж. Пиаже, в котором содержалась глава «Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм», принадлежащая Жану Пиаже [Пиаже, 1966]. Как представляется, эта публикация тогда не вызвала бурных дискуссий. Насколько нам известно, одним из немногих отечественных авторов, анализировавших проблему объяснения в психологии и критиковавших позиции Ж. Пиаже, был М. С. Роговин, посвятивший этому вопросу две главы своей книги «Психологическое исследование» [Роговин, 1979]. Констатируем, что специальных исследований по проблеме объяснения в психологии до недавних пор в отечественной психологической науке практически не было. Здесь, видимо, сказалось и недостаточное внимание психологов к этой проблеме, что отмечал М. С. Роговин, и отсутствие традиции рассмотрения этой проблемы в отечественной психологической науке. Как уже отмечалось, в зарубежной психологии проблеме объяснения посвящено значительное количество работ.

Тем не менее, широкую известность в психологии получила именно классификация психологических объяснений, разработанная Ж. Пиаже. Ж. Пиаже отмечает, что «существуют два основных типа или, по крайней мере, два полюса в объяснительных моделях в зависимости от того, направлены они на: а) сведение сложного к более простому или психологического к внепсихологическому или б) на конструктивизм, в большей или меньшей степени остающийся внутри границ «поведения». Так

как модели редукционистского типа в свою очередь могут сохранять преимущественно психологическую окраску или, напротив, стремиться к сведению психического к фактам, выходящим за его пределы, мы фактически приходим к трем крупным категориям (А–В), причем каждая из двух последних предполагает три разновидности» [Пиаже, 1966, с. 167]. Приведем эту классификацию [Пиаже, 1966, с. 167–168].

А) Психологический редукционизм: он состоит в поисках объяснения определенного числа различных реакций или действий посредством сведения их к одному и тому же причинному принципу, остающемуся неизменным в ходе преобразований.

Б) Формы редукционизма, объясняющие реакции или действия ссылкой на факты, выходящие за пределы психологии. Отсюда три разновидности:

Б1) Социологические объяснения в психологии, или вообще психосоциальные объяснения, пытающиеся объяснять индивидуальные реакции с точки зрения взаимодействий между индивидами или структур социальных групп различных уровней.

Б2) Физикалистские объяснения, которые исходя, из изоморфизма психических и органических структур соответственно моделям поля, основывают в конечном счете эти последние на физических соображения.

Б3) Органистские объяснения вообще, сводящие психологическое к физиологическому.

В) «Конструктивистские»: такие типы объяснения, которые, предусматривая, конечно различного рода сведения (так как это по крайней мере один из аспектов всякого объяснения) делают основной акцент на процессах конструкции.

В1) Модели типа «теории поведения», которые обладают тем общим признаком, что координируют различные законы обучения в системы, сосредоточенные на приобретении новых форм поведения.

В2) Модели чисто генетического типа, при помощи которых исследователи ищут в развитии некоторые конструктивные механизмы, способные объяснить появление нового опыта, не прибегая только к приобретенному опыту.

В3) Абстрактные модели, которые не предполагают выбора между различными возможными субстратами, чтобы лучше вы-

явить в самой общей форме, соответствующей психологическим требований, механизм самих конструкций.

Отметим, что, судя по литературе, наиболее авторитетной и разработанной представляется теория Ж. Пиаже. Остановимся на ее анализе более подробно.

Как уже упоминалось, критика этой классификации была предпринята М. С. Роговиным [Роговин, 1979]. Остановимся лишь на некоторых моментах, подчеркиваемых М. С. Роговиным. «Рассматривая предлагаемые Ж. Пиаже типы объяснений, можно констатировать, что основные лежащие в основании деления понятия «сведения» и «конструирования» носят у него достаточно неопределенный и двусмысленный характер. В них совершенно не разведены объективный и субъективный моменты. «Сведение» выступает у Пиаже фактически и как субъективное, возникающее у психолога в ходе исследования понимание и как объективный процесс перестройки знания при сопоставлении имеющихся психологических данных с тем или иным материальным субстратом. То же относится и к «конструированию» – это и субъективный процесс, включающий такие компоненты, как комбинирование, оперирование образами и знаками, абстрагирование, анализ и синтез, обобщение, и в то же время этим термином обозначается и объективное логическое содержание» [Роговин, 1979, с. 61–62]. «Несколько безразличное отношение Пиаже к строгому определению основания производимого им деления видов объяснения связано и с тем, что все равно каждый из них является принципиально неполным, в том смысле, что, по его мнению, всегда должно существовать отношение дополнительности между моделями сведения и конструктивными абстрактными моделями. И в ходе своего изложения Пиаже действительно все время дополняет один вид объяснения другим. Поэтому, установив основные признаки объяснения (логическую необходимость отношений и реальность тех причинных связей, на которые она накладывается), Пиаже счел возможным основываться в дальнейшей разработке классификации всего лишь на критериях, которые показались ему наиболее удобными» [Роговин, 1979, с. 62-63]. Роговин отмечает, что «в классификации Пиаже обращает на себя внимание отсутствие функционального объяснения, безусловно играющего важнейшую роль

в психологии; его не то, чтобы совсем нет, но этот вид объяснения как бы растворяется в других, не совсем с ним совпадающих» [Роговин, 1979, с. 63]. По мнению Роговина, «в результате произведенной им классификации видов объяснения Пиаже все же не удается выйти за извечные рамки психофизиологического параллелизма, параллелизма психических и нервных процессов, – проблемы, решение которой Пиаже мыслит в плане намечаемой им дополнительности, но реализацию которого он предоставляет будущему» [Роговин, 1979, с. 63].

Обратим внимание на то обстоятельство, что в этой классификации видов объяснения, как представляется, заложено глубинное противоречие. Из семи выделенных типов шесть относятся к поведению, один к сознанию. Обратим внимание на то, что собственно психологии здесь чрезвычайно мало (напомним, что предметом психологии в современном понимании является психика, которая и «соединяет» эти категории). Пиаже следует модели, предложенной Декартом в XVII столетии. Как мы покажем ниже, это совсем не случайно. Другой момент заключается в том, что Пиаже приходит к психофизиологическому параллелизму. Психофизиологический параллелизм – это тот ход, который позволил психологии стать самостоятельной наукой, позволил конституировать психологию. Но когда психология как дисциплина уже существует, это противопоставление психологического и физиологического не представляется слишком актуальным. Грегори Бейтсон в свое время проницательно заметил, что это не лучшая оппозиция. По его мнению, юнговское противопоставление плеромы и креатуры конструктивнее. Такое разделение на психическое и физиологическое, которое проведено Пиаже, лишает психическое энергетических характеристик, делает его нежизнеспособным, чисто «логическим» отражением. Физиологическое оказывается «слепым» и неконструктивным. Независимость рядов является мнимой, поскольку одно без другого не существует, а допущенный разрыв обессмысливает функционирование безжизненных «половинок».

Остановимся несколько подробнее на анализе позиции, которую занимает классик психологии. Сформулируем несколько положений, раскрывающих наше отношение к заявленной и сформулированной выдающимся швейцарским психологом теории.

1. Пиаже анализирует объяснение в психологии «в чистом виде». В качестве модельного примера используется объяснение факта. Однако, хорошо известно, что факт не является исходной точкой психологического исследования. В психологии факт чаще всего «вызывают». Проблема объяснения может быть адекватно решена в том случае, если она анализируется не изолированно, а включена в более широкий контекст. Напомним, что Е. П. Никитин анализировал объяснение в структуре научного исследования. Еще раз обратимся к цитированной выше работе Ж. Пиаже об объяснении. Исследовательская ситуация представляется так, будто реальное исследование начинается с проведения эмпирического изучения, позволяющего «обнаружить законы». Задача научного психолога сводится к тому, чтобы дать объяснение этим законам. Обратим внимание на то, что при подобном подходе вопрос о специфике методов исследования и их обусловленности «выносится за скобки»: его как бы не существует. Это представляется ошибкой.

Между тем, упомянутая глава об объяснении в психологии, написанная Ж. Пиаже, соседствует в популярном руководстве с другой, в которой П. Фресс проницательно замечает, что «научная деятельность – это в такой же степени дело мышления, и, как показал Клод Бернар, нужно говорить не столько о методе, сколько об экспериментальном рассуждении. На факт ссылаются или вызывают его в целях проверки гипотезы, сформулированной экспериментатором» [Фресс, 1966, с. 100]. Нельзя не согласиться с приведенным выше высказыванием. Отсюда следует, что, по-видимому, центральным вопросом методологии психологической науки должен быть вопрос о соотношении теории и метода – если мы хотим понять смысл и логику экспериментального рассуждения (и в значительной степени производного от него объяснения). Как нам представляется, включение проблемы объяснения в более широкий контекст позволяет лучше понять специфику объяснения в психологии, а рассмотрение объяснения вне общей структуры психологического исследования является фактором, препятствующим пониманию механизмов объяснения.

2. Пиаже в своем анализе объяснения не использует исторического подхода. Свой анализ Пиаже строит на материале совре-

менной психологии, тех теорий, который оформились в психологии к середине XX столетия. Как нам представляется, понять механизмы объяснения в области психологии можно только в том случае, если при разработке теории объяснения использовать опыт историко-методологических исследований, анализирующих способы объяснения, сложившиеся исторически. Современные, более сложные варианты объяснения будут более понятны через анализ более простых видов объяснения, использовавшихся на первых этапах развития психологии.

3. Теперь о собственно позиции Пиаже по поводу объяснения. Пиаже считает, что единственным способом объяснения является объяснение причинно-следственное. Как мы видели, он не одинок в своей симпатии к этому виду объяснения. Как будет показано далее, причинное объяснение – это простое объяснение. Таким образом, в качестве способа объяснения неизбежно предполагается редукция. Как свидетельствует работа Пиаже, в итоге именно так и оказывается – объяснение сводится к редукции, а формы его обусловлены используемым «субстратом».

Однако, как представляется, главное состоит в следующем. Сторонник интеллектуализма, ученик и последователь Э. Клапареда, Жан Пиаже за предмет психологии в данном тексте принимает сознание. Конечно, интеллект как система скоординированных операций связан с сознанием, так что его выбор понятен. Вопрос, однако, в другом: насколько этот выбор удачен. Выбирая сознание, Пиаже следует картезианской традиции. Прежде всего, заметим, что сознание представляет собой не лучшую трактовку предмета. Сознание, по всей видимости, только часть реального предмета психологии. Не будем здесь обсуждать о соотношении сознания и предсознания (по Фрейду, и по учению йогов). Разорвав сознание и поведение, определив сознание как содержание психологии и выведя его из сферы причинности, поведение «отписав» организму и в этой области сохранив причинность, Пиаже обрекает себя на обращение к психофизиологическому параллелизму. Таким образом, параллелизм стал абсолютно неизбежным. Ж. Пиаже, как и большинство авторов, считает необходимым «допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой – сопровождающими их нервны-

ми процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или, как обычно говорят, "параллелизм"» [Пиаже, 1966, с. 188]. (На анализе психофизиологической проблемы мы остановимся ниже). Далее Пиаже указывает, что существуют разновидности решения.

«Так, например, классический параллелизм был атомистическим и искал поэлементного соответствия (то есть соответствующего физиологического явления для каждого ощущения, каждой "ассоциации" и т. д.). Гештальттеория, напротив, говорит о принципе "изоморфизма", признавая соответствие между целостными структурами» [Пиаже, 1966, с. 188]. Вряд ли стоит дополнительно уточнять, что вслед за гештальтпсихологией Пиаже выбирает целостность, постулируя изоморфизм.

«Мы прежде всего должны предположить, что главные трудности возникали из-за того, что недостаточно уточнено, каковы же те специфические понятия, которые применимы к одному только сознанию, и вместо них постоянно пользуются обычными понятиями, которые более или менее применимы к материальной причинности (физической или физиологической), но вероятно, лишены всякого смысла в отношении «состояний» сознания, а также сознательных структур (понятия, ценности и т. д.» [Пиаже, 1966, с. 189–190]. «Из семи перечисленных нами форм объяснения только абстрактные модели (В3) применимы к структурам сознания, именно потому, что они могут абстрагироваться от того, что мы называем реальным «субстратом». Причинность же предполагает применение дедукции к подобному субстрату, и отличием субстрата как такового от самой дедукции является то, что он описывается в материальных терминах (даже когда речь идет о поведении и деятельности)» [Пиаже, 1966, с. 190]. Вывод Пиаже знаменателен: «параллелизм между состояниями сознания и соответствующими физиологическими процессами означает изоморфизм между системами импликаций в широком смысле и системами, относящимися к причинности» [Пиаже, 1966, с.191–192]. Согласно Пиаже, «существует полный изоморфизм между системой сознательных операций и механи-

ческой системой» [Пиаже, 1966, с. 192]. Под механической системой имеется в виду искусственный интеллект, способный решать достаточно сложные задачи.

Прошедшие десятилетия убедительно показали, что искусственный интеллект может превосходить человеческий, но работает он не так, как интеллект человека. И, что еще более важно, решение задач человеком вовсе не сводится к логическому процессу и определенному числу импликаций, как представлялось Пиаже. Поэтому его надеждам не суждено было оправдаться. Напомним, завершая свою работу, Пиаже писал: «если параллелизм между фактами сознания и физиологическими процессами зависит от изоморфизма между импликативными системами значений и материальными системами причинного порядка, то в таком случае очевидно, что этот параллелизм влечет за собой также не только дополнительность, но в конечном счете и обоснованную надежду на установление изоморфизма между органическими и логико-математическими схемами, используемыми в абстрактных моделях» [Пиаже, 1966, с. 193]. В действительности из проведенного краткого рассмотрения основных положений теории Ж.Пиаже можно сделать следующий вывод.

В современной психологии теория объяснения, разработанная Ж. Пиаже, не может быть принята в качестве основы. Анализ свидетельствует, что:

1. Говоря о сознании, Пиаже психологию подменяет логикой. В результате реально предмет психологии оказывается разорванным между «сознанием» и «поведением/деятельностью».

2. Пиаже отказывает сознанию в наличии в его сфере причинности, но это означает в первую очередь то, что к сознанию применимы другие виды объяснения, неизвестные Пиаже (например, представленные в обсуждавшейся выше классификации видов объяснения Р. Брауна).

3. Необходимо предпринять усилия, направленные на разработку концепции объяснения, отвечающей задачам сегодняшнего дня.

Поскольку встает задача разработки новой концепции объяснения, эскизно наметим некоторые шаги на пути разработки такой концепции.

1. Необходимо включить объяснение в более широкий контекст, где представлены другие методологические концепты. Желательно это должна быть схема структуры психологического исследования.

2. Необходимо, разумеется, признание множественности видов объяснения, отказ от монополии причинного объяснения.

3. Отказ от психофизического параллелизма.

4. Новая трактовка предмета психологии.

5. Перенос объяснения в структуру предмета.

Последнее, как представляется, требует хотя бы минимального комментария. Дело в том, что использование понятия совокупный предмет психологии позволяет осуществить требование, сформулированное некогда Э. Шпрангером, согласно которому психическое должно объясняться посредством "psychologica – psychological".

Прежде всего, необходимо преодолеть выявленные недостатки традиционной трактовки объяснения.

Остановимся на некоторых моментах представленного выше эскиза разработки будущей концепции объяснения в психологии более подробно.

Объяснение в структуре психологического исследования. Начнем с того, что объяснение необходимо рассматривать не изолированно, а включив его рассмотрение в более широкий контекст. Еще раз обратимся к цитированной нами выше работе Ж. Пиаже. Исследовательская ситуация представляется так, будто реальное исследование начинается с проведения эмпирического изучения, позволяющего «обнаружить законы». Задача научного психолога сводится к тому, чтобы дать объяснение этим законам. Обратим внимание на то, что при подобном подходе вопрос о специфике методов исследования и их обусловленности «выносится за скобки»: его как бы не существует. Между тем упомянутая глава об объяснении в психологии, написанная Ж. Пиаже, соседствует в популярном руководстве с другой, в которой П. Фресс проницательно замечает (мы уже приводили эту цитату), что научная деятельность – это в такой же степени дело мышления и, как показал Клод Бернар, «нужно говорить не столько о методе, сколько об экспериментальном рассуждении» [Фресс, 1966, с. 100]. Фактически, Фресс напоминает

о необходимости контекста, о котором говорилось выше. По-видимому, центральным вопросом методологии психологической науки должен быть вопрос о соотношении теории и метода – если мы хотим понять смысл и логику экспериментального рассуждения (и в значительной степени производного от него объяснения). Как нам представляется, включение проблемы объяснения в более широкий контекст позволяет лучше понять специфику объяснения в психологии. По нашему мнению, задать такой контекст может схема соотношения теории и метода в психологии [Мазилов, 1998].

Соотношение между теорией и методом в психологии периода ее становления как самостоятельной науки может быть представлено в виде схемы (см. рис. 1). Остановимся лишь на некоторых результатах этого исследования в связи с проблемой объяснения. На наш взгляд, такое рассмотрение позволяет лучше понять происхождение объяснения в научном психологическом исследовании, проследить эволюцию форм объяснения на ранних этапах развития психологической науки. Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство его осуществления имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Предтеория – комплекс исходных представлений, являющихся основой для проведения эмпирического или теоретического психологического исследования. Предтеория предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория представляет собой структурный инвариант. В структуре предтеории представлены: идея метода, базовая категория, моделирующие представления. Последние три компонента задают исследовательскую организующую схему.

Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения.

Наличие уровней в структуре метода позволяет по-новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлено следующим образом. Полученный эмпирический материал подлежит интерпретации. Первоначально интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого начального периода называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый – объяснение за счет обращения к физиологии. Второй вариант состоит в том, что, кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит *реинтерпретация* посредством другой категории. Реально объяснение чаще всего на этом этапе ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит). В плане постановки проблемы объяснения важным является случай, когда начинает использоваться объяснительная категория, не совпадающая с базовой. Это можно считать первой формой собственно психологического объяснения.

В дальнейшем по мере развития психологии процедуры объяснения усложняются. В первую очередь происходит усовершенствование самих исследовательских схем. Психология довольно быстро проходит этап, когда используется *одна* базовая категория. Вначале используются аналитический структурный подход, затем функциональный. Функциональный имеет перед структурным явные преимущества в силу своей естественной целостности. Затем появляются процессуальный, генетический,

уровневый. Довольно скоро обнаруживается, что можно использовать не одну базовую категорию, а их сочетание: структура и функция, функция и структура, структура и генезис и т. д.

Поскольку нас интересует, в первую очередь, объяснение, обратим внимание на то, что в качестве объясняющих категорий используются те же самые, что и входят в структуру организующей схемы: структура, функция, процесс, генезис и уровень. Как мы видели, на самых первых этапах при объяснении используется та же категория, что и при исследовании, затем интерпретация может проводиться с помощью другой объясняющей категории, что можно считать первым вариантом собственно психологического объяснения.

На следующих этапах развития психологии практикуются усложненные объяснения. Они представляют собой использование не одной, а сочетания объясняющих категорий: структура и функция, функция и структура, структура и генезис и т. д.

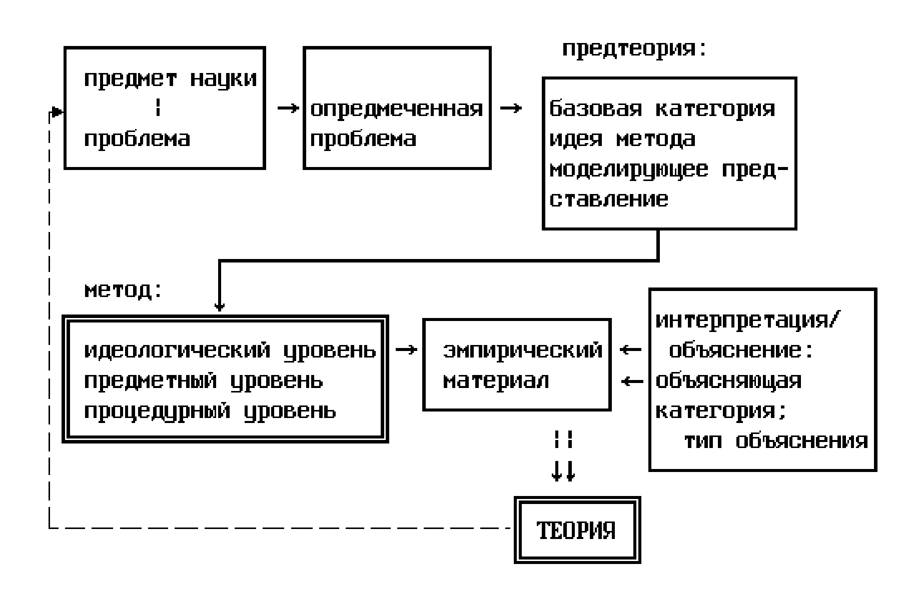


Рис. 1. Соотношение теории и метода в психологии

Как пишет Е. П. Никитин, «в научной практике, как правило, даются сложные объяснения: комбинированные и смешанные» [Никитин, 1970, с. 107]. Эту мысль комментирует в своей статье А. В. Юревич: «В психологии, как и в биологии, достаточно широкое распространение получили эволюционные объяснения, состоящие в указании на то, что то или иное свойство человеческой психики выполняет определенную приспособительную функцию, которая является продуктом эволюции, то есть объяснения, представляющие собой синтез генетического и функционального объяснения. Смешения – «миксты» – базовых видов объяснения могут порождать достаточно самостоятельные виды объяснения такие как, например, эволюционные объяснения, что увеличивает количество их основных типов.

Кроме того, психологические объяснения, как правило, имеют «скрытую часть», представленную «неявными» допущениями и т. п., вынесение которой за скобки способствует закреплению иллюзии, будто эти объяснения в большинстве случаев делают упор на что-то одно – интенции, диспозиции, эмпирические обобщения, функции и др.

Например, существование какого-либо психологического процесса объясняется через его функции, то есть дается функциональное объяснение. Для большинства психологов такое объяснение является самодостаточным, поскольку сразу же актуализирует дарвиновскую парадигму, согласно которой эволюция закрепляет то, что функционально полезно. Таким образом, за функциональным объяснением может стоять и генетическое объяснение, и эмпирическое обобщение, и даже соответствующая теория, но они как бы находятся в «скрытой области» этого объяснения, отсутствуя в нем самом и создавая для него необходимые точки опоры, без которых такое объяснение «зависло бы в воздухе» [Юревич, 2006а, с. 77].

Представляется чрезвычайно интересным и следующее замечание А. В. Юревича: «Подобную функцию “неявной опорной области” научных психологических объяснений может выполнять и житейское психологическое знание. Например, психологические феномены могут объясняться тем, что “очевидно” для каждого, нередко “останавливая” процесс научного объяснения и

делая его дальнейшее разворачивание “излишним”» (зачем объяснять очевидное?) [Юревич, 2006а, с. 77].

Хотелось бы сделать еще одно важное замечание по поводу перспектив использования уровневых объяснений в психологии. В этом отношении отметим многолетние исследования М. С. Роговина и его последователей, посвященные структурно-уровневым исследованиям психики [Роговин, 1969, 1977, 1979]. Г. В. Залевский резюмирует результаты реализации данного подхода следующим образом: «В результате проведенных исследований М. С. Роговин и его ученики, следуя таким мыслителям, как Аристотель, Х. Джексон, П. Жане и Н. А. Бернштейн, пришли к заключению о возможности объяснять закономерности многих видов деятельности и поведения их структурно-уровневой организацией… Под последней имеется в виду идеализированное соотношение целей и средств деятельности, когда уровень цели выступает как высший, то есть направляющий и регулирующий, а средства образуют иерархическую структуру, подчиненную этому уровню цели. Совершаемые человеком (в психологическом исследовании – испытуемым) действия осуществляются в рамках этой структуры, но вместе с тем они образуют и иную – уже динамическую (в нашей терминологии акциональную (от франц. action – ‘действие’; необходимо отличать акциональные уровневые структуры от уровневых структур личности, хотя между ними есть и много общего) структуру соответствия самих действий идеализированной структуре целей и средств. Уровни этой акциональной структуры определены многими параметрами (адекватность цели, время, наличие или отсутствие ошибок, легкость выполнения, способ кодирования и т. д.). Следует отметить, что наличие акциональных уровней не очевидно, они являются результатом специально проведенного психологического анализа» [Залевский, 2006, с. 43–44].

Обратим особенное внимание на то, что идеи структурно-уровневого подхода и наработки в области структурно-уровневого объяснения необходимо использовать при построении концепции объяснения в психологии.

В рамках нашего подхода, как можно было увидеть, виды объяснения выделяются в зависимости от использования тех или иных объясняющих категорий. Схема соотношения теории и ме-

тода была приведена для иллюстрации того, что объяснение рассматривается в данном случае как сложный феномен: факты, подлежащие объяснению, добываются с помощью исследовательской организационной схемы, интерпретируются и объясняются с помощью объяснительной схемы, в которую входят объясняющие категории.

Вопрос о том, как соотносятся различные виды объяснения, в том числе и выделенные по иным основаниям, например, как в эмпирической классификации Брауна, в данном параграфе не обсуждается, так как это должно быть предметом специального исследования. Настоящая публикация является первой, в которой реализуется новый подход. Поэтому заметим также, что в данной статье не обсуждается роль моделирующих представлений в объяснении тех или иных фактов. Скажем только, что, как можно полагать, именно различия в моделирующих представлениях субъектов выступают в качестве главной причины неправильного понимания в структуре объяснения.

Новая трактовка предмета психологии. Второй пункт (из намеченных нами шагов по разработке подхода к построению концепции объяснения) мы уже затронули в предыдущем разделе. Понятно, что в развиваемом подходе предполагается множественность как видов, так и типов (и форм) объяснения. Как отмечалось выше, предстоит соотнести виды, выделенные по разным основаниям. Здесь же мы сосредоточимся на следующем, третьем, пункте, который действительно представляет собой сложность и достоин специального обсуждения.

Итак, трактовка предмета. Как мы видели, одна из сложностей, приведшая, в конечном счете, проект Ж. Пиаже к неудаче, состояла в том, что швейцарец разорвал предмет психологии, который частично попал в сознание (сферу, где не действует причинность), а частично представлен (как, очевидно, стоит полагать) в поведение, к которому понятие причинности применимо. Нам уже приходилось неоднократно писать, что, по нашему мнению, целесообразно рассматривать внутренний мир человека как предмет психологии. Была приведена соответствующая аргументация, показано, что понятие «внутренний мир» выполняет те функции, который должен выполнять предмет в структуре

психологического знания и в структуре психологического исследования.

В данном разделе скажем только, что, рассматривая предмет психологии подобным образом, получаем возможность преодолеть серьезные трудности в объяснении психики. Традиционное понимание предмета делает практически неизбежной редукцию психического к непсихическому. Традиционное понимание предмета как внутренне простого делает неизбежным использование именно причинно-следственного объяснения: сведéние, редукция предполагает причинно-следственные отношения. Е. П. Никитин характеризует специфику причинного объяснения так: «Причинное объяснение является относительно простым видом объяснения. Оно раскрывает сущность как нечто «пассивное», «страдательное», произведенное другим объектом. А такое исследование объекта всегда оказывается более простым, нежели анализ его собственного активного функционирования. Причинное объяснение часто исследует объект не имманентно, а «со стороны», посредством указания другого, внешнего объекта. Это происходит в тех случаях, когда объясняемый объект произведен так называемой внешней причиной. Исследование же объекта «извне», через его внешние соотношения с другими объектами, как показывает история науки, является более простым, нежели имманентное познание внутренних связей и структуры. Все эти факторы обусловливают относительно большую простоту причинного и вообще генетического объяснения…» [Никитин, 1970, с. 88–89]. Таким образом, «активное функционирование объекта» в принципе не может быть раскрыто; не раскрывается и «имманентное познание внутренних связей и структуры» (что, кстати, является важнейшей задачей психологии). Отсюда становится понятным, что источник активности психики «обнаруживается» в физиологии, социологии, логике и проч. в зависимости от склонности использовать тот или иной тип редукции. По нашему мнению, продуктивен тот подход, который видит источник активности психики в ней самой.

Кроме того, обратим внимание, что трактовка внутреннего мира как сложного образования создает возможности для использования разных видов объяснения.

Перенос объяснения в структуру предмета. Последнее, как представляется, требует хотя бы минимального комментария. Дело в том, что использование понятия «совокупный предмет психологии» позволяет осуществить требование, сформулированное Э. Шпрангером, согласно которому психическое должно объясняться через психическое: «psychologica – psychological», о чем уже упоминалось выше. Представлена архитектоника внутреннего мира и разработаны представления о том, как исследовать законы, феноменологию и механизмы внутреннего мира [Шадриков, Мазилов, 2015]. Внутренний мир, как мы уже отмечали, сложен. И вряд ли един. Понятно, что он включает составляющие, имеющие разное происхождение и различную обусловленность. Поэтому стоит быть готовым к тому, что в рамках единого внутреннего мира представлены разные механизмы. Вряд ли мы поймем ощущения без использования понятия «отражение». Но это никоим образом не означает, что вся остальная психическая жизнь тоже отражение. Вспомним, что уже Аристотель отмечал: «…мыслить – это во власти самого мыслящего, когда бы оно ни захотело помыслить; ощущение же не во власти ощущающего, ибо необходимо, чтобы было налицо ощущаемое» [Аристотель, 1975, с. 407]. Надо полагать, что и механизмы этих процессов различны. Вряд ли стоит распространять принцип отражения на все. Отражение, несомненно, имеет место в области чувственного познания, создавая «чувственную ткань», но мы знаем, что уже на уровне восприятий сталкиваемся с заметным «обратным влиянием», когда внутренний мир фактически организует перцепцию. Совершенно очевидно, что в рамках внутреннего мира человека открываются широчайшие перспективы использования разных видов и форм нередуктивного объяснения. Обратим внимание на то, что в структуре внутреннего мира есть компоненты, на которые больше влияет «биология», но есть и те, которые более подвержены влиянию «социального». Открывается свобода для использования разных видов объяснения.

Отказ от психофизиологического параллелизма. Как мы видели в работе Ж. Пиаже, позиция психофизиологического параллелизма абсолютно неконструктивна. Причем неконструктивна она и в классическом поэлементном варианте, продукте

XIX столетия, и в варианте целостном, соответствующем реалиям XX столетия и созданном не без влияния физики. В последнем случае возрождается идея изоморфизма, которая была использована в гештальтпсихологии и, в конечном счете, себя также не оправдала.

Как уже упоминалось, внутренний мир человека представляет собой психическую реальность, имеющую внутреннюю архитектонику. Это естественный объект, представляющий собой систему. Исследование такого объекта представляет собой классический вариант системного подхода, точнее – содержательного системного подхода. Известно, что различные совокупные предметы имеют различный потенциал и перспективы в плане психологического исследования. Совокупный предмет определяет собой рамки и границы психологии. Следует специально подчеркнуть, что это важнейший для психологии вопрос. Дело в том, что предметное пространство психологии должно представлять собой целостность, позволяющую организовать конструктивную исследовательскую работу, и далеко не каждое широкое психологическое понятие может претендовать на то, чтобы представить собой совокупный предмет. Известный советский психолог П. Я. Гальперин видел истоки методологического кризиса психологии в том, что сама психология не смогла преодолеть дуализм. На наш взгляд, в решении психофизиологической проблемы допускаются серьезные ошибки, а их сочетание делает проблему фатально неразрешимой.

Первая. Предмет психологии понимается как простой. Удивительная традиция, которую можно проследить, по меньшей мере, начиная с XIII века с времен Фомы Аквинского: душа – простая сущность. Если психика или сознание понимаются как нечто простое. Кроме того, его вообще заменяют на единицу, клеточку, этот предмет представляющую. Полагается, что ее изучать легче. Как мы помним, это открывает только один путь – тупиковый. Предмет внутренне прост, следовательно, объяснение привносится извне. Это редукция, о которой говорилось выше.

Вторая. Декартовский дуализм, предполагающий разделение на тело и душу. Душа сознает, тело выступает источником активности. Мы видим, что это не так. Внутренний мир живой, он

и источник активности тоже. Сознание само по себе не есть вся психика. Об этом уже говорилось

Третья. Используется причинно-следственное объяснение. Это простое объяснение, о чем мы уже говорили. К самому сложному применять самое простое объяснение не очень дальновидно. Мы уже этого касались.

Подведем итог. Сочетание этих трех моментов делает психофизиологическую проблему неразрешимой. Описываемый в параграфе подход, при котором мир психических явлений обретает надежную нейрологическую основу [Шадриков, 2006], как представляется, позитивен, поскольку в этом случае, по крайней мере, удается избежать редукционизма и физиологизма. Согласно В. Д. Шадрикову, в основании развития и функционирования внутреннего мира человека лежит логика функциональных систем [Шадриков, 2006]. Впрочем, обоснование этого положения представляет собой самостоятельную задачу, заслуживающую отдельной работы.

Подведем предварительные итоги. По нашему представлению, наиболее сложным и актуальной является задача разработки собственно психологической теории объяснения, к которой вплотную подошли. Выполнены предварительные условия, которые оказались необходимыми в свете наших предварительных исследований. Особенно важно, на наш взгляд, описать и исследовать центральное звено в психологии исследуемого процесса: внутренний переход от формирования понимания психического явления к его объяснению в собственном смысле этого слова. Иными словами, переход от предтеории к формирующейся объяснительной схеме. Отметим, что становится чрезвычайно актуальной проблема соотнесения видов объяснения, выделенных по разным основаниям. Особенно важной эта проблема становится в свете интеграции психологического знания и, более широко, интеграционных процессов в психологии. Вероятно, целесообразно обсудить вопрос о видах, типах и формах объяснения. Можно констатировать, что проблема видов в настоящее время находится в состоянии интенсивного исследования. Тем не менее, уже сейчас требуется работа по соотнесению видов, выделенных по различным основаниям, типов и форм объяснения.

Таким образом, можно подвести итог. Для дальнейших исследований объяснения в психологии первоочередным необходимым условием является решение проблемы предмета. Как мы пытались показать, трактовка предмета как внутреннего мира позволяет продолжить исследования в намеченном направлении.

Примечания

[4]Разумеется, попытки обнаружить причины кризиса в мировой психологии предпринимались и зарубежными авторами, среди которых стоит вспомнить К. Бюлера, К. Левина и др. Отметим, что книги по проблеме кризиса выходили и раньше. (В рамках настоящей публикации нет возможности рассмотреть данный вопрос, поэтому отсылаем читателя к подробному анализу различных диагнозов кризиса, поставленных в 1920-1970-е годы.

[5]Возможно, что препятствием послужила статья Ж. Пиаже и Б. Инельдер, помещенная в седьмом выпуске французского издания о психологии образа. Наученные опытом статьи об объяснении, цензоры сочли несвоевременной такую публикацию. Впрочем, это всего лишь предположение.

[6]О проблеме объяснения в XX столетии в зарубежной психологии должен быть отдельный разговор. Хотя в целом судьба проблемы похожа: роль «злого гения» там сыграл позитивизм. К анализу этого вопроса мы обратимся в одной из ближайших работ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой книге был обоснован новый подход к рассмотрению и пониманию предмета психологической науки. Новый подход, как было показано, состоял в том, что предмет предлагалось понимать как совокупный предмет, обнимающий всю психологическую реальность. Собственно говоря, новизна подхода относительная, ибо на протяжении многих веков считалось, что психология должна изучать человеческую душу. Напомним, что душа как раз и представляла собой целостность, охватывающую собой все душевную жизнь человека.

Когда в начале XVI века Марко Марулич (1450–524) предложил название для нашей науки, он, как можно предположить, нисколько не сомневался – это «психология», наука о душе. Все его многочисленные предшественники – от легендарного Гомера до его современников – говорили, обращаясь к этой сфере, про душу. Говорили по-гречески о «псюхе» или по латыни – об «аниме». Сам Аристотель, признанный отец психологии, свой трактат про душу так и назвал – О Душе, в латинском переводе «De anima». Если бы Аристотелю пришло в голову очертить эту область знания как отдельную науку и дать ей имя, можно не сомневаться, что он предложил бы греческий вариант слова психология, поскольку рассмотрение души, ее изучение он именовал «λόγος» – учение о душе. Но ему вполне хватало других занятий, душа в его понимании изучалась и философией, и науками о природе (физикой), поэтому изобретение термина отодвинулось на целых восемнадцать столетий. Правда и то, что на протяжении многих веков ни у кого не «поднималась рука» – никто на душу «не покушался». Трактовалась душа по-разному, это правда. Ни Декарт, который наделил ее новыми функциями, ни скептик Давид Юм, ни Кант, установивший границы человеческого познания, – никто из классиков философии даже и не мыслил об отказе от души. Гоббс и Спиноза, сильно сомневавшиеся в особой сущности души, тем не менее, от самого термина «душа» не отказались. Даже «создатель научной психологии» Вильгельм Вундт, провозгласивший, что физиологическая психология должна быть наукой о непосредственном опыте, не от-

вергал души. Да что там Вундт, и сам ниспровергатель основ Ницше писал про душу... Но произошло то, что произошло. Сначала, сомневаясь в душе, психологи заменили исследование души изучением душевных явлений, а потом и сама душа исчезла из их научных текстов, замененная термином «психика». Мы уже приводили высказывание С. Л. Франка, согласно которому «прекрасное обозначение «психология» – учение о душе – было просто незаконно похищено и использовано, как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что, когда теперь размышляешь о природе души, о мире внутренней реальности человеческой жизни как таковой, то занимаешься делом, которому суждено оставаться безымянным или для которого надо придумать какое-нибудь новое обозначение» [Франк, 1995, с. 423].

Кстати сказать, соавтор Франка по схеме изучения личности, замечательный русский психолог А. Ф. Лазурский написал очень хороший учебник психологии, в котором, естественно было упоминание о душе. Можно в качестве иллюстрации к рассматриваемому вопросу привести пример именно с этим учебником. Третье издание оказалось уже «бездушным». В 1924 году, переиздавая учебник Лазурского (по второму изданию 1915 года), Л. С. Выготский как редактор выбрасывает упоминания о душе (студенты должны по какому-то учебнику учиться, а новых пока что нет). Выготский поясняет в своем предисловии, перечисляя купюры и вставки в труд Лазурского: «еще выпущена одна страница из главы I – „Предмет и задачи”, где автор вразрез с общей своей точкой зрения защищает право науки на введение гипотез и утверждает, что в этом смысле понятие души как основы наблюдаемых нами психических процессов имеет полное право на существование. Это отбрасывает нас так далеко назад в прошлое даже по сравнению с эмпирической психологией, этой психологией без души, что прозвучало бы несомненным и резким диссонансом в курсе научной психологии» [Выготский, 1982, с. 65].

Хочется подчеркнуть, что отказ от «души» был результатом самоопределения психологов. Никакого внешнего, или идеологического давления первоначально не было. Они посчитали, что так будет удобнее. И их можно понять: успехи естественной

науки вызвали у психологов чувство сродни зависти. Они захотели быть «как все» (представители естественных наук). У. Джемс, который писал о современной психологии как о естественнонаучной дисциплине (этого мы ниже коснемся) мудро и прозорливо заметил, что «Бог может простить нам грехи наши, но нервная система – никогда». Не будем прослеживать историю души в XX столетии. Скажем только, что в настоящее время в научных текстах по психологии про душу по-прежнему вспоминают не часто. Из современников отметим, что о душе писал замечательный психолог В. П. Зинченко. Классик психологии, в частности, отмечал: «У меня хватает чувства юмора, чтобы не определять душу. Более того, едва ли возможно ее определение. Это не столько понятие, сколько некоторый культурный концепт» [Зинченко, 2005, с. 34]. Про душу и духовные способности писал другой известный российский психолог В. Д. Шадриков [Шадриков, 2006].

Прежде попытаемся понять, что мы достоверно знаем о душе? Конечно, что она включает познание, чувства и волю… Что в душе существует духовный компонент… А в чем ее сущность? Ответить сложно… Еще раз повторим, не влияние идеологии, а собственное стремление психологов к обновлению заставило отказаться от души и заменить древний термин другим словом. Попробуем представить себе, что такое душа. В лучшем случае размытое представление о двойнике человека (или двойнике некоей надчеловеческой сущности, что в принципе то же, только еще более неопределенно). Немного отвлечемся и обратимся к истории психологии. Иногда исторические размышления бывают полезны. Они наводят на определенные выводы, которые могут показаться весьма странными.

Сама идея истории науки неразрывно связана с понятием прогресса: только продвижение человеческого познания и его углубление придает смысл научным изысканиям. История любой науки это наглядно подтверждает, поскольку прогресс там совершенно очевиден. Даже сомнение в его наличии выглядит слегка неуместным и заставляет усомниться в умственном здоровье сомневающегося субъекта. Как ни парадоксально, даже изыскания философов науки XX столетия (К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун и др.), опровергающие кумулятивную модель разви-

тия науки, не смогли поколебать общее представление о прогрессивном поступательном развитии науки. Однако не будем забывать, что психология – наука особая, там многое не так, как в других дисциплинах, в психологии все по-другому. В психологии сам прогресс немного иной. Ставшее стереотипом сознания современного человека представление о постепенном (пусть даже противоречивом и скачкообразном) развитии вступает в явный конфликт с картиной, открывающейся взору непредубежденного историка психологической мысли. Возникает впечатление, что в области психологической науки идеи «прогресса» оказываются «недействительными»: последующие теории вовсе не обязательно оказываются лучше предшествующих. Более того, сам прогресс оказывается очень неравномерным. Размышления же приводят к парадоксальному выводу: если психология действительно является наукой о душе, то приходится признать, что в понимании собственно этого предмета мы продвинулись со времен Платона и Аристотеля не так уж далеко. Можно представить себе разгневанного психолога-сциентиста, приводящего убедительный перечень примеров того, что Аристотель и помыслить не мог, скажем, о нейропсихологии, ибо наивно полагал, будто мозг является «железой для охлаждения разгоряченной крови», а также и о множестве иных вещей (к примеру, об авиационной и космической психологии). Нельзя отрицать очевидное, разгневанный оппонент, безусловно, прав. Но хочется обратить внимание на одну деталь – довольно существенную, на наш взгляд. Во всех этих примерах (их перечень может быть практически бесконечным, достаточно заглянуть в психологический справочник – достижения психологии велики и значимы) речь идет преимущественно именно о «вещах» (то есть не о собственно «псюхе»). Действительно, нам немало известно о закономерностях поведения, разнообразных «деятельностях», но попрежнему очень мало о «псюхе».

Наше пристрастие к термину «психологический» не должно вводить в заблуждение: очень часто психологическое оказывается «проекцией» на неопределенный, «размытый» предмет психологической науки реальных, действительных наработок и расчленений в других научных дисциплинах – от анатомии и физиологии мозга, через социологию и лингвистику до инфор-

матики и вычислительной техники. «Расчленения», реально произведенные в других научных дисциплинах, «спроецированные» в психологию и «облеченные» в психологическую терминологию могут создать иллюзию благополучия. Но это всего лишь иллюзия... Таким образом, психологическая теория неизбежно приобретает характер метафоры: теории, именуемые психологическими, но реальный предмет исследования в этом случае отличен от декларируемого.

Уместно заметить, что подобную перспективу предвидел уже сам Аристотель – первый абзац его знаменитого сочинения (De anima) заканчивается следующими словами: «Ведь душа есть как бы начало живых существ. Так вот, мы хотим исследовать и познать ее природу и сущность, затем ее проявления, из которых одни, надо полагать, составляют ее собственные состояния, другие же присущи – через посредство души – и живым существам» [Аристотель, 1975, с. 371]. То есть речь здесь идет о наличии собственно психологических, психофизиологических и биологических проявлений деятельности души (как поясняет автор комментариев к тексту Аристотеля А. В. Сагадеев) [Аристотель, 1975, с. 499]. Теперь более понятно становится, что такое прогресс в психологии: «отсутствие» его относится к «собственно психологическому» аспекту.

Если в области «несобственно» психологической (психобиологической и психофизиологической) прогресс очевиден, то «природа и сущность» психики по-прежнему полны тайн... Будем различать, согласно мудрому Аристотелю, эти аспекты.

В понимании того, что такое психика, какова ее природа и сущность, мы продвинулись пока мало. Впрочем, нам пора вспомнить, что живем мы в XXI столетии. И нам привычнее объясняться на языке науки, то есть, используя термины научнопсихологической методологии. Обратимся к опыту методологических исследований, проведенных нами и посвященных рассмотрению этих вопросов. Рассуждая о предмете психологии, мы очень хорошо понимаем: все, что может выступать в качестве такового, неизбежно является абстракцией высокого уровня. Человеческому уму очень трудно ее просто представить (и еще труднее ею оперировать). Поэтому на помощь приходит функция понимания, которая связана с тем, что мы пытаемся

преобразовать непонятную абстракцию, замкнув ее на образ материального объекта. Иными словами, происходит то, что было в свое время описано Н. Г. Алексеевым как моделирующие представления. Об этом мы уже писали подробно в разделе 1.6.

Для души отсутствуют в настоящее время адекватные моделирующие представления (во всяком случае такие, которые выдерживали бы критику). И правы те, кто настаивают на том, что есть дух, наличие которого в структуре души несомненно. Не развивая эту мысль далее, скажем лишь, что понятие души для отечественной психологии важно, потому что в нем содержится огромный потенциал.

На наш взгляд, движение в правильном направлении задает теоретическая разработка проблемы предмета. Как представляется, положение в психологии не является исключением. Можно полагать, что физикам тоже не вполне ясно, в чем состоит сущность силы, но это, по-видимому, не мешает вполне успешно двигаться и разрабатывать дальше эту в высшей степени респектабельную научную дисциплину.

Мы должны хорошо понимать, что в действительности никогда не исследуем душу как таковую, но всегда нечто более простое, доступное нашему пониманию. То, что доступно нашему пониманию, представляет собой метафору. Относительно этой метафоры выстраиваются наши рассуждения. Мы исследуем отражение, деятельность, адаптацию, регуляцию, ориентировку и тому подобное. Полезно помнить, что это, согласно Аристотелю, другие уровни. В этой сфере – прогресс налицо. Нами построено множество теорий, концепций, обобщений, гипотез, схем и т. п., которые имеют характер метафор. Л. С. Выготский очень точно отметил, что все слова психологии суть метафоры, взятые из пространств мира [Выготский, 1982].

Обратим внимание на один принципиальный момент. Нам уже приходилось писать о том, что логика выделения единиц неизбежно приводит к тому, что происходит «воплощение» психического, в частности, его сведение к тем или иным моделирующим представлениям (см. раздел 1.6). Иными словами, уже в процессе *понимания психического* происходит определенная редукция. Такое сведение представляется неизбежным, но это не так.

Этого не произойдет, если мы будем понимать под предметом науки психологии целостность, то есть *совокупный предмет*. Это создает принципиальную возможность идти не от элементов или единиц, а именно от *целого*. Причем целое это не то «трансцендентное «целое» в его непостижимой сущности», от которого предостерегал Э. Г. Юдин. В нашем случае моделирующим представлением выступает «мир», но внутренний мир, который имеет свою архитектонику (созданную на основе опыта философских и психологических исследований в предшествующие столетия). Обратим внимание еще на один момент. Это единство не *задается* декларативно, а *обнаруживается* через единство входящих в него компонентов, которые трактуются не как разнородные, а, напротив, как взаимообусловленные. Именно поэтому мы смело можем утверждать, что при таком подходе используется нередуктивная логика исследования.

Реализуя целостный подход, мы избегаем многих ошибок прошлого:

1) Представления о «простоте» предмета (Применительно к душе появилось соображение, имеющее, видимо, скорее религиозные, чем философские корни, и выполняющее роль своего рода «предохранителя» от несанкционированного проникновения «в глубины» души. Речь идет, фигурально выражаясь, о «предохранительном устройстве» в виде представления о том, что душа представляет собой «простую вещь» или «простую субстанцию». Здесь не место вдаваться в исторические детали, но такое представление сформировалось уже в трудах Фомы Аквинского и продолжало явно или неявно транслироваться на протяжении столетий. Иными словами, это представление выполняло важную функцию – препятствовать возникновению «лишних» вопросов о душе. Научная психология «без души» унаследовала это представление. Логика убедительная: если простая, значит, несводимая, неразложимая, не подлежащая объяснению…

2) Представление о том, что предмет психологии может быть заменен единицей или клеточкой. Использование марксовой логики казалось замечательным достижением. При этом упускалось из виду, что предмет психологии и дисциплин, относящихся к социальным наукам, может существенно отличаться. Соответственно, и стратегии разработки предмета могут тоже

различаться и весьма существенно. Как мы пытались показать в книге, такая стратегия в разработке проблемы предмета психологии, похоже, себя не оправдала. Соответственно, и стратегии разработки предмета могут тоже различаться и весьма существенно. Как мы пытались показать в книге, такая стратегия в разработке проблемы предмета психологии, похоже, себя не оправдала. Отметим, что в переносе на психологию логики других наук ничего нового нет. Еще на заре научной психологии предпринимались попытки разработки психологии по образцу механики, химии или биологии.

Как мог убедиться читатель, в книге развивался принципиально другой подход. Автор исходил из того, что предмет должен рассматриваться как целостность, именно как совокупный предмет – внутренний мир человека. Было показано, что данный подход имеет свои преимущества и определенные перспективы. Обсуждению вопросов теоретического исследования предмета была посвящена *первая глава*.

Вторая глава данной монографии была построена по следующей логике. Были взяты некоторые актуальные проблемы из числа стоящих перед современной психологией, решение которых связано с ощутимыми методологическими трудностями. Было показано, что затруднения при их решении связаны с принципиальной нерешенностью общей проблемы – предмета психологической науки.

Несколько слов о дальнейших исследованиях.

В книге содержится попытка демонстрации преимуществ развиваемого подхода. Развитие исследований, в частности, уточнение архитектоники внутреннего мира человека и демонстрация новых возможностей подхода в плане решения задач общей психологии составляет *первое направление* дальнейших исследований.

Второе направление дальнейших исследований связано с решением проблем, связанных с новыми перспективами взаимоотношения психологии с зарубежной психологией и другими науками, о чем, в частности, речь шла во второй главе книги. Это направление условно можно назвать *эвристическим.*

И, наконец, *третье направление* (о нем речь шла в разделе 2.4. и 2.5.) связано с *интеграцией* психологического знания.

Таким образом, можно полагать, что сформулированный в книге подход ставит перед методологией психологии новые задачи и имеет некоторые перспективы реализации.

И, наконец, самое последнее.

Речь пойдет о достаточно далеком будущем психологии. Напоследок позволим немного пофантазировать. Речь пойдет о построении *междисциплинарного предмета.* Это, как представляется, потребует обращения к наследию М. М. Бахтина [Бахтин, 2010, Бахтин, 1975, Мазилов, 2018а, 2018б].

Идея полифонизма, как хорошо известно, разработана М. М. Бахтиным, замечательным отечественным ученым-гуманитарием. Идеи полифонизма и диалога широко известны, являются своего рода общим местом. Тем не менее, нам представляется, что эвристический потенциал идей М. М. Бахтина в методологии психологии не только не востребован, но даже в должной степени не обозначен. В рамках настоящего текста мы попытаемся прояснить этот непростой вопрос применительно к психологии.

Кроме несомненного вклада в философию, филологию, культурологию, лингвистику и другие дисциплины (работы М. М. Бахтина хорошо известны, он непосредственно и целенаправленно этим занимался), существуют другие каналы влияния. К ним относится, например, трансфер способов анализа на другую предметную область (в частности, на психологию). Для современной психологии как представляется, важны идеи М. М. Бахтина. Идеи М. М. Бахтина о полифонизме и диалоге чрезвычайно актуальны для современной психологии. Для полноценного развития психологической науки в XXI столетии необходимо взаимодействие научной психологии с другими составляющими психологического знания в современной мировой культуре. Речь идет не только о полифонизме национальных культур, что вполне очевидно.

Могут быть выделены уровни, на которых возможна реализация идеи полифонизма в современной психологии.

Макро-уровень (полифонизм психологии как науки и литературы, искусства, философии, религии).

Мезо-уровень: полифонизм академической психологии и психологии трансперсональной, психологии философской, а также практико-ориентированной психологии.

Микро-уровень – собственно психологический, предполагающий полифонизм внутри научной психологии, то есть взаимопонимание и взаимодополнение между теориями и концепциями одного уровня. Традиционно считается, что теории в психологии несоизмеримы (Т. Кун). Автором сформулирован принцип соизмеримости теорий в психологии и на этой основе разработана коммуникативная методология, позволяющая соотносить различные психологические концепции одного уровня, представлен соответствующий методологический аппарат (подробно об этом в главе 2.4. настоящей монографии). Идея полифонизма и диалога в полной мере может быть реализована в рамках философии психологии.

Обратимся к работе М. М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924 год) [Бахтин, 1975].

Приведем цитату из работы М. М. Бахтина. «Автономия искусства обосновывается и гарантируется его причастностью единству культуры, тем, что оно занимает в нем не только своеобразное, но и необходимое и незаместимое место; в противном случае эта автономия была бы просто произволом, с другой же стороны, можно было бы навязывать искусству какие угодно цели и назначения, чуждые его голофактической природе: ему нечего было бы возразить, ибо голую природу можно только эксплуатировать; факт и чисто фактическое своеобразие не имеют права голоса, чтобы его получить, им нужно стать смыслом; но нельзя стать смыслом, не приобщившись к единству, не приняв закон единства: изолированный смысл – contradiction in adjecto. Преодолеть методологическую разноголосицу в области изучения искусства можно не путем создания нового метода, еще одного метода – участника в общей борьбе методов, только по-своему эксплуатирующего фактичность искусства, но лишь путем систематико-философского обоснования факта и своеобразия искусства в единстве человеческой культуры» [Бахтин, 1975, с. 30].

Приведем комментарий С. С. Аверинцева: «Суть позиции Бахтина состояла не в «против», но в «за»: не в оспаривании, не в отвержении, но в утверждении, в защите прав целого перед лицом неправых притязаний частного» [Аверинцев, 2010, с. 95]. С. С. Аверинцев подчеркивает, что для понимания полифонизма необходимо присутствие целого. Причем задать это целое, пожалуй, труднее всего. Снова обратимся к анализу, проделанному С. С. Аверинцевым: «Цитированные выше слова М. М. Бахтина о «приобщении единству», о необходимости «обоснования факта и своеобразия искусства в единстве человеческой культуры» особенно много дают для уяснения специфического места этого исследователя в науке. Это место «любомудра» среди «специалистов» Попробуем начать вот с чего: научное знание есть, вообще говоря, частное знание (точное именно за счет того, что частное); проблема не в том, что наука в каждый момент знает не «все» (это преодолевается в потенции движением науки в направлении «всего») и не в том, что каждое отдельное исследование и каждый отдельный исследователь может заниматься только частными проблемами, проблемами «по его части» (это преодолевается реально системностью коллективного научного дела), но в том, что каждая научная дисциплина в соответствии с возложенными на себя законами методической строгости снимает с реальности некую проекцию на свою плоскость и принуждена вести будничную работу именно с этой проекцией. Так и должно быть, жаловаться здесь не на что, но есть чего остерегаться. Если умственному усилию, затраченному на технически правильное снятие проекции, не ответит равновеликое духовное усилие, направленное на восчувствование онтологического приоритета реальности сравнительно с проекцией, как бы нам не оказаться в фиктивном мире схем, вышедших из своей инструментальной роли и узурпировавших противопоказанную им автономию (что несколько напоминает карьеру Тени в сказке Андерсена) [Аверинцев, 2010, с. 96]. «Перед гуманитарией, как открытым вопрошанием человека о своей сущности, встает угроза потери своего предмета; дегуманизированная гуманитария, гуманитария без человека – довольно скверная шутка» [Аверинцев, 2010, с. 96–97].

«Гуманитарии нужны мыслители, мысль которых призвана отстоять для нее гуманитарии, не только права на своеобычность, но само бытие ее предмета» [Аверинцев, 2010, с. 97]. «Один из таких мыслителей, открывающих литературоведению выход в пространства философской антропологии, – Михаил Михайлович Бахтин – … По части Бахтина всегда было целое: то самое единство человеческой культуры, понимаемое как длящийся диалог, который начался до нас и в который призваны вступить мы» [Аверинцев, 2010, с. 97].

Как нам представляется, логика, использованная М. М. Бахтиным для обоснования искусства в культуре, однозначно годится для становящейся философии психологии. Более того. Как нам представляется, М. М. Бахтиным обозначен тот методологический путь, который возможно использовать для построения предмета междисциплинарного взаимодействия. Этой задаче автор планирует посвятить специальную работу. Иначе разговоры о междисциплинарности могут оказаться красивыми фразами, за которыми не будет предметного содержания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверинцев С. С. Личность и талант ученого // М. М. Бахтин. Философия России второй половины XX века. Москва : Росспен, 2010. С. 93–101.

2. Агамбен Дж. Пилат и Иисус / Пер. с итал. М. Лепиловой; послесл. А. Скидана. Москва : Grundrisse, 2014. 126 с.

3. Алексеев Н. Г. О психологических методах изучения творчества / Н. Г. Алексеев, Э. Г. Юдин // Проблемы научного творчества в современной психологии. Москва : Наука, 1971. С. 151–203.

4. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. Москва : Наука, 1977. 380 с.

5. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л. : ЛГУ, 1968. 339 с.

6. Аристотель Сочинения: в 4 т. Т. 1. Москва : Мысль, 1975. 550 с.

7. Асмолов А. Г. «Вечный вопрос психологии: помогает ли решение проблем психологии разрешать "психологические проблемы"?». Режим доступа: / https://psy.su/feed/7542/. (Дата обращения: 12.01.2020).

8. Балл Г. А. Стратегии универсализации представления человековедческих знаний / Г. А. Балл, В. А. Мединцев // Россия: Тенденции и перспективы развития. Вып. 7. Ч. II. Москва : ИНИОН РАН, 2012. С. 668–673.

9. Баронене С. Г. Особенности объекта и исследовательской позиции в гуманитарном исследовании // Гуманитарное исследование в образовании: опыт, размышления, проблемы. Томск, 2002. С. 232–244.

10. Бахтин М. М. Философия России второй половины XX века. Москва : Росспен, 2010.

11. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва : Художественная литература, 1975.

12. Бернштейн А. Н. Ардалион Ардалионович Токарский // Вопросы философии и психологии, 1901, кн. 59, С. V-XI.

13. Брентано Ф. Избранные работы. Москва : Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с.

14. Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 558 с.

15. Волков И. П. Перспективы развития теоретической и практической психологии в России: Возродить научные исследования по предмету психологии // Вестник Балтийской Академии, вып.3, 1996. С. 6–13.

16. Вундт В. Основания физиологической психологии. Москва : Типогр. М. Н. Лаврова и Ко., 1880. 1040 с.

17. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л. С. Собрание сочинений. т.1. Москва, 1982. С. 291–436.

18. Выготский Л. С. Мышление и речь. Москва, 1934. 304 с.

19. Выготский Л. С. Предисловие к книге А. Ф. Лазурского «Психология общая и экспериментальная» // Выготский Л. С. Собрание сочинений. т.1. Москва, 1982. С. 63-77.

20. Выготский Л. С. Собрание сочинений. т.1. Москва : Педагогика, 1982. 488 с.

21. Гинецинский В. И. Предмет психологии: дидактический аспект. Москва : Изд. Корпорация Логос, 1994.

22. Дессуар М. Очерк истории психологии. Санкт-Петербург : Книгоизд. О. Богдановой, 1912. 218 с.

23. Джемс У. Психология. 5-е. изд. Санкт-Петербург : Изд. К. Л. Риккера, 1905. 425 с.

24. Ждан А. Н. История психологии. Москва : МГУ, 1990. 367 с.

25. Журавлев А. Л. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. / А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик, А. В. Юревич // Психологический журнал. 2016. Том 37. № 5. С. 55–74.

26. Журавлев А. Л. Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы / А. Л. Журавлев, И. А. Мироненко, А. В. Юревич // Психологический журнал. № 2. 2018. С. 57–70.

27. Журавлев А. Л. Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе / А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик, А. В. Юревич // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития. Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 698–713.

28. Журавлев А. Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология пси-

хологии: постнеклассическая перспектива. Москва : ИПРАН, 2007. С. 15–32.

29. Журавлев А. Л. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия / А. Л. Журавлев. Д. В. Ушаков // Психологический журнал. 2011. т. 32. № 3. С. 5–16.

30. Журавлев А. Л. Теоретико-экспериментальная и практическая психология: две разные парадигмы? / А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков // Парадигмы в психологии. Науковедческий анализ. Москва : ИП РАН, 2012. С. 158–177

31. Залевский Г. В. Объяснение и понимание против «циклопной» психологии // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 1. С. 41–47.

32. Залевский Г. В. «Строительные леса» на здании, которое называется психология человека // Сибирский психологический журнал. 2019а. № 71. С. 79–106.

33. Залевский Г. В. Рецензия на монографию В. А. Мазилова «Методология психологической науки. История и современность» // Сибирский психологический журнал. 2019. № 71. С. 197–200.

34. Зинченко В. П. Методологические вопросы психологии / В. П. Зинченко, С. Д. Смирнов. Москва : МГУ, 1983. 164 с.

35. Зинченко В. П. О человеческой душе и плоти/ В. П. Зинченко, В. А. Подорога // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 34–43.

36. Иванов П. Н. Артикль "the" или образование без идеологии // Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования : материалы II Национальной научно-практической конференции с международным участием / под науч. ред. проф. В. А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 20–22.

37. История психологии: период открытого кризиса: Тексты / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. Москва : МГУ, 1992. 364 с.

38. Карицкий И. Н. Методологические основания определения предмета психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2. Ярославль, 2004.

39. Касавин И. Т. Междисциплинарные исследования в контексте рефлексии и габитуса // Междисциплинарность в науках и

философии / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И. Т. Касавин. Москва : ИФРАН, 2010. С. 15–28.

40. Касавин И. Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. № 4. 2010. С. 61–73.

41. Киященко Л. П. Философия трансдисциплинарности / Л. П. Киященко, В. И. Моисеев ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. Москва : ИФРАН, 2009. 205 с.

42. Козлов В. В. Актуальные вопросы интеграции психологии // ЧФ. Социальный психолог, № 1 (37), 2019. С. 58–68.

43. Кризис. Режим доступа: http://dictionary-economics.ru/word/. (Дата обращения: 22.12.2019).

44. Кун Т. Структура научных революций. Москва, 2003. 364 с.

45. Кун Т. После «Структуры научных революций». Москва, 2014. 443 с.

46. Лавский В. В. Вступление // Античная мудрость. Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. С. 3–21.

47. Лазурский А. Ф. Психология общая и экспериментальная. 2-е изд. Петроград : Кн. скл. «Земля», 1915. 346 с.

48. Ланге Н. Н. Психический мир: Избранные психологические труды. Москва : Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж : НПО «Модэк», 1996. 368 с.

49. Ланге Н. Н. Психологические исследования: Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса: Типография Шт. Одесского военного Округа, 1893.

50. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т.18. Москва, 1968. 526 с.

51. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Москва : МГУ, 1975

52. Логинова Н. А. Теоретик психологии Лев Маркович Веккер // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 106–115.

53. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. Москва : Наука, 1984. 444 с

54. Майоров Г. Г. Вольф // Философский энциклопедический словарь. Москва : Сов. энциклопед., 1989. С. 96–97.

55. Мазилов В. А. Научная психология в век глобализации // Высшее образование сегодня. № 7. 2018б. С. 48–55.

56. Мазилов В. А. «Золотая ветвь»: М.М.Бахтин и будущее психологии // Психологический vademecum. Витебщина М. М. Бахтина. Витебск : ВГУ им. Машерова, 2018а. С. 10–16.

57. Мазилов В. А. Научный факт в психологии: структурно-уровневый подход // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. № 1 (90) январь – март 2018. С. 133–142

58. Мазилов В. А. Научная психология: проблема предмета // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии. Ярославль : МАПН, 2004.

59. Мазилов В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль : МАПН, 1998. 356 с.

60. Мазилов В. А. Психология в XXI столетии: проблема предмета науки // Методология и история психологии. Вып. 1. 2018а. С. 108–123.

61. Мазилов В. А. De anima: Предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня. № 6. 2019. С. 60–70.

62. Мазилов В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль, 2017. 419 с.

63. Мазилов В. А. Научная психология: проблема объяснения // Методология и история психологии: Научный журнал. Т.3. Вып. 1. 2008. С. 58–73.

64. Мазилов В. А. Психология: взгляд в будущее // Психологический журнал. Т.38. №5. 2017а. С. 97–102.

65. Мазилов В. А. Прогресс на фоне кризиса // Вопросы психологии. №6. 2017б. С. 107–116.

66. Мазилов В. А. Психология: кризис в науке // Психотехнологии в социальной работе / под ред. В. В. Козлова. Выпуск 9. Ярославль : МАПН, ЯрГУ, 2004. С. 12–46.

67. Мазилов В. А. Кризис научной психологии: XXI век // Проблемы педагогики и психологии: Научное периодическое издание межвузовского консорциума (Армения), 2015, № 3. С. 138–152

68. Мазилов В. А. Принцип соизмеримости теорий в психологии // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Соци-

альная работа. Ювенология. Социокинетика». – №4. том 19. 2013. С. 28–32.

69. Мазилов В. А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015. том 36. № 3. С. 87–96.

70. Мазилов В. А. Интеграция психологического знания. Ярославль : МАПН, 2008. 112 с.

71. Мазилов В. А. Методологические проблемы психологии: объяснение и редукционизм // Ярославский психологический вестник. Вып. 20. Москва-Ярославль : Изд-во Российское психологическое общество, 2007а. С. 15–20.

72. Мазилов В. А. Понимание. Объяснение. Творчество // Вокруг «Стен и мостов»: размышления о методологии психологической науки. Сб. статей / под ред. В. А. Мазилова. Ижевск : ERGO, 2016. С. 10–45.

73. Мазилов В. А. Объяснение и понимание в научной психологии // Ярославский психологический вестник. 2018а. № 41.

74. Мазилов В. А. Разработка концепции объяснения в психологии // Ярославский педагогический вестник. 2018 б. № 4. С. 188–197.

75. Мазилов В. А. Кризис психологии: троянские мотивы // Философия и / или новое интегративное знание – 4: Материалы Всероссийской научной конференции (Ярославль, май 2015 года) / Под ред. А. В. Азова. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2015а. С. 76–97.

76. Мазилов В. А. Кризис в психологии: конструктивная роль // Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України. Киев : Видавництво «Фенікс», 2016. Т. XII. Психологія творчості. Випуск 22. С. 168–184

77. Мазилов В. А. Утраты и обретения: Еще раз о предмете научной психологии // Психология и практика: Ежегодник Российского Психологического Общества. Т. 4, выпуск 5. Ярославль : ЯрГУ, МАПН, Российское Психологическое Общество, 1998а, – С. 49–54.

78. Мединцев В. А. Проблемы, решаемые интеграцией психологического знания; направления и ареалы её реализации // Теоретичні дослідження у психології. Том V. 2018. С. 91–111.

79. Мироненко И. А. Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? // Вопросы психологии. 2008. №4. С. 119–127.

80. Никитин, Е. П. Объяснение – функция науки. Москва, 1970.

81. Объяснение в философии науки // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 1. С. 7–8.

82. Панферов В. Н. Принцип целостности в интеграции психологического знания / В. Н. Панферов, А. В. Микляева // Психологический журнал. Т.40. № 2. 2019. С. 5–14.

83. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 1, 2. Москва : Прогресс, 1966. С. 157–194.

84. Роговин М. С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории : автореф. дис. … док. пед. наук. Москва, 1968. 28 с.

85. Роговин М. С. Введение в психологию. Москва : Высшая школа, 1969. 384 с.

86. Роговин М. С. Психологическое исследование. Ярославль : ЯрГУ, 1979. 66 с.

87. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль : ЯрГУ, 1977. 80 с.

88. Роговин М. С. Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования / М. С. Роговин, Г. В. Залевский. Томск, 1988. 234 с.

89. Рубинштейн С. Л. Основы психологии. Москва : Гос. уч.-пед. изд.-во, 1935. 496 с.

90. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. 2-е. изд. Москва : Гос. уч.-пед. изд.-во мин. просв. РСФСР, 1946. 704 с.

91. Рубинштейн С. Л. Философские корни экспериментальной психологии // Рубинштейна С. Л. Проблемы общей психологии. Москва : Педагогика, 1973б. С. 68–90.

92. Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. Москва : МГУ, 1985. 232 с.

93. Степанов Сергей Методология и история психология. Режим доступа: https://www.facebook.

com/groups/505367082848886/permalink/2256186647766912/. (Дата доступа: 12.01 2020).

94. Сэмьюэлз Э. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга / Э. Сэмьюэлз, Б. Шортер, Ф. Плот. Москва : ЭСИ, 1994. 184 с.

95. Тюков А. А. Психология XXI века: пророчества и прогнозы (Круглый стол) // Вопросы психологии. №1. 2001. С. 6–8.

96. Философия и методология науки. Москва, 1996.

97. Франк С. Л. Душа человека: Опыт введения в философскую психологию // Франк, С. Л. Предмет знания. Душа человека. Санкт-Петербург : Наука, 1995. С. 417–632.

98. Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1,2. Москва : Прогресс, 1966. С. 15–98.

99. Фресс П. Экспериментальный метод // Экспериментальная психология / ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1,2. Москва : Прогресс, 1966. С. 99–156.

100. Фрит К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / пер. с англ. П. Петрова. Москва : Астрель : CORPUS, 2010. 335, [1] с.

101. Хемингуэй П. Предисловие // Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. Москва : АСТ, 2014.

102. Чиж В. Ф. Научная психология в Германии. Санкт-Петербург, 1886. 107 с.

103. Шадриков, В. Д. Внутренний мир человека. Москва, 2006. 386 с.

104. Шадриков В. Д О предмете психологии (Мир внутренней жизни человека). // Психология. Журнал Высшей школы экономики. № 1. том 1. 2004. С. 5–19.

105. Шадриков В. Д. Общая психология : учебник для академического бакалавриата / В. Д. Шадриков, В. А. Мазилов. Москва : Юрайт, 2015. 411 с.

106. Шадриков В. Д. Способности и одаренность человека. Москва : Издательство «Институт психологии РАН», 2019. 274 с.

107. Швырев В. С. Интерпретация // Новая философская энциклопедия. Т. 2. Москва, 2010.

108. Экспериментальная психология / ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1,2. Москва : Прогресс, 1966.

109. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. Москва : Наука, 1978. 392 с.

110. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. 406 с.

111. Юнг К. Г. Аналитическая психология. Санкт-Петербург, 1994. 136 с.

112. Юнг К. Г. О природе психе. Москва : Рефл-Бук ; Киев : Ваклер, 2002.

113. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. Москва, 1994. 332 с.

114. Юнг К. Г. Божественный ребенок. Москва : Олимп, 1997. 400 с.

115. Юнг К. Г. Дух и жизнь. Москва : Практика, 1996. 560 с.

116. Юнг К. Г. Конфликты детской души. Москва : Канон, 1995. 336 с.

117. Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. № 1. 2006. С. 97–106.

118. Юревич А. В. Объяснение в психологии // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 1. С. 74–87.

119. Юревич, А. В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. №5. С. 3–19.

120. Юревич А. В. Психология в современном обществе // Психологический журнал. № 6. Т.29. 2008. С. 5–14.

121. Якоби И. Психологическое учение К. Г. Юнга // Юнг К. Г. Дух и жизнь. Москва : Практика, 1996. С. 385–534.

122. Янчук В. А. Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия // Методология и история психологии. Вып. 1. 2018 С. 124–154.

123. Ярошевский М. Г. История психологии. 3-е изд., дораб. Москва : Мысль, 1985. 575 с.

124. Ярошевский М. Г. Наука о поведении: Русский путь. Москва : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : НПО «Модэк», 1996. – 380 с.

125. Ярошевский М. Г. Новаторство И. М. Сеченова: историческая реальность или «сталинская фикция»// Вопросы психологии. №6. 1994. С. 87–98.

126. Boring E. A History of Introspection // Psychological Bulletin, ą 3, v.50, 1953, p.169-189.

127. Boring E. A History of experimental Psychology. N.Y., London: The Centure Co, 1929. XVIII, 669 p.

128. Boring E. A History of experimental Psychology. 2nd ed. N.Y. : Appleton-Century-Crofts, 1950. XXI, 777 p.

129. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874. 278 S.

130. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte /Hrsg. von Oskar Kraus. Bd. 1. Leipzig: Meiner, 1924. XCVII, 278 S.

131. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte / Hrsg. von Oskar Kraus. Bd 2. Von der Klassifikation der psychischen Phänomene. Leipzig : Meiner, 1925. XXIII, 337 S.

132. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte / Hrsg. von Oskar Kraus. Bd 3. Vom sinnlichen undnoetischen BewÜsstsein. / F.Brentano. Leipzig: Meiner, 1928. XLVIII, 191 S.

133. Brown R. Explanation in social science. Chicago, 1963.

134. Bühler K. Die Krise der Psychologie. Jena : Gustav Fischer, 1927.

135. Cammin, R. The Nature of psychological Explanation. London, 1983.

136. Canadian Code of Ethics for Psychologists. // Canadian Psychological Association, 2000.

137. Chapin S. Seeing the Spectrum: a new history of autism // The New Yorker. 2016. Jan. 25. P. 65-69.

138. Ethical Principles of Psychologists and Code of Conduct. // American Psychological Association, 2003.

139. Fodor J. A. Psychological Explanation: An Introduction to the Philosophy of Psychology. N.Y., 1968.

140. Hempel C. G. Studies in the Logic of Explanation / C. G. Hempel, P. Oppenheim // Philosophy of Science. 1948. Vol. 15. N 2. P. 135–175.

141. James W. The Principles of Psychology. London: Macmillan and Co, 1890. V.1. XII, 689 p; V.2. VI, 704 p.

142. Jung K. G. Die Synthetische oder Konstruktive Methode // Ges. Werke. Bd. 7, 1967, S. 87-97.

143. Jung K. G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung fur die Psychologie // Ges.Werke.Bd.8, 1967, S. 418-423.

144. Kostyleff N. La crise de la psychologie expérimentale. Paris: Alcan, 1911.

145. Lewin K. The conflict between Aristotelian and Galilean modes of thought in contemporary psychology // Journal of General Psychology. 1931. V. 5. P. 141–177.

146. Mazilov V. A. About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of modern Russia. M.–Yaroslavl: IAPS, 1997, c. 126–135.

147. Piaget J. Psychology and other sciences //Ann. Rev. Psychol., 1979. 30, pp. 1-8

148. Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationship // Interdisciplinarity. Problems of teaching and research in universities. P., 1972. pp. 127-139

149. Piaget J. L'explication en psychologie et le parallélisme psychophysiologique.

150. In: P. Fraisse, J. Piaget et M. Reuchlin., Traité de psychologie expérimentale. Vol. I, Histoire et méthode. Paris: Presses univ. de France, 1963, pp. 121-152

151. Pongratz L. J. Problemgeschichte der Psychologie. München, 1967

152. Swart H.A.P. Explanation in Psychology. Delft, 1985

153. Traité de psychologie expérimentale. Vol. I-IX.Paris: Presses univ. de France, 1963

154. Valsiner Y. Becoming Integrative in Science: Rebuilding Contemporary Psychology through Interdisciplinary and International Collaboration // Integrative Psychological and Behavioural Science, 2007, 41, p.1-5

155. Willy R. Die Krisis in der Psychologie. Munchen, 1899.

156. Wollf Ch. Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experietiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosofiae practicae ac-theologicae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1738. 720 S.

157. Wollf Ch. Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experietiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimiorem naturae ejusque autoris cognitionem profutura proponuntur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734. 680 S.

158. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874. XII, 870 S.
159. Yanchuk V. A. The Theoretical and Empirical Foundations of the Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Metatheory of the Integration of Psychologica Knowledge // Journal of Russian & East European Psychology, 2018, 55:2-3, 241-286.

Научное издание

Владимир Александрович Мазилов

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ

Монография

Редактор К. С. Лапшина

Подписано в печать: 30.01.2020.
Формат 60×90/16. Объем 11 п. л., 7,9 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 04.

Редакционно-издательский отдел
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Отпечатано в типографии
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852)32–98–69